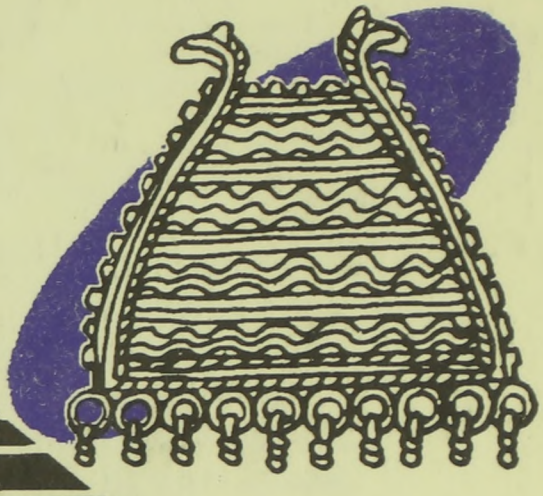
ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

1.1997

6178/1

Финно-угроведение. 1997. № 1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

К. Н. САНУКОВ (главный редактор),
Ю. В. Андуганов (зам. главного редактора),
В. А. Балашов, В. Е. Владыкин, Ю. А. Зеленеев (отв. секретарь),
А. Г. Иванов, М. Г. Иванова, А. Д. Каксин, В. К. Кельмаков,
Г. М. Керт, Н. Д. Конаков, В. Г. Кудрявцев, Т. Л. Молотова,
В. В. Напольских, А. Н. Ракин, В. В. Седов, В. С. Соловьев,
Д. В. Цыганкин

67787
МАРИЙ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Мнения, высказываемые в материалах журнала, не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

М. Мосин. Мордовское языкознание: современное состояние и перспективы развития 3
Е. Тулуз. Историческое значение переводческой работы в развитии финно-угорских литератур 18
Г. Берецки. Некоторые проблемы перевода литературных произведений финно-угорских народов 28
Л. Арсланов. Следы пребывания марийцев в восточном Закамье 33
О. Курс. Коренные национальные меньшинства в Финляндии, Швеции и Норвегии 50
А. Куклин. Системность и несистемность в топонимии волжско-финских языков 69

СООБЩЕНИЯ

Г. Тужаров. Имеет ли марийское *вес ийын* статус наречия? 77
Л. Москвина. Некоторые вопросы образования женщин-мари в конце XIX— начале XX вв. 82
Е. Ромбандеева. Мансийские (вогульские) сказки и их особенности 89
Э. Лебедева. Структурная характеристика марийских пословиц и поговорок (сложное предложение) 95
М. Федина. К вопросу о происхождении некоторых безличных оборотов в современном коми языке 101

ПЕРСОНАЛИИ

И. Плосков. О научной деятельности Г. Старцева (коми этнографа и фольклориста) 107

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Э. Истомина, Н. Кокорина, С. Кузьминых. Рец.: Н. Н. Агафонова, А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова. Страницы истории земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века (учебное пособие). Пермь: Книжный мир, 1996. 176 с., илл. 111
В. Напольских. Рец.: Миннияхметова Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности «этнология (этнография)» 118
М. Мосин. Рец.: Глухова Н. Н. Структура и стиль текстов марийских заговоров. Йошкар-Ола, 1996. 112 с. 123
Е. Цыпанов. Рец.: Seppo Lallukka. Komipermjakit — perämaan kansa. Syrjätyminen, sulautuminen ja postkommunistinen murros / Venäjän ja Itä — Euroopan instituutti. Helsinki, 1995.—198 s. 125
О. Левенштейн. Рец.: Ласло В. Молнар. Русско-венгерские культурные связи (1750—1815 гг.). Йошкар-Ола: Стезя, 1994. 194 с. 130

ХРОНИКА

Т. Молотова. Мероприятия в дни родственных финно-угорских народов в Хельсинки 133
А. Куклин, О. Сергеев. Международная научная конференция «Структура и развитие волжско-финских языков» 137
И. Садовин. Финно-угорская хроника культурной и научной жизни за 1996 год 146
О. Левенштейн. Памяти Вольфганга Феенкера 150

Сведения об авторах 151

«Финно-угроведение», 1997, № 1.

СТАТЬИ

Михаил Мосин
Саранск

МОРДОВСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ*

В настоящее время смело можно выделить различные периоды развития исследования мордовских языков. Их научное изучение имеет довольно богатую историю. Первые шаги в изучении мокшанского и эрзянского языков в научном плане были сделаны еще в прошлом столетии в работах П. Орнатова(1), А. Алквиста(2), Ф. Й. Видемана(3), И. Буденца(4), А. А. Шахматова(5) и многих других ученых лингвистов.

Основы научных изысканий в области фонетики и фонологии, исторического вокализма и консонантизма заложены в трудах Х. Паасонена(6), А. Генетца(7), Н. С. Трубецкого(8), П. Равилы(9), Д. В. Бубриха(10), Э. Итконена(11), В. Халлапа(12), Г. И. Стипы(13), М. Е. Евсевьева(14), Н. Ф. Цыганова(15) и других. Особенно подробное описание система фонем получила в работах Д. В. Бубриха «Эрзя-мордовский язык: урало-алтайские построения» (Советское языкознание, Л., 1935, т. 1), «Звуки и формы эрзянской речи по говору с. Козловки» (М., 1930), «Мордовская система фонем» (МНИИ, Саранск, 1941, № 2), «Из истории мордовского вокализма» (Советское языкознание, Л., 1947). Им впервые описаны отдельные закономерности в области вокализма и консонантизма. В последнее время многие вопросы фонетической и фонологической системы мордовских языков нашли отражение в различных трудах современных исследователей. Сюда в первую очередь следует отнести работы К. Редеи(16), Д. В. Цыганкина(17), А. П. Феоктистова(18), В. Феенкера(19), Д. Т. Надькина(20), О. Е. Полякова(21), М. В. Мосина(22) и других. Отдельным аспектам фонетики посвящены кандидатские диссертации. Среди них — «Аффрикаты и сибилянты в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках и диалектах» О. Е. Полякова, «Репрезентация гласного непервого неаевого общемордовского слога в современных мордовских литературных языках и диалектах» Г. С. Ивановой (1993).

---

* Доклад прочитан на Международной научной конференции «Структура и развитие волжско-финских языков» (Йошкар-Ола, 1996).

Системное изложение нормативной фонетики современных мокшанского и эрзянского языков сделано в работе С. З. Деваева и Д. В. Цыганкина «Фонетика мордовских (мокшанского и эрзянского) литературных языков» (Саранск, 1970). Наиболее важные вопросы фонетики эрзянских диалектов рассмотрены Д. В. Цыганкиным в монографии «Фонетика эрзянских диалектов» (Саранск, 1979). Отдельные изоглоссы в области фонетических явлений на материале эрзя-мордовского языка с учетом всех диалектных типов, распространенных на территории Мордовии, выявлены Г. И. Ермушкиным в работе «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык)» (М., 1984). С учетом современных достижений финно-угристики по сравнительно-исторической фонетике финно-угорских языков профессором Л. Керестеш дано обстоятельное описание истории системы консонантизма в работе «Geschichte des mordvinischen Konsonantismus 1» (Szeged, 1987). По времени последним исследованием по описательной фонетике мордовских языков в свете экспериментальных данных явилась коллективная монография «Современные мордовские языки. Фонетика», изданная под редакцией Л. В. Бондаренко и О. Е. Полякова (Саранск, 1993). Следует отметить, что в данной монографии впервые в отечественном мордововедении сделана попытка экспериментального анализа мордовской речи.

Перечень исследований показывает, что изучением фонетической и фонологической системы мокшанского и эрзянского языков охвачены многие стороны данного уровня языков, от частных явлений до анализа определенных систем. Несмотря на это, следует признать, что в мордовской фонетике до сих пор остается много неисследованного. Это касается как отдельных аспектов, так и целых систем, например, до сих пор не изучена фонетическая система говоров больших регионов, где компактно от 50 до более 100 тысяч проживает эрзян и мокшан. Это — говоры Ульяновской области, Башкирии, Саратовской и Оренбургской областей. В отдельных исследованиях были сделаны попытки выяснения природы мордовского ударения, истории редуцированных гласных, системы гласных непервого слога слова, однако эти явления требуют более системного и глубокого изучения. На наш взгляд, определенно должна быть расширена сфера экспериментальных описаний мокшанской и эрзянской речи. До сих пор остается загадкой природа мокшанских $л^{х}$, $л'^{х}$ и $р^{х}$, $р'^{х}$.

Весьма широкий спектр проблем морфологии мордовских языков имеет не менее глубокую историю своего исследования. Множество аспектов описательной грамматики, исторической морфологии и словообразования в разное время привлекало внимание как отечественных, так и зарубежных ученых. Начиная с П. Орнатова, А. Алквиста, Ф. И. Видемана и кончая молодыми учеными наших дней, в этой многогранной сфере мордовского языкознания работала и работает целая плеяда исследователей. Создание первой мордовской грамматики связывают с именем Дамаскина (Д. Семенова-Руднева, 1737—1795), рукопись которой была написана

в Нижегородской епархии (1783—1794), но она, к сожалению, не сохранилась. Существенный вклад в изучение вопросов морфологии внесли М. Е. Евсевьев(23) и Д. В. Бубрих(24). М. Е. Евсевьевым впервые дана оригинальная классификация частей речи. Учитывая значение слов и их формальные признаки, они были распределены на имена, глаголы и служебные частицы. К первым включены существительные, прилагательные, числительные, местоимения, а к частицам — наречия, послелоги, союзы и междометия. Прилагательные им ошибочно были отнесены к категории существительных, а наречия и послелоги к частицам. Вместе с тем эта классификация была очень важной для мордовского языкознания. Глубокому изучению были подвержены система мордовского склонения и спряжения Д. В. Бубрихом в его работах «Мордовское склонение» и «Мордовское спряжение». Им выявлено происхождение сказуемостного изменения неглагола, определены истоки *л*-овых глагольных образований. Отдельные вопросы морфологии глагола были освещены в исследованиях М. Н. Коляденкова «Происхождение глагольных форм типа *кундыдерей — кундандеряй* в мордовских языках» (Зап. МНИИ, Саранск, 1946, № 5), «К вопросу о происхождении глаголов от именных основ в мордовских языках» (Зап. МНИИ, Саранск, 1953, № 14), В. И. Палля «Времена и наклонения в мордовских языках» (Тарту, 1955), В. П. Халлапа «Суффиксы образования глаголов в мордовских языках» (Таллинн, 1955). Системное описание получили такие морфологические категории, как местоимения [П. Г. Балакиным(25)], прилагательные и причастия [С. Г. Потапкиным(26) и М. И. Пигиным(27), Р. А. Заводовой(28)], послелоги [А. И. Имярековым(29) и П. С. Кудаевым(30)], наречия [М. Д. Имайкиной(31)], категория притяжательности [А. П. Феоктистовым(32)], категория определенности [Т. М. Тихоновой(33)]. Исследованиям вопросов исторической морфологии в сравнительном плане с другими финно-угорскими языками посвящены работы Д. В. Бубриха «Историческая грамматика эрзянского языка» (Саранск, 1953), Б. А. Серебренникова «Историческая морфология мордовских языков» (М., 1967), К. Е. Майтинской «Местоимения в мордовских и марийском языках» (М., 1964), «Местоимения в языках разных систем» (М., 1969), отдельные статьи и монографии Д. В. Цыганкина(34), М. В. Мосина(35) и других.

Продолжая лучшие традиции предшествующих исследователей, в последние годы усилия мордовских языковедов и зарубежных финно-угроведов сосредоточены на малоизученных проблемах морфологии и словообразования мордовских языков. С учетом современных достижений финно-угристики за это время подготовлено несколько работ обобщающего характера. К таковым следует отнести прежде всего докторские диссертации: Д. В. Цыганкина «Морфология имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка» (1978), Д. Т. Надькина «Основа глагола в мордовских языках» (1982) и М. В. Мосина «Эволюция структуры финно-угорской основы слова в мордовских языках» (1987), Р. Н. Бузаковой

«Грамматическая синонимия в мордовских языках» (1992). В этих монографиях сделан подробный анализ основных категорий имени существительного и глагола в сравнении с соответствующими категориями в других финно-угорских языках, раскрыты отличительные особенности именной и глагольной основы, в синхронном и диахронном плане описаны словоизменительные парадигмы, а также выявлены возможности словопроизводства, впервые в мордовском языкознании разработаны вопросы морфологии и грамматической синонимии.

Наряду с докторскими диссертациями вопросы морфологии нашли отражение в множестве кандидатских диссертаций, а именно: В. И. Учкиной «Инфинитив в мордовских языках» (1975), В. С. Щемеровой «Отрицание в мордовских языках» (1972), А. Е. Тургаевой «Категория залога в мордовских языках» (1972), Н. И. Рузанкина «Аккузатив в мордовских и русском языках (сопоставления различий)» (1985), Л. А. Водясовой «Именная основа в эрзя-мордовском языке» (1993), Л. И. Кокнаевой «Именное словообразование в мокшанском языке» (1996) и др. В последние десятилетия вышло немало монографий и сборников научных статей, где особое место занимают проблемы именных и глагольных основ, особенности морфологической структуры слова в сфере словоизменения и словообразования в историческом освещении. За это время в разных по объему исследованиях в морфологии выделился отдельный раздел «Морфемика и словообразование», в котором дана характеристика основных единиц и понятий морфемной структуры именного и глагольного слова, выявлены исторические изменения в производных, раскрыто существо словообразовательного типа и механизм словообразования разных морфологических категорий.

Многим проблемам исторической грамматики и словообразования посвящены исследования ряда современных зарубежных финно-угроведов — Е. Итконена(36), Р. Бартенс(37), Д. Гено(38), П. Саукконена(39), Е. Месарош(40) и других. Обобщающим последние изыскания в области фонетики и морфологии явился учебник для национальных отделений вузов «Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология» (Саранск, 1980). В настоящее время этот учебник готовится к изданию на эрзянском языке.

Синтаксис является одним из малоизученных разделов грамматики мордовских языков. Тем не менее в истекшие два десятилетия в этой области сделано немало интересных исследований как частного, так и обобщающего характера. Первоначально проблемам синтаксиса большое внимание уделил в своих работах М. Н. Коляденков(41), рассмотрев впервые ряд вопросов структуры простого предложения. Позднее многие аспекты синтаксиса рассматриваются в различных статьях и отдельных монографиях В. М. Имярековой(42), Р. А. Алешкиной(43), Н. С. Алямкина(44), И. С. Бузакова(45), М. З. Илькиновой(46). Многие проблемы синтаксиса рассматриваются в работах финских и венгерских финно-угроведов:

А. Алхониеми(47), Р. Бартенс(48). По теме «Порядок слов в предложении мордовских языков» в настоящее время пишет докторскую диссертацию венгерский исследователь Ильдико Вечернеш; коллектив авторов готовит к изданию учебное пособие для студентов «Синтаксис мордовских языков», который будет издан на эрзянском и мокшанском языках. В будущем в этой области языкознания предстоит: а) исследование синтаксиса мордовского фольклора и его сопоставление с современным состоянием; б) сбор и изучение диалектного синтаксиса и разговорной речи, более глубокого анализа требует рассмотрение структуры сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

Из всех областей мордовского языкознания самую продолжительную историю имеет лексикология. Списки слов, составленные Николасом Витсеном и участниками комплексных академических экспедиций от Петербургской Академии наук России, открыли первую страницу в 300-летней истории изучения лексики мордовских языков. За это время издано множество разных по объему и качеству мокшанских и эрзянских словарей. По мнению лексикографов, одним из вершинных достижений отечественной лексикографии XVIII века является «Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы, черемис... По алфавиту Российских слов расположенный под присмотром... Дамаскина епископа Нижегородского и Алатырского сочиненный 1785 года». Большой научной ценностью явилась первая часть диалектологического словаря М. Е. Евсевьева «Эрзянь-рузонь валкс» (М., 1931).

В послевоенные годы была проведена интенсивная лексикографическая работа Мордовским научно-исследовательским институтом, в результате чего были изданы «Русско-эрзянский словарь», объем 35,5 п. л. (М., 1948), «Эрзянско-русский словарь», объем 24,5 п. л. (М., 1949), «Мокшанско-русский словарь», объем 27,5 п. л. (М., 1949), «Русско-мокшанский словарь», объем 52,5 п. л. (М., 1951). Позднее были составлены орфографические словари (1955, 1957). Указанные словари были составлены с учетом накопленного к тому времени опыта лексикографической работы. Они сыграли особую роль в унификации лексики и норм правописания слов, что было необходимо в разных сферах функционирования мокшанского и эрзянского языков. Наряду с лексикографической работой проводилась разработка вопросов лексикологии. В этой области в те годы плодотворная работа была проведена М. Н. Коляденковым и Н. Ф. Цыгановым. Накопленный материал в ходе различных экспедиций по сбору лексического материала и опыт предшествующих лексикологов и лексикографов были использованы более молодым поколением исследователей. За последние два десятилетия было издано несколько видов словарей: «Фразеологический словарь мордовских (мокша и эрзя) языков» (Саранск, 1973) Р. С. Ширманкиной, «Эрзянь келень нуркине этимологической словарь» (Саранск, 1977) Д. В. Цыганкина и М. В. Мосина, «То-

понимический словарь Мордовской АССР» (Саранск, 1979) И. К. Инжеватова, «Эрзянь келень эпитетэнь нурькине словарь» (Саранск, 1982) А. Г. Борисова, «Эрзянь келень орфографической словарь» (Саранск, 1977) Р. Н. Бузаковой и Р. С. Ширманкиной, «Мокшень кялень орфографическяй словарь» (Саранск, 1979), «Русско-мордовский словарь» (М., 1971) А. П. Феоктистова, «Словарь синонимов» Р. Н. Бузаковой, «Мокшень кялень нюрьхкяня этимологическяй словарь» (Саранск, 1981) М. А. Келина, М. В. Мосина, Д. В. Цыганкина, «Валонь тиевома мокшень кялень валкс» (Саранск, 1991) М. А. Келина. Наконец, в 1993 году вышел долгожданный «Эрзянь-рузонь валкс». В настоящее время в издательстве находится мокшанско-русский словарь.

Параллельно с лексикографической работой проводилось исследование различных аспектов лексикологии. В последние годы в данной области мордовского языкознания защищены кандидатские диссертации: Г. И. Батков «Мордовская полисемия (на материале глагола)» (1975); Р. Н. Бузакова «Синонимы в мордовских языках» (Саранск, 1977); Т. М. Шеянова «Развитие лексики эрзя-мордовского языка в советскую эпоху»; А. М. Гребнева «Флористическая лексика мордовских языков» (1984); В. П. Цыпкайкина «Эрзя-мордовская глагольная диалектная лексика» (1987). Собранный лексический материал на кафедрах эрзянского и мокшанского языков университета, мордовских языков педагогического института, в секторе языка научно-исследовательского института получил дальнейшее научное освещение в отдельных монографиях и сборниках научных статей, довольно часто публикуемых в эти годы. Итогом лексикологической работы явился вузовский учебник «Лексикология мордовских языков» (Саранск, 1983).

Вопросы мордовской лексикографии разрабатывались по международному научному плану. Сотрудники кафедры мордовских языков несколько лет собирали и представляли лексический материал мокшанского и эрзянского языков для Лингвистического атласа Европы.

Подготовлены к изданию словари сложных слов, терминологические словари мордовских языков. В настоящее время ведется активная лексикографическая работа совместно с учеными Туркуского университета. В 1995 году издан в Турку и в Саранске «Эрзянь-финнэнь валкс». Готовятся к изданию «Мокшень-финнэнь валкс», «Финнэнь-эрзянь валкс», «Эрзянь-немецень валкс», «Эрзянь-англичанонь валкс». В особый раздел из лексикологии выделилась ономастика и получила быстрое развитие в работах Д. В. Цыганкина, И. К. Инжеватова. Топонимический словарь мордовских языков И. К. Инжеватова вышел в двух изданиях (Саранск, 1977, 1979). В течение двух десятилетий на кафедрах эрзянского и мокшанского языков собран уникальный материал, на основе которого написан ряд статей Н. Ф. Мокшиным(52), М. В. Мосиным(53), С. И. Липатовым(54), П. Г. Матюшкиным, А. М. Гребневой. В 1986 году был опубликован межвузовский сборник «Ономастика Поволжья», Ш. Матичак в 1995 году

опубликовал монографию и защитил докторскую диссертацию. Н. В. Казаева защитила кандидатскую диссертацию «Эрзянская топонимия бассейнов рек Алатыря, Инсара и Суры (Республика Мордовия)», 1996. В настоящее время при кафедре эрзянского языка Д. В. Цыганкиным готовится «Словарь микротопонимов на территории Мордовии». Вместе с тем в лексикологии и лексикографии мордовских языков еще много нерешенных вопросов.

Учитывая чрезмерную некомпактность проживания мордвы, особенно эрзян, во всех регионах Российской Федерации, до сих пор остается незафиксированной большая часть уникальной лексики эрзянских и мокшанских диалектов, слабо исследованы лексико-семантические группы слов, а ономастическая лексика в отдельных регионах вообще остается нетронутой целиной. Накопленный материал по исторической лексике должен быть подвержен монографическому описанию. Отдельные монографии в виде кандидатских и докторских диссертаций и отдельных работ напрашиваются и по проблемам лингвогеографии. В целях расширения коммуникативных функций мордовских языков и обеспечения учебных планов вузов и средних школ необходимой учебно-методической литературой возникла огромная потребность активизации лексикографической работы. В настоящее время очень нужны двуязычные эрзянские и мокшанские словари с другими финно-угорскими и иностранными языками. Это облегчит изучение эрзянами и мокшанами других финно-угорских, а также иностранных языков, избавит их от переводческого процесса через русскоязычные словари.

Особо следует остановиться на состоянии диалектологии мордовских языков. Ее историческому началу без малого 200 лет. Впервые венгерский путешественник А. Регули и финский лингвист Август Алквист собрали образцы мордовской речи в Нижегородской, Казанской, Симбирской и Пензенской губерниях. Известнейшим собирателем и исследователем эрзянских и мокшанских диалектов был выдающийся финский лингвист Х. Паасонен. За время своих поездок к мордве (1889—1890 и 1898—1902 гг.) им был собран огромный материал по мордовским языкам и фольклору, который по отдельным проблемам публикуется до сегодняшних дней. В Финно-угорском обществе по мокшанским и эрзянским диалектам с 1990 по 1996 годы изданы 4 тома словаря Х. Паасонена «Mordwinisches Wörterbuch». Это уникальнейшее издание, где лексические единицы объединены в словообразовательно-этимологические гнезда, является образцом диалектологических словарей нашего времени. Важным источником истории мордовской диалектологии считается «Мордовский этнографический сборник» (СПб., 1910) и другие работы А. А. Шахматова. По мнению лингвистов, зарождение диалектологии как отдельной области мордовского языкознания связано с именами М. Е. Евсевьева(57), И. Г. Черапкина(58) и Д. В. Бубриха(59). М. Е. Евсевьевым определены ареалы распространения мокшанской и эрзянской речи, И. Г. Черапкиным

впервые классифицированы мокшанские диалекты, а Д. В. Бубрихом впервые сделано диалектное членение эрзянского языка по фонетическим признакам. Впоследствии определенные дополнения морфологического характера к бубриховской классификации эрзянских диалектов были сделаны Н. Ф. Цыгановым(60) и Д. В. Цыганкиным(61).

Особо интенсивное изучение диалектов мокшанского и эрзянского языков началось во второй половине 50-х годов, когда подверглись описанию приалатырский, старо-турдаковский, шугуровский, большеигнатовский, дракинский диалекты и сабаевско-кочелаевские говоры эрзянского и средневадский, старопшеневский, темяшевский, колопинский, рыбкинско-мамолаевские говоры и диалекты мокшанского языков на территории Мордовии: говоры наскафтымской мордвы и городищенский диалект (Пензенская область), северо-западные говоры и нижнепьянский диалект (Нижегородская область), федоровский диалект (Башкирия), эрзянские говоры верховьев рек Черемшана, Шишлы и Кигуя (Татария) и т. д.

Сбор диалектологического материала и его научный анализ ведется и в наши дни. На первый план выдвигается сравнительное изучение особенностей мокшанских и эрзянских говоров, так как такая методика дает возможность выяснить источники и основные причины развития фонетических и грамматических процессов. По этим вопросам за последние годы издан ряд обобщающих работ, а именно: Сборник научных статей «Вопросы мордовских диалектов», «Фонетика эрзянских диалектов» Д. В. Цыганкина, «Очерки мордовских диалектов» (т. 6). «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам» (М., 1984) Г. И. Ермушкина, защищены кандидатские диссертации: Н. А. Агафоновой «Словоизменение существительного и местоимения в смешанных мордовских говорах Самарской области» (1983) и Н. И. Арискиным «Взаимодействие диалектных систем мордовских языков на уровне морфологии (Словоизменение существительного и глагола)» (1987). Написано множество статей, раскрывающих лексические, фонетические и морфологические особенности диалектов. В настоящее время систематически организуются диалектологические экспедиции в районы с мордовским населением Самарской, Ульяновской, Пензенской, Оренбургской областей, Татарию, Чувашию, Башкирию с целью сбора материала и создания диалектологических словарей и атласов. Наряду с перечисленными результатами в мордовской диалектологии остается еще много неисследованного, а именно: 1) дальнейшее изучение диалектной лексики и создание диалектологических словарей; 2) выявление лексических, фонетических, морфологических особенностей с применением методов лингвистической географии; 3) сравнительно-историческое описание диалектов и говоров и создание на этой основе сравнительно-сопоставительных исследований; 4) изучение диалектного синтаксиса мокшанского и эрзянского языков.

За рассмотренный период глубокое освещение получили вопросы ис-

тории мордовской письменности и особенности развития современных литературных языков. Фундаментальными об истории письменности мордовских языков следует назвать работы А. П. Феоктистова «Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков (ранний период)» (М., 1976), «Из истории мордовской письменности 2 половины XIX века» и другие. Им рассмотрены многие источники письменности и разработана периодизация истории мордовских литературных языков, в которой весьма убедительно выделены 3 периода и 4 этапа: 1) этап зарождения; 2) этап становления; 3) этап формирования и 4) этап кодификации литературных норм.

Современный — третий — период, по аргументированному мнению А. П. Феоктистова, действительно характеризуется наметившейся во второй половине 80-х годов тенденцией к обновлению словарного состава, вытеснению неоправданно внедренных в 30-е годы и последующие десятилетия русизмов и замена их неологизмами, создаваемыми на базе традиционных средств деривации мордовских языков. Параллельно с работами А. П. Феоктистова проблемы литературных языков были в центре внимания научной общественности. По этим вопросам в последние годы был издан ряд статей Д. В. Цыганкиным [«Некоторые особенности развития эрзянского литературного языка» (1979), «Основные тенденции развития мордовских языков» (1985)]. В 1980 году вышла коллективная монография «Сопоставительная грамматика русского и мордовского языков» (1980). Многие вопросы литературных языков конкретизированы и обобщены в ряде школьных и вузовских учебников и учебно-методических пособий, а также при составлении и издании словарей различного типа. В 1992 году при Мордовском университете был проведен симпозиум по теоретическим вопросам мордовских литературных языков, а в 1993 году на Республиканской научно-практической языковой конференции «Язык: проблемы, нормы и перспективы» были пересмотрены и утверждены нормы мокшанской и эрзянской орфографии, орфоэпии и пунктуации.

В процессе развития и совершенствования мордовских литературных языков уже давно определились две основные проблемы. Первая и самая труднорешаемая и общественно значимая — это создание условий нормального функционирования литературных языков, расширение коммуникативных функций и общественной значимости. Эту проблему можно решить в результате принятия закона о языках и мероприятий по реализации расширения употребления литературных языков во всех сферах общественной жизни. Второй круг проблем современных мокшанского и эрзянского литературных языков — это проблема в большей степени лингвистическая — их лексическое обогащение. В настоящее время в процессе интенсивного изучения диалектов, создания словарей различного типа, разработки учебно-методической литературы для дошкольных учреждений, школ и вузов, перевода Библии и отдельных пособий для богослу-

жения создается благоприятная возможность для словотворчества. Возобновление забытых, использование диалектных и создание новых слов — один из путей развития лексики мордовских литературных языков, требующий от всех языковедов, литературоведов, этнографов, писателей, журналистов и других творческих работников систематической и кропотливой работы.

В связи с развитием и совершенствованием литературных норм мокшанского и эрзянского языков начинает возникать вопрос о создании на базе двух языков единого литературного языка. В связи с тем, что это явление весьма непростое, в настоящее время в лингвистической среде возникает, можно сказать, два полярных мнения по этой проблеме. С одной стороны, российские ученые (в том числе и мордовские) ведут речь не о двух наречиях одного языка, а о двух самостоятельных языках и их литературных нормах; с другой стороны, отдельные венгерские, финские и эстонские финно-угроведы (например, Габор Зайц, Ласло Керестеш, Дянило Гено и др.) находят возможным и предлагают поиск путей и методики создания единого литературного языка.

На наш взгляд, препятствием для принятия предложения зарубежных лингвистов скорее является стереотип мышления, коль два этноса — значит и 2 языка. Так как оба этноса находятся на грани исчезновения, отсюда, вероятно, исходит, что сложившиеся литературные нормы стабильны и они в определенной степени способствуют сохранению этих этносов. Опасность исчезновения создает страх тревожить устоявшееся.

Однако, это слабый аргумент и мнимая надежда. Единая мордовская литературная норма не превратит эрзян в мокшу, а мокшан в эрзю как этносы. Например, население шокшан без литературной нормы до сих пор остается шокшей. И, естественно, сельские мокшане и сельские эрзяне будут говорить, как и сейчас, на своих диалектах. А городская мордва (и мокша, и эрзя) не говорят ни на мокшанском, ни на эрзянском языках, они, к великому сожалению, говорят только по-русски, их обуял нигилизм.

Введение единого литературного языка и его нормы явится только некоторой временной трудностью в школе при ее изучении. Если между мокшанским и эрзянским языками разница только 15%, то при изучении единой литературной нормы будут затруднения временного характера для носителей обоих этносов только по 7,5%. Кстати, эти трудности существуют и сейчас при изучении в школе эрзянского или мокшанского литературных языков для тех, кто говорит на своих диалектах и говорах. Разве бугурусланский эрзянин из Оренбургской области не испытывает трудности при изучении эрзянского литературного языка, так как только в Мордовском университете или по радио впервые слышит литературную речь, или мокшанин из Татарии знает мокшанскую литературную норму, когда он никогда не говорил или, тем более, никогда не писал на родном языке? Литературный язык — это принятая, согласованная норма

языка. Его, несомненно, нужно учить и постигать, как и другие науки. Это степень образованности нации, это символ единства нации, к которому стремится каждый народ. Путь создания единой литературной нормы прошли почти все народы, и история показала, что этот путь явился для всех прогрессивным явлением. Несомненно, литературную норму следует создавать многие годы, посредством авторитетной комиссии из многих языковедов, литературоведов, писателей, журналистов в процессе серьезных обсуждений. Единая литературная норма нужна обязательно и она выгодна во многих отношениях: во-первых, еще больше в национальном и психологическом плане сблизит эрзю и мокшу, их культуру, объединит их цель, повысит национальное самосознание; во-вторых, это во много раз облегчит пути функционирования родного языка во всех сферах общественной жизни, это снимет многие преграды для создания двустороннего двуязычия в условиях Республики Мордовия, тогда не будет субъективных причин для оговорок: — какой язык изучать русскому человеку? — эрзянский или мокшанский. Безусловно, главным препятствием для создания единой литературной нормы в настоящее время являются этнические амбиции, и в основном среди определенной части интеллигенции. Но, если мы будем руководствоваться созидательными помыслами о единстве нации, возрождении и сохранении своей культуры и духовных ценностей, которые накоплены нашими этносами, то высокие идеалы могут победить политические слабости, и это явится одним из основных условий создания единой литературной нормы для эрзян и мокшан.

Естественно, языкознание нельзя развивать без кадров, без кадровой политики. В этом отношении нам большую помощь оказывала Эстония, Тартуский университет, благодаря большой инициативе академика Пауля Аристэ, а также Институт языкознания при Российской Академии наук.

Кроме этих центров, довольно плодотворно работают отделы аспирантуры при Мордовском НИИ и университете. Постоянными руководителями аспирантов являются профессора Д. В. Цыганкин и А. П. Феоктистов. В настоящее время аспирантура заметно расширена и она функционирует на многих кафедрах филологического факультета.

В последнее время существенную помощь в подготовке кадров оказывает специализированный совет по защите докторских диссертаций в Марий Эл и стажировка наших молодых ученых при Туркуском университете в Финляндии благодаря инициативе профессора Алхо Алхониеми. Теперь при филологическом факультете Мордовского университета открыт специализированный совет по защите кандидатских диссертаций, а также в 1992 году — финно-угорское отделение, где изучаются родные языки, финский и венгерский в течение 5 лет.

На это отделение мы возлагаем большие надежды. Наряду с финским и венгерским языками пытаемся начать преподавание восточных финно-угорских языков (марийский, удмуртский, коми). На этом отделении уже четвертый год работают преподаватели из Финляндии и Венгрии. Безус-

ловно, в подготовке кадров есть еще много нерешенных вопросов, особенно по венгерскому и восточно-финским языкам. Но надежды покидают нас последними, поэтому оптимизм поможет и в этом направлении.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Ornatov П.* Мордовская грамматика, составленная по наречию мордвы-мокши. М., 1838.

2. *Ahlqvist A.* Versuch einer mokscha-mordwinischen Grammatik. St.-Petersburg, 1861.

3. *Wiedemann F. J.* Grammatik der erzä-mordwinischen Sprache. St.-Petersburg, 1865.

4. *Budenz J.* Moksa-es erza mordvin nyelvtan. Budapest, 1878.

5. *Шахматов А. А.* Мордовский этнографический сборник. Санкт-Петербург, 1910.

6. *Paasonen H.* Mordwinischen Lautlehre. MSFOu, 1903, t. 22; Die Finisch-ugrischen S-Laute // MSFOu, 1918, t. 41.

7. *Genetz A.* Ensi tavun vokaalit suomen, lapin ja mordvan kaksi-tai useampi tavuisissa sanoissa. Suomi — Helsinki, 1896, III/13.

8. *Trubetzkoj N. S.* Das mordwinische phonologische System vergleichen mit dem Russischen // Charisteria Juilelmo Mathesio Quinquaqenario. Pragae, 1932, Über der Struktur der mordwinischen Melodien // Leibzig, 1938. Anhang.

9. *Ravila P.* Über eine doppelte Vertretung des urfinnisch-wolgaischen **-a** der nichtersten Silbe im Mordwinischen // FUF, 1929, Bd. 20; Zur Vertretung des **-kt** im Mordwinischen // MSFOu., 1933, t. 67; Ein Fall des Wechsels **ksvs** im Mordwinischen // FUF, 1933, Bd. 21; Ein Beitrag zur Geschichte der Vokalharmonie im Mordwinischen // NyK, 1936, köt. 50; Lisä mordvan äännehisoriaan // Vir., 1944; Der Akzent im Erza-Mordwinischen // FUF, 1973, Bd. 40.

10. *Бубрих Д. В.* Звуки и формы эрзянской речи. М., 1930; Мордовская система фонем. // Зап. МНИИ, Саранск, 1941. № 2.

11. *Itkonen E.* Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silibe in finnisch-ugrischen, insbesondere im Mordwinischen // FUF, 1954, Bd. 31; Zum Ursprung und Wesen der reduzierten Vokale im Mordwinischen // FUF, 1971, Bd. 39/1—2.

13. *Stipa G. J.* Phonetische Wechselwirkungen zwischen Mokscha — Mordwinisch und Russisch // UAJb., 1952, Bd. 24/3, 25/1—2; Zur Frage mordwinischen Substrats im Subgrossrussischen // MSFOu., 1973, t. 150.

14. *Евсевьев М. Е.* Основы мордовской грамматики. М., 1929; 2 изд., испр. 1931.

15. *Цыганов Н. Ф.* Из истории вокализма непервого слога эрзянского говора // Филологические доклады на конференции по финно-угорской филологии в Ленинграде в 1947 г. Саранск, 1948, т. II; О вокализме непервого слога прогрессивного типа говоров эрзя-мордовского языка // Зап. МНИИ, Саранск, 1955, № 16; Гласные первого слога слова в мордовских диалектах: Краткие выводы // Учен. зап. Мордовского госуниверситета, Саранск, 1964, № 43.

16. *Rédei K.* A moksa-mordvin nyelvjarasok fonemarendszerehez // NyK, 1968, köt. 70; Phonologische Analyse des Erza-Mordwinischen // «Bibliotheca Uralica». Budapest, 1984, № 7.

17. *Цыганкин Д. В.* Фонетика эрзянских диалектов. Саранск, 1979.

18. *Феоктистов А. П.* К обоснованию фонематичности мокша-мордовского **ъ** с учетом функциональной нагрузки // ALHung., 1974, t. 24; О междиалектной альтернации финно-угорских сибилянтов и аффрикат в мордовских языках // «Castrenianumin toimitteita». Helsinki, 1975, № 13; Phonologische Analyse des moksa-mordwinischen Konsonantismus // «Studien zur Phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen». Budapest, 1984.

19. *Veenker W.* Zur phonologischen Statistik der mordwinischen Schriftsprachen // UAJb. Neu Folge. Wiesbaden, 1981, Bd. 1.

20. *Надькин Д. Т.* Проблема редуцированного гласного и особенности развития ударения в мордовских языках // Актуальные вопросы мордовских языков. Саранск, 1988.

21. *Поляков О. Е.* Об истории развития финно-угорских аффрикат в мордовских языках // СФУ, 1983, XIX; Мокшанские глухие сонорные // СФУ, 1984, XX; Мордовское ударение в свете экспериментальных данных // Современные проблемы мордовских языков. Саранск, 1991.

22. *Мосин М. В.* Фонетическая структура финно-угорской основы слова в мордовских языках. Сравнительно-исторический анализ. Саранск, Изд-во Мордов. ун-та, 1989; Типы корреляций общих глагольных основ в мордовских и финском языках // Симпозиум по волжским языкам в г. Турку. 1—2.9.1993. Турку, 1994.

23. *Евсевьев М. Е.* Основы мордовской грамматики. М., 1929.

24. *Бубрих Д. В.* Мордовское склонение // Зап. МНИИ. Саранск, 1941, № 2; Мордовское спряжение // Зап. МНИИ. Саранск, 1941. № 4; Эрзя-мордовская грамматика-минимум. Саранск, 1974; Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск, 1953.

25. *Имайкина М. Д.* Некоторые особенности наречийно-изобразительных слов в мордовских языках // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1969. Вып. 36; Морфологическое членение мордовского слова // Финно-угристика. Саранск, 1979. Вып. 2; Моносемия, полисемия и омонимия служебных морфем мордовских языков // Финно-угристика. Саранск, 1980. Вып. 3.

26. *Потапкин С. Г.* Качественные прилагательные в мордовских языках // Зап. МНИИ. Саранск, 1948, № 10; *Заводова Р. А.* Производные прилагательные в мордовских языках // Зап. МНИИ. Саранск, 1953, № 14.

27. *Потапкин С. Г., Пигин М. И.* Причастия в мокшанском языке // Зап. МНИИ. Саранск, 1940, № 1.

28. *Заводова Р. А.* К вопросу о субстантивации прилагательных // Зап. МНИИ. Саранск, 1955. № 16; Изобразительные слова в мордовских языках // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1962. Вып. 23.

29. *Имяреков А. К.* О послелогах в мордовских языках // Зап. МНИИ. Саранск, 1948, № 10.

30. *Кудаев П. С.* К вопросу о послелогах в мордовских языках // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск. 1967. Вып. 32.

31. *Балакин П. Г.* Функции отложительного падежа // Зап. МНИИ. Саранск, 1951, № 12; *Бочкаева А. И.* Семантика внутренне-местных падежей в эрзя-мордовском языке // Зап. МНИИ. Саранск, 1953, № 14.

32. *Феоктистов А. П.* Категория притяжательности в мордовских языках. Саранск, 1963.

33. *Тихонова Т. М.* Выражение категории определенности в мордовских языках // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1972. Вып. 42; Употребление форм глагола при определенном и неопределенном объекте в мордовских языках // Финно-угристика. Саранск, 1978. Вып. 1; Морфемы определенности с обобщающим значением в мордовских языках // Финно-угристика. Саранск, 1979. Вып. 2; Артиклевые функции форм объектного спряжения в мордовских языках. Саранск, 1986.

34. *Цыганкин Д. В.* Исторические изменения в морфемной структуре мордовского слова // Вопросы языкознания. Саранск, 1975. Вып. 2. Ч. 1; Именные и глагольные основы мордовских языков в диахронном освещении // Финно-угристика. Саранск, 1980. Вып. 3; Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка. Саранск, 1977, 1978.

35. *Мосин М. В.* Словообразовательная структура финно-угорского слова в мордовских языках. Саранск, 1989; Морфологическая структура имени в мордовских и прибалтийско-финских языках // Материалы VI Международного Конгресса финно-угроведов. М., 1990. Т. 2; Integration Phenomena in Word building processes in Mordovian Languages // Материалы VII Международного Конгресса финно-угроведов. Debrecen, 1990. Т. 2. Омонимия служебных морфем в мордовских, финском и эстонском языках // Hajdú Péter 70 eves. Budapest, 1993.

36. *Itkonen E.* Über das Objekt in den finnisch-wolgaischen Sprachen // FUF, 1972, Bd. 39/3.

37. *Bartens R.* On the Temporal Forms in Mordvin // FUF, 1970, Bd. 38; Mordvan, tšeremissin ja votjakin konjugaation infiniittisten muotojen syntaksi // MSFOu., 1979, t. 170.

38. *Gheno D.* Az erza-mordvin névütok áttekintése // NyK, 1975, köt. 77/1, 1976, köt. 78/1.

39. *Saukkonen P.* Die Verwendung des nominativischen und illativischen Infinitivs im Mordwinischen // FUF, 1964, Bd. 35/1—2.

40. *Meszáros E.* The Erza-mordvin Verbal Stem System // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М., Наука, 1990. Т. 2; Az erza-mordvin denominális igeképzés néhány Sajátosságáról // Hajdú Péter 70 éves. Budapest, 1993.

41. *Коляденков М. Н.* Границы простого и составного сказуемого в эрзянском языке // Зап. МНИИ. Саранск, 1940. № 1; Глагольное сказуемое в мордовских языках // Зап. МНИИ. Саранск, 1941. № 4; Порядок слов как способ грамматической связи между словами в составе предложения в мордовских языках // Зап. МНИИ. Саранск, 1948, № 10; Сказуемое в мордовских языках // Филологические доклады. Саранск, 1948; Подлежащее как средство выражения субъекта в мордовских языках // Зап. МНИИ. Саранск, 1951, № 12; Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Часть вторая. Синтаксис. Саранск, 1954; Структура простого предложения в мордовских языках: Предложение и его главные члены. Саранск, 1959.

42. *Имярекова (Тюркина) В. М.* Субстантивные словосочетания с зависимым существительным в абсолютной форме // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970. Вып. 5; Глагольно-именные словосочетания, выражающие объектные отношения // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. 6; Определительные словосочетания в мордовских языках. Саранск, 1984.

43. *Алешкина Р. А.* Односоставные глагольные предложения в мордовских языках // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1973. Вып. 46/2; К вопросу об определенно-личных предложениях и их классификации в мордовских языках // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. 6.

44. *Аляпкин Н. С.* О порядке слов в мордовских языках // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1975. Вып. 49; Место дополнения в предложении // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1977. Вып. 57; Место обстоятельственных слов в предложении // Финно-угристика. Саранск, 1978. Вып. 1; Место подлежащего и сказуемого в предложении // Финно-угристика. Саранск, 1979. Вып. 2.

45. *Бузакова И. С.* Функции союзных слов и подчинительных союзов в мордовских языках // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1965. Вып. 29; Сложное предложение в мордовских языках // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1973. Вып. 46/1; К вопросу о бессоюзных сложных предложениях в мордовских языках // Вопросы финно-угроведения. Саранск, 1975. Вып. 6; Роль причастной группы в образовании придаточных предложений // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1969. Вып. 36.

46. *Илькишова М. З.* Обособленные обстоятельства в современных мордовских языках // Тр. МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1969. Вып. 26.

47. *Alhoniemi A.* Eräitä näkökohtia mordvan nominaalisen predikaatin käytöstä // «Lauseenjäsennyksen perusteet» Seminaari Seilissä 9 — 10.9.1982». Turku, 1982; ez-vartaloisten postpositioiden asemasta mordvan syntaktisessa järjestelmässä // «Voces amikorum Sovijärvi». Helsinki, 1982.

48. *Bartens R.* Mordvan, tseremissin ja votjakin konjugaation infinittisten muotojen syntaksi // MSFOu., 1979, t. 170.

49. *Коляденков М. Н.* К вопросу о заимствованиях в мордовских языках // Зап. МНИИ. Саранск, 1946, № 5.

50. *Цыганов Н. Ф.* Замечания о явлениях в мордовской лексике // Зап. МНИИ. Саранск, 1947, № 7; К вопросу об основном словарном фонде мордовских языков // Зап. МНИИ. Саранск, 1951, № 12.

51. *Цыганкин Д. В.* Из наблюдений над структурными особенностями топооснов на территории Мордовской АССР (1969); Мордовская архаическая лексика в топонимии Мордовской АССР (1976); Память земли (1993).

52. *Мокшин Н. Ф.* Мордовская дохристианская антропонимия // Ономастика Поволжья. Вып. 1; Можно ли считать этнонимами термины **каратан, терюхане** и **шокша**? О теониме **Мокошь**, гидрониме и этнониме **Мокша** // Ономастика Поволжья 4.1976.

53. *Мосин М. В.* Отражение финно-угорской лексики в мордовских географических названиях // Ономастика Поволжья 4.1976.

54. *Липатов С. И.* Из топонимии Ковылкинского и Краснослободского районов Мордовской АССР // Ономастика Поволжья 4.1976; Микротопонимия села Старая Самаевка Ковылкинского района Мордовской АССР // Ономастика Поволжья. 1986.

55. *Матюшкин П. Г.* О названиях населенных пунктов с анемативом тялем (телим) // Ономастика Поволжья 4.1996.

56. *Гребнева А. М.* Ориентированные микротопонимы // Ономастика Поволжья. 1986.

57. *Евсевьев М. Е.* Основы мордовской грамматики. М., 1929.

58. *Черапкин И. Г.* Диалекты мордвы-мокши б. Пензенской губернии // Учен. зап. Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1930. Т. 8. Вып. 3.

59. *Бубрих Д. В.* Краткий отчет о лингвистической экспедиции к мордве летом 1927 г. // Доклады АН СССР, Сер. «В». М.-Л., 1927. № 10; Инструкция и программа по собиранию материалов для диалектологического атласа мордовских (эрзя и мокша) языков. Саранск, 1935; О работе по мордовскому лингвистическому атласу // Революция и письменность. М., 1936. № 2.

60. *Цыганов Н. Ф.* К вопросу классификации диалектов эрзя-мордовского языка // Совещание по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков: Тезисы докладов. М., 1959.

61. *Цыганкин Д. В.* Принципы классификации эрзянских диалектов на основе именных и глагольных особенностей // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum: Acta linguistica. Tallinn, 1975. Pars 1.

Mikhail Mosin

Mordvinian linguistics: present state and prospectives of development

At present one can freely mark out periods of development in the investigation of the Mordvinian languages.

The first step in the investigation of Moksha and Erzya was made last century in the works of P. Ornatov, A. Ahlkvist, F. Wiedemann, J. Budenz, A. Shakhmatov and of many other linguists.

The second period is dated by 30 tis — the middle of 80 tis of the XX century.

The third, that is the present period, is characterized by the projected in the second half of 80 tis tendency to the renewal of vocabulary, exclusion of the unjustified Russisms, inculcated in 30 tis and the following decades, and substitution of them by neologisms, created on the basis of traditional means of derivation in the Mordvinian languages

67787

МАРИЙ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

«Финно-угроведение», 1997, № 1.

Ева Тулуз
Таллин

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РАБОТЫ В РАЗВИТИИ ФИННО-УГОРСКИХ ЛИТЕРАТУР*

Говоря о проблеме переводческой работы, нельзя не затрагивать и вопросы языка и литературы, т. к. перевод органически связан с обоими видами самовыражения народа. А эта деятельность, в свою очередь, имеет глубочайшие корни в историческом опыте финно-угорских народов. Поэтому есть необходимость в том, чтобы вспомнить и о важности переводов в истории развития финно-угорских литератур.

Первый методологический вопрос, который возникает при трактовке исторических моментов, вытекает из разнообразия культур финно-угорских народов в плане времени появления их письменности. Можно ли в таком случае рассматривать их вместе? Видимо, можно. Ведь все народы финно-угорской языковой семьи, рано или поздно, должны были самостоятельно решить вопрос о переходе от устной фольклорной культуры к письменной. Письменность развивалась не по внутренним потребностям, а в зависимости от влияния внешних факторов, среди которых — попытка христианской церкви распространить православие среди финно-угров, а впоследствии — необходимость каждого народа занять свое место в конкретных условиях развития общественной жизни. И для церкви, и для народа, не знакомого с языком, на котором велась церковная служба, перевод имел первостепенное значение. Именно в этом плане можно найти удивительно много общего между народами, которые по внешним признакам очень далеки друг от друга. И во всех случаях исторически значительные переводы были сделаны не с других финно-угорских языков, а именно с тех языков, которые в тот или иной момент господствовали в окружающей данный народ среде, например, с латинского, немецкого, русского языков.

Как можно определить важность и влияние переводческой работы на развитие финно-угорских культур? Можно было бы выделить три типа воздействия перевода на дальнейшее развитие письменных культур. Каждую категорию проиллюстрируем примерами из разных литератур.

---

* Доклад, прочитанный на IV Международной встрече писателей финно-угорских народов «Мосты» (Лохусалу, Эстония. Август 1996 года).

1. ПЕРЕВОДЫ, КОТОРЫЕ ОСОБЕННО НЕ ВЛИЯЛИ ИЛИ ВЛИЯЛИ ЛИШЬ КОСВЕННО НА БУДУЩЕЕ РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ

История дает нам много примеров ранних переводов, которые могли бы стать началом чего-то большого, но по разным причинам этого не произошло. Приведем три таких примера из разных регионов; несмотря на отсутствие конкретных результатов влияния, эти примеры являются тем не менее чрезвычайно интересными, поскольку они показывают, какие условия отсутствовали, чтобы стать влиянию перевода плодотворным.

Переводы религиозных текстов на языки народов Севера в конце прошлого века

Прошлый век свидетельствует о большой активности миссионеров в местах проживания всех традиционно не христианских народов. Одна из новых и очень эффективных форм миссионерской работы состояла в использовании языков коренных народов для обучения их основам христианства. Упоминания о таких попытках есть и у народов Севера. Первые письменные памятники мансийского и хантыйского языков — это переводы Евангелия от Матфея; сделаны они были во второй половине XIX века и напечатаны: мансийские — в Лондоне и Гельсингфорсе, хантыйские — в Лондоне и Санкт-Петербурге. Авторы этих произведений были не т. н. «инородцами», а русскими священниками, которые владели языками северных народов или, возможно, работали с помощью информаторов-переводчиков. Возникает вопрос: что значит в данном случае «владеть языком»? Ведь литературных, унифицированных языков нет! Эти переводы, как правило, издавались на наречиях тех регионов, где работали миссионеры (на хантыйско-обдорском и мансийско-кондинском диалектах). Но эти диалекты понимают не все... С самого начала неизбежно возникал в связи с переводческой эффективностью работы вопрос о диалектной базе литературного языка.

Второй вопрос связан с целями этих изданий. Поскольку в конце прошлого века (и даже в начале нашего) инородческое население было неграмотным, то потенциальные читатели Евангелия были не сами ханты или манси, а те священники, которые с ними работали. Значит, эти переводы были осуществлены не для самого народа. В конечном итоге, хантыйская и мансийская литература не воспользовались этим опытом. Когда в 20—30-х годах в Ленинграде первое поколение интеллигенции народов Севера в сотрудничестве с учеными начало разрабатывать письменность для своих народов, эти первые переводы не сыграли никакой роли (препятствием служило их религиозное содержание). Они остались в истории лишь как неплодотворные памятники, которые свидетельствуют об одном из этапов развития этих языков.

Переводы русской и мировой литературы Ивана Куратова

Судьба классика коми литературы необычная: в середине прошлого века, когда в других финно-угорских регионах России интеллигенция еще не «доросла» до творческой самостоятельности, Иван Куратов писал стихотворения на коми языке и переводил на родной язык стихотворения русских и иностранных авторов. В царской России их издавать было немыслимо. Коми народ, за исключением небольшого слоя образованных людей, был еще неграмотным. Тем не менее Иван Куратов предпринял эту, на первый взгляд неперспективную, но направленную в будущее, работу.

Иван Куратов прекрасно знал русскую культуру. Он переводил тех русских авторов, которые были наиболее близкими к его чувствам и взглядам, а также к крестьянской и прогрессивной поэзии — таких, как Жуковский, Пушкин, Огарев, Кольцов, Крылов, Некрасов.

С мировой литературой Куратов познакомился не напрямую, а через русские переводы того времени. Среди выбранных им для перевода литераторов находим шотландского поэта Роберта Бернса, француза Беранже, немцев Генриха Гейне и Фридриха Шиллера, американца Генри Лонгфелло.

Судьба текстов Куратова еще необычнее, чем судьба самого писателя. Практически они вошли в сознание коми интеллигенции только после 20-х годов XX века, т. е. в то время, когда письменность уже была создана, а начальный этап формирования художественной литературы уже завершился без его участия. Это, конечно, не значит, что Куратов и его переводы совсем не влияли на формирование коми культурного самосознания (о существовании поэта знали и до обнаружения его сочинений), просто они не имели непосредственной творческой силы. Но факт остается, и народ коми может гордиться тем, что его представитель намного раньше, чем у других народов, действовал по убеждению, тем, что его язык могуч и всесилен.

Переводы на карельский, вепсский и ливский языки до второй мировой войны

В тридцатые годы, в течение короткого времени, прибалтийско-финские народы имели возможность развивать оригинальную письменность. Для этого они пошли традиционным путем употребления нового литературного языка в дидактической литературе, т. е. в учебниках и в переводах, которые часто совпадали. На предыдущей встрече финно-угорских писателей были приведены такие данные: на карельский язык в конце 30-х гг. было переведено немало произведений как русских дореволюционных, так и советских писателей. При этом уточняется, что «карельский» период в литературе (1938—40) быстро окончился. На вепсском языке с

1932 по 1937 годы было подготовлено около 30 учебников. В книге для чтения были переводы русской классики — произведений А. Чехова, И. Тургенева, М. Горького и других авторов. Известно также, что к двадцатым годам существовало восемь книг на ливском языке: переводы Евангелия, учебники и другие книги. Это было прекрасное начало. Но процесс прервался. В послевоенные годы языком художественной литературы Карелии считался финский литературный язык. Идентитет вепсов и их существование как нации попали под угрозу исчезновения. Что касается ливского языка, то он (во всяком случае, так было лет десять назад) считался языком без письменности...

Наверное, возрождение культур финно-угорских народов в последние годы шло бы намного труднее, если бы не было подобного опыта. Но надо признать, что сегодня необходимо обратить взоры на все начальные этапы становления их письменной традиции.

2. ПЕРЕВОДЫ, КОТОРЫЕ ПРЯМО УЧАСТВОВАЛИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Такую функцию переводческая работа выполняла почти всегда. Иногда именно переводы позволяли решить вопрос о выборе диалектной формы в качестве основы литературного языка. Иногда они отражали споры, возникавшие в связи с двумя вариантами литературного языка. Иногда они создавали почву, на которой литературный язык может критически развиваться. Во всех случаях перевод — это важный вид упражнения, необходимое средство испытания и развития нового языка. В качестве примера можно обратиться к началу финской письменности, к борьбе двух литературных языков Эстонии, деятельности Братства Святителя Гурия и литературе 20—30 гг. у финно-угорских народов России. Также можно вспомнить о начале венгерской письменности в 12 веке и переводческой работе монахов (считается, что в 16-ом веке в Венгрии работали около ста переводчиков), о создании Стефаном Пермским для своих многочисленных переводов специального алфавита, который некоторое время использовался в литургических текстах в Коми крае.

Зарождение финской письменности

В середине 16-го века епископ Турку Микаэл Агрикола взял на себя задачу создания письменного языка для финнов. Он создал также такие оригинальные произведения, как азбука (1543) и переводы-адаптации. К последним можно отнести его книгу молитв, переводы Нового Завета (1548) и Псалмов (1551).

Как известно, один из главных пунктов Реформации был связан с тем, чтобы дать возможность верующему найти индивидуальный подход к Богу. Поэтому в странах Реформации перевод священного писания на язы-

ки коренных народов явился приоритетной деятельностью. С ним был связан процесс обучения народа грамоте. Будучи лютеранским епископом, Агрикола писал и переводил для того, чтобы его книги читал народ. Его можно считать создателем финского литературного языка. Он выбрал для него диалектную базу, стремился обогатить наречие Хяме элементами других диалектов, т. е. обратился к процессу, который более активно стал проходить в прошлом веке. А многие из найденных им решений языковых, в т. ч. и орфографических, проблем остаются в силе и сегодня.

Переводы в начале формирования эстонской письменной традиции

Хотя и до Реформации были известны попытки перевода молитв и других священных текстов на язык народа, все же регулярным процесс перевода религиозной литературы становится только в 16-ом веке. Литературоведение знает о нескольких рукописях и изданиях раннего протестантизма, которые включали эстонские варианты катехизиса, молитв и святого писания. Но война и борьба между разными формами христианства наносили большой ущерб литературе, в том числе и религиозной; многие материалы просто исчезли.

В первой половине 17-го века, когда территория нынешней Эстонии официально стала лютеранской, возникли новые условия для развития письменности и издательского дела. Однако существовали две формы литературного эстонского языка, южная и северная, которые в то время были обе на одном уровне развития. Каждая из них имела свой региональный издательский центр (Таллинн, Рига), где издавалась религиозная литература, иногда даже двухязычная. Борьба за преимущественное положение одной из них отразилась и на судьбе переводов Библии. Хотя северный вариант Нового Завета уже существовал в рукописной форме, первая публикация его была осуществлена на южно-эстонском языке. Полный текст Библии также переводился на оба языка, но из-за внутренних противоречий в стране и новой Северной войны, он не издавался до 1739 года, когда он вышел на северном диалекте, который и стал впоследствии основой литературного языка.

Деятельность Казанского Братства Святителя Гурия и комиссии по переводам

Во второй половине 19-го века некоторые духовные деятели, имея цель осуществить полную христианизацию «инородцев» и ускорить их интеграцию с другими народами через православие в русском государстве, утверждали, что эффективности можно достичь лишь в случае использования самих «инородцев». Главным представителем и защитником этой точки зрения являлся Н. И. Ильминский, чья система была внедрена в Казанской учительской семинарии. Эта русско-инородческая семинария

дала образование будущим работникам национальных школ. Наряду с преподаванием местных языков, она занималась переводческой и издательской деятельностью. В 1867 г. была создана полуофициальная, но автономная организация для просвещения инородцев и внедрения христианства — Братство Св. Гурия, во главе которого стоял сам Ильминский. А год спустя при Братстве была создана комиссия по переводам, которая занималась созданием алфавитов, выбором наиболее подходящего диалекта или диалектов, стандартизацией языков и изданием переводной религиозной литературы. Она призвана была усилить эффективность миссионерской работы.

Авторами переводов были выпускники семинарии, русские или инородцы. Эти переводы были далеки от совершенства. Современные критики находят в них различные ошибки, отсутствие единства в орфографии и т. д. Таким образом, несмотря на недостатки в переводах, начался диалог между интеллигенцией в рамках семинарии и другими просветителями. В некоторых случаях комиссия принимала критику и старалась улучшить свою работу. Так или иначе эти переводы стали основой для работы новых поколений. Нельзя забывать и о том, что большинство национальной интеллигенции дореволюционного периода получило образование именно в этой семинарии. Можно считать, что казанская переводческая комиссия дала значительный толчок развитию письменности удмуртского, марийского, а также, хотя и в меньшей мере, мордовского народов.

Итак, перевод Библии и религиозной литературы является объединяющим всех финно-угров моментом. Нельзя не согласиться с Петером Домокошем, который уже несколько раз говорил о том, что пора организовать научную конференцию на тему «Переводы Библии в развитии письменности и литературного языка финно-угорских народов».

Обобщая вышесказанное, можно отметить следующие моменты:

1. Особое внимание на переводы Библии обращали в странах протестантизма, где ставилась цель дать верующему возможность непосредственно знакомиться со Словом Божьим. Поскольку Церковь заботилась и о массовой грамотности народа, то неудивительно, что письменность начала развиваться раньше именно в этих странах. В регионах с православием больше внимания уделялось дидактическому материалу, который миссионеры и учителя могли бы использовать в школах.

2. Переводчиками в прошлом были исключительно священники. Первые переводчики, во всяком случае, у народностей России, не были из коренной национальности. Но миссионеры везде понимали практическую важность родного языка для общения с народом.

3. Переводчики были пионерами в том плане, что они должны были найти нормы транскрипции живой речи в письменной форме. Стефан Пермский даже создал азбуку для языка коми.

4. И последнее, что указывает прежде всего на чрезвычайную актуаль-

ность этой работы. Переводы Библии и религиозной литературы продолжаются и в наши дни, уже в других условиях, но в этой работе можно увидеть такие черты, которые напоминают начальные времена. К примеру, в Удмуртии в 1992—1994 годах издавалось значительное количество религиозных книг, автором или переводчиком которых является диакон (ранее был известен и как лингвист) Михаил Атаманов. Так, пять последних страниц в изданном в 1992 г. Евангелии занимает удмуртско-русский словарь. Значит, дидактическая направленность переводческой работы (главным образом, это касается языка) — дело не только прошлого. Доказательством актуальности данного вида переводов является также работа Института перевода Библии в Хельсинки. С помощью этого института в разных регионах осуществляются переводы Библии и готовится дидактический материал для молодежи. Хотелось бы вспомнить слова Нины Зайцевой на Эгерской (1993) конференции: «Институт перевода Библии уже публиковал и передал безвозмездно народу первую книгу для детей «Рассказы об Иисусе Христе», а также Евангелие от Марка, которые позволяют активно знакомить вепсов с первыми конкретными пробами письменной речи. Переводы Библии позволяют обогатить вепсский язык, перевести в активный запас некоторые типично вепсские редко употребляемые формы и обороты речи, внедрив их в речь молодого поколения, поскольку названные переводы служат и первыми пособиями и книгами для чтения для школьников и студентов».

Несмотря на опасность анахронизма, не обращая внимания на идеологические моменты, можно было бы провести некоторые аналогии между функциями Казани и Хельсинки, хотя их деятельность разделяет почти столетие.

Политические переводы у финно-угорских народов России после революции

В связи с бурным развитием в Поволжье и Приуралье национальной культуры, созданием национальной школы и печатных органов на национальных языках, с 1918 года параллельно стали издаваться как оригинальные тексты (публицистика и художественная литература), так и переводы разного типа. В это сложное время издавалось немало политико-агитационной литературы, например, переводы биографии Ленина, тексты документов партии и правительства. В целом, в то время, когда творческие силы были свежи и полны энтузиазма, попытка выразить на новых литературных языках новые мысли, новые понятия была несомненно плодотворна и полезна в плане расширения возможностей данных языков. У народов севера этот процесс начался на десять лет позже. Безусловно, стимулирующим фактором для младописьменных языков явился перевод Конституции СССР.

3. ПЕРЕВОДЫ, КОТОРЫЕ НЕПОСРЕДСТВЕННО ВЛИЯЛИ НА РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Влияние переводческой работы на литературные языки несомненно. Но переводческая работа не закончилась со становлением письменности. Переводов будет появляться все больше и больше. Их основная задача — знакомить финно-угорского читателя с мировой культурой. В то же время следует отметить, что некоторые ранние переводы влияли не только на язык литературы, но и непосредственно на саму литературу. Речь идет о переводах, которые становятся неотъемлемой частью той или другой литературы. Приведем несколько примеров.

Начало венгерской литературы: Ó-magyar Mária siralom

Первым текстом на венгерском языке было «Надгробное слово» (середина 12-го века). Это тоже был перевод, хотя и достаточно свободный. Более важным с точки зрения художественной литературы является второй памятник венгерской письменности, который можно считать и первым литературным текстом. Это плач девы Марии (O-mágyar Mária siralom) второй половины 13-го века. Стихотворная форма этого произведения до такой степени развита, что возникает сомнение в том, что это была первая попытка создания художественного текста. Трудно сказать точно, перевод это или уже литературное творение. Созданные на основе литургического текста, венгерские стихи с такой глубиной выражают человеческую грусть, что, по мнению венгерских литературоведов, уже больше не подходят для использования в церковных службах.

Переводы начального периода эстонской литературы

Среди первых произведений эстонской художественной литературы прошлого века значительное место занимают переводы с немецкого. Основоположники эстонской литературы брали немецкие оригиналы и передавали их на родном языке с такой художественной силой, что они вошли в историю литературы уже в качестве самостоятельных произведений. Можно вспомнить популярные песни, переведенные Йоханном Вольдемаром Яннсеном, некоторые работы автора «Калевипоэга» Фридриха Крейцвальда, как например, «Kilplased» (1857). Переводы стали основой и эстонской театральной литературы (имеются в виду пьесы Крейцвальда и Лидии Койдулы).

В таких произведениях авторы не только легко пользуются родным языком, но и искусно придают характерам и среде местный колорит. В повествование вносятся национальная среда, национальный менталитет — в результате от оригинального произведения остается только «скелет», фабула.

О некоторых переводах в литературах Поволжья и Приуралья

И в литературах восточных финно-угорских народов на стадии их рождения имелись переводы, которые являются не только переводами, но частично и оригинальными произведениями. Среди них, например,— поэма Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке», которая переведена на многие языки. Например, удмуртский писатель Григорий Верещагин является автором дореволюционного рукописного текста под названием «Золотая рыбка» (Зарни чорыг), который можно рассматривать и как первое оригинальное стихотворение в удмуртской литературе. Удмуртские литературоведы называют эту работу Верещагина «оригинальной литературно-художественной интерпретацией» или «самостоятельным сочинением, созданным на основе произведения Пушкина». Имена героев, психология, конкретные элементы быта, взаимоотношения персонажей — все это изменилось в соответствии с национальными чертами удмуртов и творческими задачами автора.

Этот тип свободных переводов был особенно распространен на ранних этапах литературного развития, когда фантазия писателей, впервые получивших свободу для самовыражения, реализовывалась во всевозможных формах, в т. ч. и в переводе. Оригинальный текст являлся в данном случае и стимулом, и импульсом к самостоятельному творчеству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я обзорно рассмотрела роль, которую играла в истории развития финно-угорских культур переводческая работа. Без внимания остались такие вопросы, как появление и развитие переводов из финно-угорских языков на не финно-угорские языки (на такие языки, через которые и другие финно-угорские народы могли познакомиться с братскими культурами), а также прямые переводы между финно-угорскими языками. Примеры, которые приводятся в данной работе, свидетельствуют о том, что несмотря на разнообразие народов финно-угорской семьи, в переводческой работе на первых этапах развития их письменности обнаруживаются аналогичные моменты. И в 13-ом, и в 20-ом веке переводческая работа являлась неотъемлемой частью первого периода литературного творчества народов. С развитием этих литератур ее функция меняется. Но о важности ее и в последующие этапы развития литературы свидетельствует то, что самые великие писатели и поэты финно-угорских народов непременно посвящали часть своего времени и энергии переводам, чтобы передать на родном языке творчество коллег из других уголков мира. Что нужно делать, чтобы эта работа позволила финно-уграм лучше узнать друг друга — этот вопрос не может нас не волновать.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Anyanyelvunk, Irodalmunk ma. Budapest, 1995.

Domokos Peter. Itaisten suomalais-ugrilaisten kansojen kirjallisuudesta. SKS Helsinki, 1983.

Domokos Peter. A kisebb urali nepek irodalmanak kialakulasa. Akad. K. Budapest, 1985.

Hajdu Peter, Domokos Peter. Urali nyelvrokonaink. Tkvk Budapest, 1978.

Honti Laszlo. Chrestomatia ostiacica. Tkvk Budapest, 1984.

Klaniczay Tibor. A magyar irodalom története.— Kossuth Budapest.

Лаллукка Сеппо. Казанская семинария учителей и пробуждение финских народов в регионе между Волгой и Уралом. Вестник удмуртского университета. 1994. № 7.

Nirk Endel. Eesti kirjandus // Perioodika Tallinn. 1983.

Steinitz Wolfgang. Хантыйский язык // Языки и письменность народов Севера. 1937. С. 193—227; Или: Ostjakologische Arbeiten. B. IY. Budapest, 1980. Pp. 3—63.

Зеч Ивр (Евангелие). Атаманов, Михаил (диак.) Хельсинки, 1992.

Ванюшев В. М. Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья. Ижевск, 1995.

Кузнецова Т. Л., Латышева В. А. И. А. Куратов — переводчик русских поэтов // Куратовские чтения. Т. 3. Сыктывкар, 1979.

Латышева В. А. И. А. Куратов — переводчик западной поэзии // Куратовские чтения. Т. 4. Сыктывкар, 1986.

Поздеев П. К. Из творческого наследия Г. Е. Верещагина // Об удмуртском фольклоре и литературе. Ижевск, 1973. С 114—123.

Уваров А. Н. Особенности публицистики удмуртского дореволюционного просветительства // Вопросы своеобразия жанров литературы и фольклора. Ижевск, 1983.

Eva Tuluz

Historical significance of translation in development of Finno-Ugric literatures

The author reviewed the role, which the translation played in the history of development of Finno-Ugric literatures. The author left uninvestigated such questions as appearance and development of translation from Finno-Ugric into not Finno-Ugric (into such languages through which other Finno-Ugric people could get acquainted with other brotherly cultures) and also straight translation between the Finno-Ugric languages. The examples given in the article testify to the fact that in spite of variety of Finno-Ugric people some analogous are found in the first stages in the development of their written languages. In the XIII th and the XX th centuries the translational work was the integral part of the first period of people's literary creative work. With the development of these literatures its function changed. But the fact, that the greatest writers and poets of Finno-Ugric people devoted a part of their time and energy to translation to pass on the creative works of their colleagues from other parts of the world, testify to its significance in the following stages in the development of literature. What must be done in order that Finno-Ugric people could know each other — this question can't help stirring us.

«Финно-угроведение», 1997, № 1.

Габор Берецки
Будапешт

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ*

Финно-угорские народы относятся к разным культурным зонам, например, финны — к скандинавской, эстонцы же — среднеевропейской зоне, в то же время их скандинавские связи также являются довольно значительными. В развитии венгерской литературы в течение последних веков решающую роль играла немецкая культура, видимо, в силу влияния латинского языка, который на протяжении почти тысячи лет в Венгрии занимал особое положение. Формирование литератур российских финно-угорских народов шло главным образом во взаимодействии с русской культурой.

Перечисленные зоны отличались своими литературными вкусами, что, безусловно, отражалось во всех видах литературного творчества, в том числе и в художественном. Приведем несколько примеров. В 1939 году вышел в свет на венгерском языке роман финского писателя, лауреата Нобелевской премии Эмиля Силланпяа «Nuorena nukkunut», о котором выдающийся прозаик, мыслитель и критик Ласло Немет заметил: «Если бы он вышел без грифа Нобелевской премии, вряд ли он вызвал бы сенсацию, несмотря на то, что он шедевр». В начале 80-х годов один известный венгерский публицист заявил на телевидении следующее: «Я всегда считал произведение Силланпяа плохим романом». Такое заявление было свидетельством того, что он был в плену своего литературного вкуса. Все, что было отклонением от него, воспринималось как «негодное» и малозначительное.

В Венгрии большой успех имели те финские романы, которые не соответствовали традиционному финскому образцу, например, такие, как роман Мартти Ларни «Четвертый позвонок», исторические романы Мика Валтари, в первую очередь его «Египтянка Синухе».

Некоторые венгерские критики выразили мнение о том, что финскую прозу следует адаптировать ко вкусу венгерского читателя, который трудно выносит свойственные ей неторопливость действия и подробность описаний. Такое отношение сложилось не только к финской прозе. С трудом пробивала путь к венгерскому читателю вся скандинавская литература.

---

* Доклад, прочитанный на IV Международной встрече писателей финно-угорских народов «Мосты» (Лохусалу, Эстония. Август 1996 года).

Ближе всего к венгерскому литературному вкусу произведения современной эстонской литературы. Никаких проблем не было с переводами романов Яана Кросса или новелл Арво Валтона. Однако, некоторых читателей смутила излишняя подробность описаний в произведениях Таммсааре.

С переводом литературных произведений других финно-угорских народов, т. е. бывшего Советского Союза, часто возникали сложности. К примеру, будапештское издательство «Европа» намеревалось издать перевод романа марийского классика С. Чавайна «Элнет», признавая несомненную художественную ценность в этой книге. Но из этого ничего не вышло, потому что издательство отпугнули отрывки романа, в которых явно чувствовалась похвала советскому режиму.

Помимо различий в литературных вкусах, проблему вызвали и разные требования к стилю литературы. Например, венгерский литературный стиль сильно отличается от финского. Последний менее «требователен», чем венгерский, он допускает повторы, особенно при воспроизведении диалогов и бесед. Писатель может многократно употреблять слова *sanoo* (говорит), *sanoi* (он сказал), повторять глаголы *on* (есть) или *oli* (был). В качестве иллюстрации приводим предложения Юхани Ахо:

«Hyvänkös oli? No minkäläinen se oli? Olihan se... kummahan se oli».

В этом коротком тексте глагол *oli* встречается четыре раза. В таком случае венгерский переводчик вынужден менять текст, чтобы преодолеть «монотонность». При переводе знаменитого романа В. Линна «Неизвестный солдат», во избежание повторения глагола *on* (есть), я вынужден был искать другие варианты. На этом шлифовка стиля произведения не была закончена, она была продолжена редактором издательства для того, чтобы сделать его максимально приемлемым для венгерского читателя.

Эстонский литературный стиль, по сравнению с финским, ближе к венгерскому. Очевидно, поэтому при переводе эстонских произведений не возникает вопрос о стиле. Благодаря простоте выражения авторских мыслей, легко приспособимы к венгерскому стилю марийские и мордовские прозаические тексты, которые, правда, в венгерском переводе кажутся немного рыхлыми. Последнее обстоятельство, видимо, является следствием сравнительно небольшого литературно-художественного опыта марийского и мордовского народов, который равен приблизительно 100 годам, в то время как опыт венгерского народа составляет более 500 лет. С радостью можно констатировать, что финно-угорские писатели России в последние годы стали относиться намного требовательнее и к содержательной стороне произведения, и к его языку.

В целом, различие в стиле, который во многом определяется литературными традициями, не означает разницу по качеству. Немецкий литературный стиль, к примеру, более тяжелый, чем французский; но на основе этого вряд ли можно утверждать, что одна литература ценнее другой. В свою очередь, преодоление стилистических расхождений не имеет принципиального значения и не вызывает у переводчика больших затруднений.

Более серьезной проблемой является то, как осуществляется перевод: непосредственно с оригинала или же с помощью языка-посредника. Практика переводческой работы финнов, эстонцев и венгров свидетельствует о том, что переводы делаются прямо с оригинала. Правда, в Венгрии были случаи, когда эстонские произведения переводились с русского языка, но в таких случаях обязательно осуществлялась проверка перевода на основе эстонского издания. При переводе произведений российских финно-угорских народов почти всегда возникают сложности, т. к. число людей, знающих их языки, в Венгрии и в других странах очень ограничено, поэтому издательства вынуждены обращаться к русскому тексту, который зачастую очень сильно отличается от оригинала. Переводчик, привыкший переводить каждое предложение оригинала, ничего не пропуская и ничего не добавляя, в таких случаях часто оказывается в смятении.

Петер Домокош, составлявший финно-угорскую литературную антологию, попросил меня перевести из романа мордовского писателя Т. Кирдяшкина «Широкая Мокша» отрывок, в котором описывается, как население мордовской деревни перед переселением в Сибирь прощается на кладбище со своими предками. Я пытался найти этот отрывок в оригинале, но все мои усилия оказались безуспешными, в т. ч. и обращение за помощью к мордовскому другу. Оказывается, он был прибавлен русским переводчиком. Подобный пример приводит в одной из своих работ и Петер Домокош. Речь идет о русском переводе романа марийского писателя Шабдара Осыпа «Судьба женщины». Переводчик меняет место и время действия, действующих лиц и т. д. Как замечает Домокош, оригинал в данной ситуации служит только поводом для того, чтобы написать совсем новое, отличающееся по содержанию и объему, русское произведение.

Прежде чем сделать вывод о последствиях такого «творчества», я хотел бы привести конкретный пример из собственной переводческой практики. Обратимся к первым двум предложениям, данным в начале исторического романа мордовского писателя Кузьмы Абрамова «Пургаз». При дословном переводе на русский язык в оригинале они звучат так: «Высокий холм, простирающийся вдоль большой реки, был покрыт густым лесом. Река течет с юга на север, называют ее Окой». Русский перевод читаем: «У Волги могучая Ока устремляет крутое русло и несет свои темные воды сквозь дикие леса с юга на полночь. Правый берег ее тяжело поднимается на крутой откос, поросший кряжистыми дубами, жидким осинником и разлапистым орешником».

Далее писатель говорит о прибрежном городке. В оригинале он описывается так: «Город не был большим, в нем было домов пятьдесят». А в переводе читаем следующее: «Городок не велик — всего полсотни деревянных домов. Мордва называет его Обран ош — Обранов городок, русские переиначили на Абрамов городок, для булгар же он — Ибрагим шахэр».

Писатель пишет о том, что у слияния двух рек находится пристань, на берегу возвышаются разные постройки. В оригинале: «Недалеко отсюда

стоит целый ряд навесов, под ними конские кожи, штуки полотна, кадки с медом, топленый воск, на плетеном мочале зерно и тому подобное». В переводе это выглядит так: «Рядом с мостками, переброшенными на борта ладей, челнов, лодок, возвышаются на толстых жердях навесы, под которыми сложен товар: беличьи, лисьи и куньи шкурки, рогожные кули с зерном, кадки с медом и воском, скатанный холст, толстые связки конопляного и льняного волокна — все, чем богата мордовская земля».

Быть может, фактические расхождения не имеют большого значения, но крайне важно отметить, что переводчик своими дополнениями заметно изменяет атмосферу, дух романа. Разукрашивая предметно-конкретное, реалистическое описание жизни, которое дано в оригинале, вносит в авторский текст идиллическое, романтическое начало. От таких переводов больше вреда, чем пользы, т. к. из национальной литературы уходит самое важное — национальный характер.

Последняя проблема, на которой мне хотелось бы остановиться, следующая: нужно ли переводить фольклорные и литературные произведения финно-угорских народов? Многолетняя венгерская практика показывает, что такая работа имеет смысл. Перевод литературы финно-угорских народов, и особенно их народной поэзии, существенно обогатил венгерскую литературу, оказал большое влияние на целый ряд писателей, которые сейчас признаны уже классиками. В своей книге «От Скифии до Лапонии» Петер Домокош называет венгерских писателей, которые занимались переводом народной поэзии финно-угорских народов, а также тех, в чьем творчестве чувствуется влияние этой поэзии. Опираясь на книгу Домокоша и на свою исследовательскую работу, привожу несколько примеров, представляя их в хронологическом порядке.

В ряде стихотворений Аттилы Йожефа можно увидеть особенности версификации и мотивы народного эпоса «Калевала». Он также высоко ценил народную поэзию обских угров. Известный поэт Йожеф Фюши вспоминает так: «Я с удивлением заметил, что все 6 томов мансийской народной поэзии в темно-синем кожаном переплете занимают видное место на его книжной полке, стоят они гордо и ярко, как его любимые настольные книги. (...) он не отрицал, а даже наоборот, гордился тем, что его лирика выросла из этой прапоэзии».

«Калевала» оказала сильное влияние и на поэзию известного дебреценского поэта Пала Гуяша. Это произведение, по его мнению, должно стать эталоном для венгерских писателей. Благодаря Гуяшу, воздействие «Калевалы» ощутили на себе такие видные поэты, как Йожеф Ердели, Габор Олах и Иштван Шинка. Попутно заметим: в Венгрии существует пять прекрасных переводов «Калевалы», кроме того, некоторыми поэтами, например, Геза Кепешем, переведены отдельные отрывки из этого карело-финского эпоса. Геза Кепеш был не только неутомимым переводчиком художественной и народной поэзии финно-угорских народов, но и его собственные стихи носят отпечаток этой поэзии.

Прозаик Янош Кодолани запоем читал обско-угорскую народную поэзию, влияние которой чувствуется и в его романе «Монах Юлиан».

Хорошо известны в Венгрии также стихи Лайоша Априли, написанные в стиле «Калевалы».

Один из выдающихся венгерских поэтов второй половины XX века Ласло Надь, занимающийся исследованием обско-угорской народной поэзии, однажды пожаловался: «Знаешь, венгерские поэты сделали избитым уже все эпитеты, я ищу новые в мансийской и хантыйской народной поэзии».

В поэзии Ференца Юхаса, выдающегося венгерского поэта наших дней, значительное место занимает фольклор родственных народов, особенно «Калевала» и обско-угорская народная поэзия, относительно которой в 1967-ом году Юхас писал так: «Я не думаю, что хантыйские героические песни широко известны в мире. Несмотря на это, их величественная красота, их мифическое, гуманное величие, поэтическая современность столь потрясающая, что их смело можно назвать самой красивой поэзией мира». В «Калевале» и в мансийской и хантыйской народной поэзии венгерские поэты искали то, что когда-то, вероятно, существовало и у венгров, но со временем исчезло.

Венгрия еще не открыла мордовскую и сетускую народную поэзию. Ждет своего переводчика мордовский народный эпос «Масторава», который в будущем, видимо, займет место рядом с «Калевалой» и «Калевипоэгом».

Из венгерской литературы для родственных народов будет представлять интерес прежде всего лирика, которая достигла мирового уровня.

Все вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что есть смысл переводить литературные ценности финно-угорских народов. Я убежден, что и писателями родственных нам российских народов, освободившимися от идеологических оков, будут созданы произведения, достойные перевода.

Gabor Beretski

Some problems by translation of Finno-Ugric literature

Finno-Ugric people are regarded to different cultural zones, for example the Finns are regarded to Scandinavian zone, the Estonians are regarded to Central European one, at the same time their Scandinavian relations are rather significant. German culture played decisive role in the development of Hungarian literature during last centuries, apparently, on the strength of the influence of Latin which held the particular status in Hungary during almost thousand years.

Forming of literatures of Russian and Finno-Ugric peoples proceeds mainly in interaction with Russian culture. That's why a language-mediator is very often used by the translation of literary works from one Finnish language into the other one. For example, Mordvinian literary work is translated into Russian at first and then into Hungarian and so on.

«Финно-угроведение», 1997, № 1.

Леонид Арсланов
Елабуга

СЛЕДЫ ПРЕБЫВАНИЯ МАРИЙЦЕВ В ВОСТОЧНОМ ЗАКАМЬЕ

Марийцы (прежнее официальное название — черемисы) являются аборигенами Средней Волги, относятся к финно-угорской языковой группе. Самоназвание народа — *мари*, *мары* — восходит к значению «человек», «мужчина», «муж».

Марийцы — коренное население Марий Эл, живут также в Башкортостане, Республике Татарстан, Удмуртской Республике, Нижегородской, Кировской, Свердловской, Пермской областях. Общая численность марийцев 671 тысяча (1, с. 4, 9).

Марийцы подразделяются на три этнографические группы — луговые, горные и восточные. Луговые и горные проживают в пределах той территории, где сложилась древнемарийская народность, т. е. в Волжско-Вятском междуречье и частично в Правобережье Волги. Восточные же сформировались как отдельная этнографическая группа в результате переселения части марийцев, преимущественно луговых, на восток от этой территории — в Прикамье и Приуралье.

Основная масса марийцев переселилась в восточные районы во второй половине XVI—XVIII вв., после присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству. Это было реакцией на усиление социального, религиозного, национального угнетения местного населения края (2, с. 129). Массовой миграции способствовало то обстоятельство, что «к середине XVI в. прикамские земли оставались несколько свободными. И поэтому, когда после падения Казанского ханства начинается массовое бегство татар и других народов (чувашей, удмуртов, марийцев), бывших под протекторатом этого ханства, в сторону Урала, данный регион подвергается массовой крестьянской колонизации» (3, с. 24).

В этническом отношении в районах Восточного Закамья преобладает татарское население; в отдельных районах представлены населенные пункты, заселенные русским, чувашским, мордовским, марийским и удмуртским населением.

В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с проживанием марийцев в районах Восточного Закамья.

Как свидетельствуют исторический, архивный и топонимический материалы, а также предания и легенды, сохранившиеся в памяти местного

населения (татарского, чувашского, марийского и русского) отдельных деревень Восточного Закамья, населенных пунктов, где проживали марийцы, было значительно больше, чем в настоящее время. Следы своего былого проживания в Восточном Закамье марийцы оставили в названиях улиц, пустошей, кладбищ, оврагов, речек и других географических объектов Заинского, Нижнекамского, Тукаевского, Сармановского, Муслюмовского, Мензелинского, Актанышского и других районов Татарстана.

Вопросы, связанные с проживанием марийцев в Восточном Закамье, рассматривались в той или иной мере в трудах П. П. Ерусланова, Г. А. Сепеева, Г. Н. Айплатова, Н. И. Исанбаева, Г. Ф. Саттарова, Ф. Г. Гариповой, Ж. Рахимова, В. С. Малахова, С. Я. Черных, А. Г. Иванова, Ю. Ю. Юсупова, Г. И. Ибулаева, Л. Ш. Арсланова и других исследователей.

Появление восточных марийцев на территории Восточного Закамья ученые относят в основном к XVI—XVIII векам. Появление их на башкирских землях некоторые исследователи относят к более раннему периоду. Так, например, П. П. Ерусланов, основываясь на работах Н. М. Карамзина, на легендах и преданиях, собранных им среди марийцев еще сто лет тому назад, допускает появление марийцев еще во второй половине XV века (4, с. 94).

О жизни марийцев на территории Башкирии еще «до Казанского взятия» и о существовании «дальней черемисы» в «башкирских улусах» пишет Г. Н. Айплатов (5, с. 143).

С XVI века, наряду с другими народностями Русского государства, марийцы были втянуты в общий поток массовой колонизации восточных его окраин (6, с. 12). В XVII—XVIII веках марийцы привлекались на строительство оборонительных «засечных линий» на юго-восточных границах Русского государства. Так, в середине XVII века по «Государевой грамоте» для укрепления Закамской пограничной линии было мобилизовано население из Казанского уезда, «преимущественно чуваши, черемисы и вотяки» (6, с. 40). Именно к этому периоду относится, по всей вероятности, появление марийцев в современных Заинском, Нижнекамском и других районах Восточного Закамья. Будучи малочисленными, часть из них перешла в мусульманство и отатарилась. Следы их сохранились в легендах и преданиях. В отдельных случаях бывшие марийцы, приняв христианство, перешли в разряд крещеных татар. Подобный процесс, по нашим полевым материалам, имел место в д. Мартыш Тукаевского, Рус. Мушуга Мензелинского и Новые Усы Муслюмовского районов Республики Татарстан и в бывшем Белебеевском уезде Уфимской губернии (Ерусланов, Сепеев). Другая, более значительная часть марийцев двинулась дальше на юго-восток, оставив память о себе в названиях селений, например, Сармашево, Сармаш на Ирне, Марино, Черемисская пустошь и др.

По материалам третьей ревизии 1762—1764 гг., немало марийских крестьян во второй половине XVIII века перешло из поволжских уездов на башкирские земли. Как известно, территория Восточного Закамья входи-

ла в состав Уфимского уезда Оренбургской губернии, затем в Мензелинский и Белебеевский уезды Уфимской губернии.

Марийцы-припущенники, входившие в категорию бобылей и тептярей, проживали в селениях башкирской Недыровой волости Казанской дороги (7, с. 24).

В 1762—1764 гг. марийцы проживали в следующих селениях «команды» Сапера Якупова и Саита Даутова, старшин Казанской дороги Недыровой волости Уфимского уезда: Кадыбашева, Наратова, Улу-Девятир, Нарат, Тугуз-Карагай, Утеганова, Мердешева, Пинасова, Каясаф, Усакаева, Палымаш, Байтурганова, Быргынды (современные селения Агрызского района Республики Татарстан и Каракулинского района Удмуртской Республики — *Л. А.*), Каракуль, Бекбовова, Тюзгинбика, Апасева, Маткаушева, Сарызазова, Буранчина, Илтемирова, Назби, Уменеева, Тарбина, Асылтюш, Вершина Шабизь, Кыркин-Тюбы, Бугады, Сууксу, Адаева, Урзяды, Зизменкова, Минлярова, Байсарова, Аккузева, Сенирянова, Турук-Таш (7, с. 25). Проживание марийцев в большинстве указанных селений подтверждается также легендами и преданиями, наличием черемисских кладбищ и др.

Смешанные в национальном отношении селения зафиксированы в «Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников о численности и социально-экономическом положении населения по деревням» в 1841—1842 гг.» (8). По данным этой ведомости, в 11 башкирских кантонах к смешанным в национальном отношении отнесены 78 деревень Мензелинского уезда: Улименово, Яхшиево, Байсарова, Кузякова, Юськи Такирман, Подгорный Такирмень, Кугашева, Сеитова, Калмашева, Калмия, Малтабарова, Кускеева, Тойгузино, Кулюкова, Дяукова, Урусова, Ст. Байларова, Тулубаева, Ниж. Уръяды, Карасева, Кальтева, Чиникова, Биксентева, Усов, Куркаева, Азалакова, Староахмет Абызова, Каташ-Каранова, Сарманова, Казакларова, Тлянчетамак, Рангазар, Альмет-Муллино, Муртышбаш, Муртыштамак, Карамалы, Кавзяк, Бикметова, Сарали-Бикметова, Ниж. Такталачук, Азякулева, Топасева, Новая Бугада, Миниярова, Саперова, Сеитова, Сикия, Табанлыкуль, Чуракаева, Тлянчина, Уразметова, Тюкова, Бикбулова, Калмурзина, Иркиняш, Атрякли, Мушуга, Айманова, Сарсаз Такирмян, Иманова, Шауле Арама, Курмашева, Тыгерменник, Сакловбаш, Сулюкова, Чурашева, Тугашева, Меллитамак, Наратасты, Карамалы, Суяркаево, Бикабызова, Аккузева, Сасыбурунова, Симякова, Ашпала, Ново-Алимова и др.

Как показывают материалы Ю. Ю. Юсупова, в некоторых указанных селениях проживали и марийцы, отнесенные к сословию «тептярей», «башкир», «припущенников» и «бобылей» (9). Так, марийцы проживали в следующих селениях Мензелинского района: Урусово, Гулюково (переселенцы-марийцы из д. Кадряково Агрызского района), Жэмэк (Ямаково), Ниж. Такирмень, Сарсаз-Тралы, Кузембетьево, Калмия, Деуково, Ашпала, Нов. Мелкень, Калмурзино, Тулбаево, Кузкеево и др.

По утверждению П. Ерусланова, марийцы продвигались по реке Вятке и Мамадышскому уезду, проникали за Каму и осваивали бассейны речки Авлашки. К этому времени относится появление деревень Чермыш Байданкино, Аты (Большие и Малые), Оскино, Бигаева, Шингальчи, Пинач или Пинас. Названия деревень Пинячи, Шингальчи, Бигай П. Ерусланов относит к языческим именам марийцев. Названия Пустошь со словами Черемисская, Маринская, по мнению П. Ерусланова, указывают на брошенные марийцами места (4, с. 94). Примечательно, что материалы П. Ерусланова вполне согласуются с данными «Заинской энциклопедии» (16).

Как уже было отмечено, будучи малочисленными, часть марийцев, вероятно, приняла ислам и отатарилась, о чем свидетельствует сохранение среди татарского населения отдельных деревень марийских родов («чирмеш иселе»). Другая часть марийцев, по свидетельству П. Ерусланова, двигалась на восток, избрав две дороги «отступления». Одна, незначительная часть, двигаясь по притокам реки Мензели (Чукмарлы, Аняк, Марина Пустошь, Семекеево), обосновалась по ближайшим притокам реки Ик (ныне черемисские деревни Калтаково, Чупаево, Мушуга, Буляково, Азмиево, Усы); другая, более значительная часть, направилась к востоку и юго-востоку по рекам Лесной Зай и Ирис, оставив о себе память в названиях селений, как, например, Сармашево, Сармаш на Ирис, Иванцево, Марино, Буляково, Алкино, Марино (Комаровка), Урсаево, Каськe (Смыловка), Шермаша (Новая Михайловка) (4, с. 94).

Данные П. Ерусланова на конец XIX века подтверждаются и нашими материалами (10, с. 78—88; 11, с. 80—89).

Отсутствие в настоящее время марийских населенных пунктов в Заинском, Нижнекамском, Тукаевском, Сармановском, Альметьевском, Лениногорском, Бавлинском, Азнакаевском, Бугульминском районах П. Ерусланов объясняет передвижением марийцев к юго-востоку в современные Бакалинский, Шаранский, Белебеевский районы «стремлением к сохранению жизни и самобытности», поскольку «башкирский край представлял вполне благоприятные условия: редкость населения, громадность пространства, покрытого непроходимыми лесами, обилие в них зверей, птиц, диких бортевых пчел, привлекал черемис как удобством вести бродячий охотничий образ жизни, так и возможностью скрываться в трущобах непроходимых лесов от преследования неприятелей» (4, с. 95).

Марийцы, как и некрещеные чуваши, мордва и удмурты, мишари и тептяри, принимали участие в формировании татар Бугульминского края (12, с. 85—88; 13, с. 142—146). Материалы Ж. Рахимова, основанные на архивных источниках, также вполне согласуются с данными П. Ерусланова, считавшего, что марийцы, переселяясь на юго-восток на башкирские земли, двигались на территорию современного Белебеевского, Шаранского, Бакалинского районов через земли Бугульминского уезда, что подтверждается нашими полевыми материалами. Так, следы пребывания

марийцев обнаруживаются в названиях населенных пунктов Чупаево Альметьевского и Тумберла Бавлинского районов (4, с. 95—96). Вполне можно полагать, что это были в основном переселенцы-марийцы из д. Чупаево Мензелинского района, которые впоследствии окончательно обосновались в с. Чупаево Шаранского района Башкортостана. В 1762—1764 гг. д. Чупаево относилась к «команде» Юмета Янтемирова, старшины Казанской дороги Недыровой волости Уфимского уезда (7, с. 25). Речка Тумбарлы и дд. Потапово-Тумбарла (Чувашское село) и Тат-Тумбарла сохранились в Бавлинском районе Республики Татарстан.

По мнению большинства исследователей, миграция народов Среднего Поволжья на территорию бывшей Уфимской губернии происходила в XVI—XVIII веках, особенно в период строительства укрепленных линий. На строительство крепостей вынуждены были уходить целыми деревнями. Так, заселен был татарами — выходцами из Казанского уезда район между Заем и Иком, где впоследствии оформилась мензелинско-сармановская группа казанских татар (14, с. 151—152). Среди них также были представлены марийцы, удмурты (15, с. 122—123).

Переселение марийцев и других национальностей в Восточное Закамье проводилось по инициативе царского правительства. В XVII—XVIII веках марийцы и удмурты привлекались на строительство оборонительных засечных линий на юго-восточных границах Русского государства. В середине XVIII века «по государевой грамоте» для постройки укрепленных закамских пограничных линий было мобилизовано население из Казанского уезда, «преимущественно чуваши, черемиса и вотяки» (6, с. 40). Переселение населения было насильственным, поэтому при удобном случае марийцы возвращались в свои «старые деревни», оставляя в Восточном Закамье память о своем пребывании в виде топонимов марийского происхождения.

Топонимы марийского происхождения в основном распространены в Заинском, Нижнекамском, Сармановском, Тукаевском, Муслюмовском, Актанышском и др. районах. Значительно меньше их в Альметьевском, Ленногорском, Бавлинском, Азнакаевском, Бугульминском районах, что свидетельствует о процессе постепенного передвижения небольших групп марийского населения из бассейнов рек Зай, Ик, Мензели в более восточные районы Республики Татарстан, а оттуда в Белебеевский уезд Уфимской губернии (современный Бакалинский, Белебеевский, Шаранский районы Башкортостана).

Заинский район

В Заинском районе в настоящее время марийских населенных пунктов нет. Однако былое проживание марийцев на территории района не вызывает сомнения. Напоминание о своем проживании они оставили в названиях населенных пунктов (официальных и неофициальных), пусто-

шей, зафиксированных в источниках, легендах и преданиях татарского и русского населения отдельных сел и деревень. Следует отметить, что данные, опубликованные в «Заинской энциклопедии» (16), подтверждают материалы П. Ерусланова, хранящиеся в архиве Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук, написанные им в конце XIX века, а также наши материалы, опубликованные в отдельных статьях (10, с. 78—88; 11, с. 30—89).

Появление марийцев в бассейне реки Зай П. Ерусланов относит к XVI—XVII векам. По его мнению, марийцы спустились по реке Вятке через Мамадышский уезд и обосновались по реке Зай и ее притокам. На это указывают названия ряда селений: Черемыш (Байданкино) Нижнекамского района, Маринская пустошь, Черемисская пустошь, Пинячи и др. (4, с. 94).

К топонимам, связанным с пребыванием марийцев, можно отнести следующие.

АКСАРИНО (АКСАР) — название татарской деревни. В прошлом деревня называлась Асеево. Название *Аксар* привезли с собой, по нашему мнению, переселенцы-марийцы в период строительства Закамской оборонительной черты (1652—1656 гг.) из д. Аксарино (Кугу Аксарка) Медведевского района Марий Эл. Ойконим Аксар, возможно, имеет связь с мансийским *охсар* «лиса» (11, с. 79). По третьей ревизии 1763 года население села записано крещеными татарами, которые в XIX веке вернулись обратно в ислам (16, с. 7). Вполне возможно, что среди крещеных татар могли быть и марийцы-язычники. Это предположение подтверждается, на наш взгляд, тем фактом, что рядом с деревней расположена речка Большой Шаплак (Шопкила), которая на Заинской земле получила название *Шипки (Шепкэ)* (17, с. 154). Ойконим Шипки восходит, по нашему мнению, к мар. *шопке* «осина», «осиновый» (18, с. 719). Аналогичная ситуация складывается с расположением деревень *Аксар* и *Шипки* Заинского района.

ВЕРХНИЕ ЛУЗИ (ЮГАРЫ ЛОЖ̧Ы). В предании о происхождении деревни упоминается «черемисская земля». Первопоселенцы были татары с. Ляки Сармановского района, которые, отказавшись принять православную веру, поселились на «черемисских землях» (16, с. 33).

ВЕРХНИЕ ПИНЯЧИ (ЮГАРЫ ПЭНЭЧЕ). П. Ерусланов ойконим *Пинячи* возводит к марийскому языческому имени *Пинас-Пинач*. В прошлом деревня называлась Черемисская пустошь, Тимертамак. Верхние Пинячи основаны в начале XVIII века выходцами из Мамадышского уезда Хамидом и Заидом с семьями, поселившимися в тех местах, где издавна проживали черемисы из рода Юзекая (16, с. 33—34).

ВЕРХНИЕ ШИПКИ (ЮГАРЫ ШЕПКЭ). По местному преданию, Шипки были основаны в конце XVII века на месте проживания башкирского племени юрматы. Между тем, ойконим *Шепкэ (Шипки)* марийского происхождения: *шопке* «осина», «осиновый». Ойконим *Шипки*, как мы

полагаем, привезли с собой переселенцы-марийцы из с. *Шопкила* Медведевского района Марий Эл в период строительства Закамской оборонительной черты (1652—1656). Не случайно поэтому оба ойконима *Шипки (Шепкэ)* и *Аксарино (Аксар)* расположены как на территории Марий Эл, так и в Заинском районе Республики Татарстан.

КАДЫКОВО (КЭДЕК) — название татарской деревни на левом берегу речки Сармаш. В прошлом она носила название Ерыклы, Елантаево. Согласно местному преданию, до прихода татар в этих местах жили черемисы (марийцы). К ним подселились шесть семей казанских татар. Старожилы хорошо помнят место расположения здесь марийского кладбища. Деревня основана марийцами во второй половине XVII века. Первые поселенцы постепенно отатарились (16, с. 123). Все это позволяет сделать вывод, что деревню основали марийцы, мобилизованные на строительство Заинской засечной черты.

САРМАШ — гидроним, правый приток Малой Ирни, САРМАШ-БАШ — название татарского села. Ойконим восходит к дореволюционному этнониму марийцев *черемис — цармис — цармас*. По местному преданию, основателем деревни был русский крестьянин Исак... Затем к нему подселилось 9 черемисских семей. Но отсюда их вытеснил старик по имени Сармаш (16, с. 209). Принимая во внимание участие марийских семей в основании деревни, имя *Сармаш* более логично связать с этнонимом *черемис — цармис*. Вполне можно допустить, что в марийском именнике существовал и антропоним Сармаш, который употребляли марийцы и татары. Поэтому не случайно, что на территории Заинского района часто повторяются топонимы и гидронимы *Сармаш, Чермыш, Черемисская пустошь, Чирмеш зияраты, Чирмеш авылы* и др.

В пользу нашего предположения говорит и легенда о возникновении деревни *Сармаш на Ирне*. Раньше она имела названия: Нижний Сармаш, Анасеево, Апач. По местному преданию, татарское население появилось во второй половине XVIII века на месте чувашской, по другим версиям — черемисской деревни (16, с. 211). О проживании марийцев в указанной деревне свидетельствует, как нам кажется, наличие неофициального названия Анасево и Анач и в Илишевском районе Башкортостана — Анасево, Анач (19, с. 23). Аргументом в пользу проживания марийцев в бывшем Анасеево Заинского района свидетельствует и наличие старинных кладбищ, принадлежавших, по всем признакам, марийцам указанной деревни (16, с. 221).

СРЕДНИЕ ПИНЯЧИ (УРТА ПЭНЭЧЕ). Основателями деревни, по местному преданию, были три семьи: Мандыхай, Аптекай, Габдекай. Первоначально деревня называлась Манди. Судя по имени *Мандыхай-Манди*, этот глава семьи был марийцем. Антропоним *Манди* часто встречается в марийском именнике, особенно у марийцев-язычников.

Следы пребывания марийцев наблюдаются и в с. Алкино Бухарского сельсовета. По материалам третьей ревизии 1762—1764 гг., марийцы за-

фиксированы по Зюрейской дороге Казанского уезда в д. Алкино Мамадышского уезда (7, с. 24). Об их проживании в д. Алкино Закамья писал и П. Ерусланов (4, с. 94).

Марийской П. Ерусланов считал и деревню *Урсаево* Заинского района. Ойконим представлен также в названиях деревень Урсаево Азнакаевского района Республики Татарстан и Урсаево, населенной марийцами в Шаранском районе Башкортостана.

Нижнекамский район

Факты о былом присутствии марийцев на территории Нижнекамского района обнаруживаются в официальных и неофициальных названиях населенных пунктов, в сохранении черемисских кладбищ («чирмеш зияраты») и в наличии черемисских родов среди татарского населения. Об этом же свидетельствуют легенды и предания о возникновении сел. Топонимы марийского происхождения уже рассматривались нами в отдельных статьях (10, с. 78—88; 11, с. 70—72). Следует отметить, что наши предположения, за некоторыми исключениями, полностью согласуются с материалами П. Ерусланова, представленными еще ровно сто лет тому назад. Так, с марийцами П. Ерусланов связывает населенные пункты: *Чермыш* (Байданкино), *Аты* (Малые Аты и Большие Аты) или *Оскино* (тат. Үчкэ), *Бигаева Пустошь* (Балчыклы), *Шингальчи*. Этимологию Шингальчи П. Ерусланов возводит к марийскому языческому имени *Шингальче*. Мы же связываем его с географическо-этнографической группой марийцев *шенгел мари* «задние марийцы», т. е. *шенгел* «задний» + афф. *че* (10, с. 86—87).

По мнению Г. А. Сепеева, к «шенгел мари» относятся луговые марийцы бывшего Уржумского и Яранского уездов Вятской губернии, т. е. задние, дальние марийцы, в отличие от луговых марийцев бывшего Казанского и Царевококшайского уездов (21, с. 287). Принадлежность ойконима *Шингальчи* марийцам подтверждается и тем, что одна из улиц села Шингальчи называлась *Чирмеш урамы* «черемисская улица». Как утверждают местные старожилы, жители этой улицы отличались от татар других улиц рядом этнографических черт. К этому следует добавить, что рядом с селом находилось кладбище, ныне не функционирующее и вспаханное, которое вполне обоснованно можно отнести к прежним обитателям села — марийцам (10, с. 87).

В предании жителей села *Нижняя Уратьма* (Тубэн Уратма), частично опубликованном писателем Рахмаем Хисматуллиным в газете «Ленин нурлары», говорится, что село Уратьма основали две семьи татар и две семьи марийцев. Не исключена возможность, что основателями села Уратьма могли быть переселенцы-марийцы из Уртьминской волости Яранского уезда Вятской губернии (20, с. 21).

Что касается гидронимов *Атшка, Аты* и ойконимов *Большие Аты,*

Малые Аты, то, хотя они этимологически восходят к марийскому источнику (мар. *ото* «священная роща»), все же основателями сел могли быть и татары из одноименных сел Мамадышского уезда. Так, по нашим данным, Малые Аты основали крещеные татары из д. Старая Уська (Иске Оске) Мамадышского уезда, о чем свидетельствует неофициальное название Үчкэ (Уська) д. Малые Аты. Эта деревня прежде называлась Оскино (Юська). Данный топоним скорее всего удмуртского происхождения, удм. *юсь* «лебедь», «лебединый» — воршудное имя удмуртов (23, с. 536).

Тукаевский район

По данным П. Ерусланова, признаки былого проживания марийцев на территории современного Тукаевского района прослеживаются главным образом в сохранении черемисских кладбищ, черемисских родов (Чирмеш нэселе) и др. Следы пребывания марийцев он отмечает также в д. *Мартыш* (неофициальное название Бигаева Пустошь). По свидетельству местного населения, часть крещеных татар — это бывшие черемисы-язычники, принявшие христианство и перешедшие в разряд крещеных татар.

На былое проживание марийцев в отдельных селах Тукаевского района указывает и существование черемисских кладбищ. Такое кладбище имеется в д. Иштиряково. Три кладбища находятся в деревнях Бурды (Борды) и одно в Евлево (Жэйлэү). Сведения об этом получены от учителя истории Кузьмина Петра Андриановича.

По свидетельству П. Ерусланова, в дд. Чермышево (Подгорный Дрюш) и Буляково еще во второй половине XIX века было несколько домов марийцев. Характерно, что татары д. Старый Дрюш называли Подгорный Дрюш Чирмеш авылы (Черемисская деревня). По данным краеведа Ю. Юсупова, следы проживания марийцев можно обнаружить в ряде населенных пунктов Тукаевского района: марийские кладбища имеются в деревнях Калмия, Подгорный Такермень.

Сармановский район

Марийское население из бассейна реки Зай двигалось на юго-запад Башкортостана через территорию Сармановского района. Признаки пребывания марийцев оставлены в д. *Драгун-Бикмет*. Так, до прихода чувашей в ней жили марийцы, которые затем удалились в более восточные районы, в более безлюдные места. Марийское население, по нашим данным, переселилось вначале в с. Азмеево Бакалинского района Башкортостана. Еще в 1899 году в д. Старое Азмеево было «35 язычников-черемис» (24, с. 150). Затем марийцы выделились из Ст. Азмеева и образовали самостоятельную деревню Нарат-Чукур того же района (25, с. 133).

Легенда, бытующая среди населения д. *Рангазар*, гласит, что деревня основана черемисом по имени Рангазар на поляне (26, с. 99).

О проживании марийцев в Сармановском районе свидетельствует и микротопонимия. Так, например, в д. Янурусово до сих пор сохранилось черемисское кладбище; местность на территории д. Альметьево называется *Черемисской стороной* (Чирмеш ягы).

Муслюмовский район

В районе три марийских деревни: *Мари Булярово* (тат. Мари Булэр, мар. Полер), *Осиновка* (тат. Усаклы, мар. *Шопкер*), *Бекмясь* (тат., мар. Бикмэч).

Буляр черемисский Булярской волости Мензелинского уезда впервые упоминается в 1795 году. Судя по наличию здесь «башкир» и «тептярей», можно полагать, что деревня возникла намного раньше, возможно, во второй половине XVII века. В 1840 году деревня Мари Булярово отнесена к «тептярской команде № 9, всего 139 душ. Живут на башкирских землях по припуску вотчинников, вместе пользуются пашней и рубят лес» (27, с. 157). В этом списке нет упоминания о тептярях марийцах дд. Усы и Бекмясь. Это связано, по-видимому, с тем, что д. Бекмясь к этому времени еще не выделилась из Новых Усов как самостоятельная деревня.

О пребывании марийцев в рассматриваемом районе говорит марийское кладбище в д. Варяшбаш и Новые Усы.

Альметьевский район

На проживание марийцев на территории Альметьевского района указывает С. И. Матвеев: «По справке губернской канцелярии... с переписанными подушными книгами... написаны в подушной оклад, а именно в деревне Бута черемис шестьнадцать». Это было в 1733 году (28, с. 14).

О былом присутствии марийцев напоминает название татарской деревни *Чупаево* (Чупай). Село основали, по всей вероятности, переселенцы-марийцы из д. Чупаево Мензелинского уезда, которые впоследствии оставили деревню и обосновались в марийской деревне Чупаево (мар. *Чопай*) Недыровой волости Казанской дороги Уфимского уезда (7, с. 25; 19, с. 188).

Азнакаевский район

С марийским этносом связано, по-видимому, возникновение д. Урсаево, основанной переселенцами из д. Урсаево Заинского района, которая, по мнению П. Ерусланова, была марийской. Сказанное подтверждается и тем, что в 1762—1764 гг. в составе Недыровой волости Казанской дороги Уфимского уезда в команде марийского старшины Ювметя Янтемирова отмечена марийская деревня Урсаево (7, с. 25). Названное село входит в Шаранский район Башкортостана. Деревня Урсаево в 1701 году входила в состав Булярской волости. Наше предположение подтвержда-

ется и материалами Ж. Рахимова, который считает, что в формировании татар бывшего Бугульминского уезда определенную роль сыграли и чуваши, мордва, удмурты и марийцы (12, с. 85, 88).

Следы пребывания марийцев прослеживаются и в истории села Учалле (Үчэлле). По местному преданию, деревня основана в 1600 году двумя родами — чувашским и марийским. В 1773 году в деревню прибывают казанские татары. Марийцы и чуваши, постепенно, приняв ислам, отатарились.

Бавлинский район

С марийским этнонимом *чирмеш (черемис)* связано название озера *Чирмеш куле* (Черемисское озеро) в д. Байряки (Бэйрэкэ) (26, с. 207).

Бугульминский район

Проживание марийцев в данном регионе обнаруживается в истории села Татарская Дымская (Татар Димскэ). Оно возникло в 1770 году после строительства Оренбургского тракта. В 1800 году в ней появляются марийцы (чирмешлэр), удмурты, киргизы и селятся отдельными улицами. Одна из улиц называлась *Чирмеш урамы* (Черемисская улица). Позднее упомянутые жители села влились в состав татар. Часть марийцев, возможно, ушла на восток в Белебеевский уезд.

Лениногорский район

По данным Ж. Рахимова, среди татарских имен и фамилий перечисляются *Куканбай, Чуслебай, Эбдекэй, Петух Айтубаев,* напоминающие языческие имена марийцев. Следовательно, процесс татаризации начинается со времени обоснования их в татарских селениях (13, с. 142—146).

Мензелинский район

В Мензелинском районе существовали марийские деревни: *Чупаево (Чупай), Калтаково (Калтак), Филимоновка (Ял)*. Несколько семей марийцев проживают в д. *Рус. Мушуга*. Марийцы проживали и в д. *Каракулино* (Каракул), которая была снесена в связи со строительством Нижнекамской ГЭС.

Появление марийцев в Мензелинском районе ученые относят к XVI—XVIII векам. Как показывают исторические источники, легенды и предания, а также топонимические названия, населенных пунктов, где проживало марийское население, было значительно больше, чем в настоящее время. Об этом же говорит наличие черемисских родов и черемисских кладбищ на территории татарских сел.

Заселение территории Мензелинского уезда марийцами, по мнению П. Ерусланова, шло со стороны бывшей Казанской и Вятской губерний по реке Вятке и Мамадышскому уезду. Оттуда они проникали за Каму, проживали на территории современного Заинского, Нижнекамского и др. районов. Затем «часть марийцев, двигаясь по притокам реки Мензелы (Чукмарлы, Аняк, Марина Пустошь, Семикеево), обосновалась по ближайшим притокам реки Ик (ныне черемисские деревни Калтаково, Чупаево, Мушуга, Буляры, Азмиево, Осы)» (4, с. 94).

Как свидетельствуют источники, заселение Мензелинского района марийцами шло и из-за Камы — из современного Агрызского района Республики Татарстан и Каракулинского района Удмуртской Республики, в частности из дд. Кадряково, Быргында, Бима и др. Точными данными о появлении марийских деревень мы не располагаем. Так, по данным 1701 года, в марийской деревне Калтаково, расположенной в вотчине М. Юкачева Казанской дороги, 23 семьи из 32 проживали здесь издавна, больше 70 лет, т. е. были потомками марийцев, поселившихся здесь еще в первой половине XVII века (6, с. 29).

Что касается д. *Чупаево*, то она основана, по-видимому, переселенцами-марийцами из-под Казани, о чем свидетельствует повторение ойконимов *Чупай (Чопай)* на территории Марий Эл, в Мамадышском, Альметьевском районах Республики Татарстан и, наконец, в Шаранском районе Башкортостана. По материалам V ревизии 1795 года д. Чупаево отнесена к Мушугинской тюбе Булярской волости, в которой 12 семей башкир, 41 мужчина, 39 женщин (29, с. 81). В материалах V ревизии марийские, удмуртские и русские деревни, за исключением д. Чупаево, не нашли отражения. Это связано, по-видимому, с тем, что инородцы были взяты на отдельный учет. Что касается обозначения марийцев как «башкир», здесь нет ничего удивительного, так как официальные документы в понятие «башкир» включают и настоящих башкир, и татар, удмуртов, марийцев, чувашей и др.

В д. *Рус. Мушуга* марийцы появились, по всей вероятности, приблизительно в первой половине XVII века, о чем косвенно свидетельствует то, что Мушуга Булярской волости Мензелинского уезда впервые упоминается в 1638 году (30, с. 184).

Согласно материалам третьей ревизии 1762—1764 гг., в списке поселений Уфимского уезда с проживающими в них марийскими крестьянами в командах старшин Недыровой волости Казанской дороги Сапера Якупова и Саита Даутова говорится, что марийцы проживали в дд. *Каракуль, Бекбова, Маткаушева, Сарызазова* (7, с. 24). Примечательно, что данные источника подтверждаются легендами и преданиями, наличием древних черемисских кладбищ, а также архивными источниками.

По материалам краеведа Ю. Юсупова, в 1849 году недалеко от деревни Урусово жили марийцы-переселенцы из д. Кадряково (Тубэн Кадрэк) Агрызского района. Марийцы д. Нижнее Кадряково в конце XIX века

решили объединиться в одну махаллю с татарами — мусульманами д. Урусова. 29 июня 1899 года Духовное собрание мусульман положительно ответило на прошение марийцев, и они слились с мусульманами-татарами (9, 31).

. Согласно документам Ландратной канцелярии Мензелинского воеводы по д. Ямаково (Жэмэк), в 1715 году упоминается черемис Аканаклай.

Жители д. *Гулюково* (Гелек) до сих пор сохранили память о проживании марийцев на улице Башарово и о существовании марийского кладбища рядом с татарским. В д. *Калмия* есть еще старожилы, хорошо помнящие своих марийских предков.

Марийцы проживали также в бывших деревнях *Калиорза, Сарсаз-Тралы* и в современной д. *Бикбулово*, о чем свидетельствует, кроме приведенных источников, наличие в этих селениях черемисских кладбищ.

О проживании марийцев в татарских населенных пунктах говорят и топонимические материалы (оронимы, гидронимы, микротопонимы и др.). Так, например, одна из улиц д. Ашпала раньше называлась *черемисской улицей*; один из логов в поле д. Нов. Мелкень назывался *черемисским беляком* (чирмеш булэге); в поселке Чулпан до сих пор сохранился мост под названием «чирмеш купере» *(Черемисский мост)*.

Таким образом, в бывшем Мензелинском уезде марийцев было значительно больше, чем в настоящее время. По рассказам местных жителей, часть марийцев, приняв ислам, слилась с татарами-мусульманами, другая (незначительная часть), приняв христианство, увеличила численность крещенных татар *(Рус. Мушуга, Кадряково)*. Часть марийского населения (главным образом в XVII веке) переселилась в юго-восточные районы Бугульминского и Белебеевского уездов, принимала участие в формировании икско-сюньской группы восточных марийцев.

Актанышский район

В Актанышском районе есть две марийские деревни: *Мари Суксы* (тат. Мари Суксу, мар. Йӱштӧ памаш), *Терпели* (тат., мар. Терпеле). Деревня *Мари Ямалы* снесена в связи со строительством Нижнекамской ГЭС.

Марийское население Актанышского района представляет собой часть восточных марийцев, мигрировавших в низовья Белой в XVI—XVIII веках с северо-запада Среднего Поволжья (15, с. 122).

Деревня Мари Суксы впервые упоминается в документе под номером 37 «8 генваря 1707 года — Запись мари Казанской дороги Тойдыбая Бактаева башкиру Алмекею Иленчиеву о займе денег с обязательством отработки части долга». Приведем его полностью. «Генваря 8 день Уфинского уезду, Казанские дороги, деревни Суксы черемисин Тойдыбай Бактаев дал запись Уфинского уезду, деревни Аргамаковы башкирцу Алмекею Иленчиеву в том, что взял я, Тойдыбай, у него, Алмекея денег 5 руб. и жити мне, Тойдыбаю, год одному. А как в работе год отживу и

ему, Алмекею, за тое работу заверстать рубль, а достальные деньги 4 руб. отдать назад против сей крепости. В том и запись дал» (32, с. 30).

Перепись марийцев Уфимского уезда начали проводить в 1722—1723 годах. Как следует из материалов этой переписи, в деревне *Савуксо* на речке Сувксы отмечены 26 хозяйств, 57 мужчин. В ней жили марийцы *Бамаш, Баташ, Еммет, Еруби, Ибагиш, Илей, Ичак, Каракучек, Куразмак, Мамис, Тапсир, Чире* и др. (33, с. 107).

В 1840 году Мари Суксу входила в состав 9-й тептярской команды. «Черемисские Суксы, 139 мужчин. Количество земли не известно, живут на башкирских землях по припуску вотчинников, вместе пользуются пашней и рубят на домашние нужды лес» (27, с. 157).

Деревня *Терпели* впервые упоминается в документе 1746 года. В ней перечисляются жители д. Терьпелеи Казанской дороги Енейской волости башкиры Сарбаш Бекчюрин, Ишмурза Изаев и др. (32, с. 446).

Как явствует из документов, марийцы д. Терпели были причислены к категории «башкир» и вместе с крестьянами дд. Калмаш, Семиостров (Ошер), Апач, Картово, Буаскуль, Тальдей владели вотчинными землями в низовье р. Белой. Что касается отнесения марийцев к «башкирам», то это вполне объяснимо. В большинстве документов того времени нет строго этнической идентификации понятия башкир. Скорее всего слово «башкир» употреблялось как термин социальный, а не этнический. Еще в XIX веке существовало деление марийских деревень на «башкирскую» и «тептярскую» части.

Деревня *Мари Ямалы*, как уже было отмечено, снесена в связи со строительством Нижнекамской ГЭС. Несколько семей марийцев сейчас живет в д. Татарские Ямалы.

Название *Ямалы* как гидроним (озеро) впервые упоминается в 1707 году. Озеро принадлежало башкирам д. Кабан Гарейской волости Казанской дороги Уфимского уезда (32, с. 31). Как деревня Ямалы известна с 1754 года и входила в состав Гарейской волости Мензелинского уезда. В плане д. Мари Ямалы 1801 года деревня находилась уже на современном месте, а на территории Тат. Ямалы отмечены только два дома (6. с. 114).

По материалам переписи 1870 года, в деревне Ямалы при озере Ямалы было 53 хозяйства, 206 мужчин и 180 женщин, в том числе башкир 169 мужчин, 151 женщина, черемис 37 мужчин и 29 женщин (34). Следовательно, в 1870 году татарское население проживало вместе с марийцами. А до этого еще в 1738 году татары д. Ямалы жили в д. Каранги, недалеко от современной деревни Тат. Ямалы (32, с. 384).

Марийцы же д. Мари Ямалы, по местному преданию, переселились сюда из д. Крым-Сараево Краснокамского района Башкортостана. До их переселения в деревне жили мордва-мокша. В 1723 году при озере Ямале, как отмечается в документах, жили «Мокшины на озере Емале» (5 домов, 16 мужчин). В документах деревня продолжала называться Мокши-

ной до конца XIX века. В 1840 году среди тептярской команды № 9 перечисляется и деревня Мокшино с 35 мужчинами (33, с. 106; 27, с. 157).

Марийцы д. Мари Ямалы поддерживали этнические и культурные контакты с марийцами Краснокамского, Илишевского и Дюртюлинского районов Башкортостана.

В 1722—1723 гг. на берегу озера Кулегаш отмечены две марийские деревни: *Новый Кулегаш* (5 домов, 16 мужчин), *Кулегаш на проточном ключе* (5 домов, 11 мужчин). Жителю этой деревни Ахматаеву Байгильде тогда было 100 лет (33, с. 106).

С марийцами связана местность между деревнями *Адаево* и *Мари Суксы Лапкашор* (от мар. *лапка* «низкий», *шор* «грязь», «болото»). Топонимическая параллель представлена названием марийского села *Лапка шор* (рус. Мари Менеуз) в Илишевском районе Башкортостана.

По данным Ю. Юсупова, в ЦГАДА в фонде № 1017 за 1715 г. хранится дело, связанное с марийцем — «черемисином Авгильдином» из деревни *Мартын*. Находилась она на границе между дд. Кече — Нарат — Бугады и Новое Биксентеево Мензелинского и Актанышского районов. Деревня Мартын зафиксирована и в документе № 32 за 1706 год (32, с. 27). Существование д. Мартын (Мэртен) подтверждается сохранением микротопонимов «Мэртен җире» (Земля Мартына), «Мэртен урманы» (Лес Мартына) на территории дд. Адаево и Кузякино Актанышского района.

По V ревизии (1795) в д. *Карачево* (тат. Карач) Калмашской тюбы Булярской волости проживали башкир 4 двора (15 мужчин и 12 женщин), черемис 8 дворов (21 мужчина и 27 женщин) (29, с. 79).

В ряде селений Уфимского уезда в 1762—1764 гг. марийцы проживали вместе с татарами в одних населенных пунктах. Так, например, в «команде» марийских старшин Сапера Якупова и Саита Даутова Казанской дороги Недыровой волости марийцы проживали в деревнях: Апасева, Буранчина, Илтемирова, Уменеева Вершина Шабизь, Кыркайн-Тюбы, Бугады, Зияшева, Караталова, Нижняя Уръяды, Сууксу, Адаева, Минлярова, Байсарова, Аккузева (7, с. 25).

О проживании марийцев на территории Актанышского района свидетельствует и наличие древних черемисских кладбищ, мольбищ, керемет. Так, марийские кладбища отмечены в дд. Уменеево, Шабизь. В д. Аккузева есть местность, называемая Телеэуле, где некогда жили марийцы, а в д. Уразаево имеется «Кирэмэт тавы» (Гора Кереметь).

С пребыванием марийцев можно связать название села *Поисево* (Пучы), восходящее к мар. зооними *пӱчӧ* «олень» (18, с. 482).

Марийским происхождением можно объяснить название озера Локуд (Озеро Гареево) на лугу д. Гареево, отмеченное в 1738 году. Ср.: мар. *лу* «десять», *куд* (*кудо* «дом», т. е. деревня из десяти домов) (32, с. 384).

Таким образом, как свидетельствуют исторические материалы, архивные источники, предания и легенды, сохранившиеся в памяти местного татарского и марийского населения, а также данные топонимии, гидронимии

и антропонимии, марийское население в Актанышском районе в XVI—XVIII веках было более многочисленным. Уменьшение численности марийцев объясняется, на наш взгляд, рядом социально-политических и экономических факторов.

Значительная часть марийцев-язычников в процессе совместного проживания в одних и тех же населенных пунктах с татарами и в связи с отсутствием школ на марийском языке испытала сильное языковое и духовное влияние татар. Это способствовало принятию ислама и татарского языка, привело в конечном итоге к отатариванию.

Часть марийцев, надо полагать, мигрировала в места компактного проживания марийцев, в частности, в Илишевский, Дюртюлинский, Бакалинский, Краснокамский районы Башкортостана. Наши предположения полностью подтверждаются и современными этническими процессами. Так, за последние годы марийцы д. Терпели постепенно переходят на татарский язык, утрачивают свой язык, чему немало способствует отсутствие школы на марийском языке. Население д. Терпели становится татароязычными марийцами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Сапуков К. Н.* Марийцы: прошлое, настоящее, будущее. Йошкар-Ола, 1992.
2. *Сепеев Г. А.* К вопросу о формировании этнографических особенностей восточных марийцев // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
3. *Рамазанова Д. Б.* К вопросу истории заселения Закамья татарами и формирования некоторых прикамских говоров татарского языка // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1990.
4. *Ерусланов П.* Эрвел мари да тудын йылмыже. Черемисско-русский словарь восточного наречия // Ончыко. Йошкар-Ола, 1992, № 3.
5. *Айплатов Г. Н.* Расселение марийцев во второй половине XVI—XVII вв. // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
6. *Сепеев Г. А.* Восточные марийцы. Йошкар-Ола, 1975.
7. *Иванов А. Г.* Марийцы Поволжья и Приуралья. Йошкар-Ола, 1993.
8. Южно-уральский археографический сборник. Уфа, 1976. Вып. 2.
9. *Юсупов Ю.* Татулыкка ни житэ // «Минзэлэ», 10 февраля 1994.
10. *Арсланов Л. Ш.* Топонимия финно-угорского происхождения в районах Западного и Восточного Закамья // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1987. Вып. 6.
11. *Арсланов Л. Ш., Казаков Е. П., Корепанов К. И.* Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до. н. э.—XIV в. н. э.). Елабуга, 1993.
12. *Рэхимов Ж.* Шегер авылы // Мирас, 1992, № 12.
13. *Рэхимов Ж.* Нефть ягы авыллары // Мирас, 1993, № 7.
14. *Халиков А. Х.* Происхождение татар Среднего Поволжья и Приуралья. Казань, 1987.
15. *Данишев С.* Миграция населения Среднего Поволжья // Аргамак, 1995, № 2.
16. Заинская энциклопедия. Казань, 1994.
17. *Куклин А. Н.* Названия физико-географических объектов Марийской АССР // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1985. Вып. 5.
18. Марийско-русский словарь. М., 1956.
19. Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980.
20. *Милахов В. С.* Очерки по истории Заинска. Набережные Челны, 1991.

21. *Сепеев Г. А.* Топонимические и родовые названия восточных марийцев как историко-этнографический источник // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970.
22. *Айплатов Г. Н.* Расселение марийцев во второй половине XVI—XVII вв. // Научная сессия по этногенезу марийского народа. Тезисы докладов и сообщений. Йошкар-Ола, 1965.
23. Удмуртско-русский словарь. М., 1983.
24. *Златоверховников И.* Уфимская епархия. Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк. Уфа, 1899.
25. *Арсланов Л. Ш.* К вопросу о происхождении заднеязычных *к, г* у татароязычных марийцев д. Нарат-Чукур Бакалинского района Башкирской АССР // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1974, кн. 3.
26. *Гарипова Ф. Г.* Татарстан гидронимнары сузлеге. Казан, 1984.
27. *Давлетбаев Б. С.* Тептяри и их землепользование. Мензелинский уезд. 29 октября 1840 г. // Малоизученные источники по истории Башкирии. Уфа, 1986.
28. *Матвеев С. И.* О крещеных инородцах Уфимской епархии. Уфа, 1910.
29. *Эсфэндияров Э.* Кэнбайыш башкорттар // Агидел, 1988, № 11.
30. *Хисамитдинова Ф. Г.* Башкирская ойконимия XVI—XX вв. Уфа, 1991.
31. *Юсупов Ю. Ю.* Очерки по истории г. Мензелинска и бывшего Мензелинского уезда. Набережные Челны, 1991.
32. Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., 1949. Т. 3.
33. *Черных С. Я.* Ожнысо илышын йыжынгже. Йошкар-Ола, 1990.
34. Список населенных мест Российской империи по сведениям 1870 г. Уфимская губерния. СПб, 1877.

Leonid Arslanov

Signs of the Mari people's stay on area eastward the Kama River

The process of settlement on area eastward the Kama River by the Mari is investigated in this work. A great bulk of the Mari people moved to this region in the second half of the XVI—XVIII centuries, after the joining of Middle Volga region to Russian State. Migration was bound up with the reinforcement of social, religious and national oppression and also with the fact that by the middle of the XVI th century the lands near the Kama River were rather vacant. The author cites a great number of toponymical, linguistic and other material, connected with the Mari population on area eastward the Kama River.

Отт Курс
Тарту

КОРЕННЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В ФИНЛЯНДИИ, ШВЕЦИИ И НОРВЕГИИ

Начало заселения Северной Европы

Северная Европа была долгое время покрыта материковым льдом, в результате чего она была заселена человеком значительно позднее Центральной Европы. В свете новых исследований, в последний ледниковый период (около 35000—18000 лет до н. э.) население Центральной и Южной Европы сформировалось в однородный европеидный тип населения, но население северо-восточной и северо-западной части Европы не смешалось и сохранило своеобразие (27). Вблизи края материкового льда в Северо-Восточной Европе и Западной Сибири обитали предки самоедов

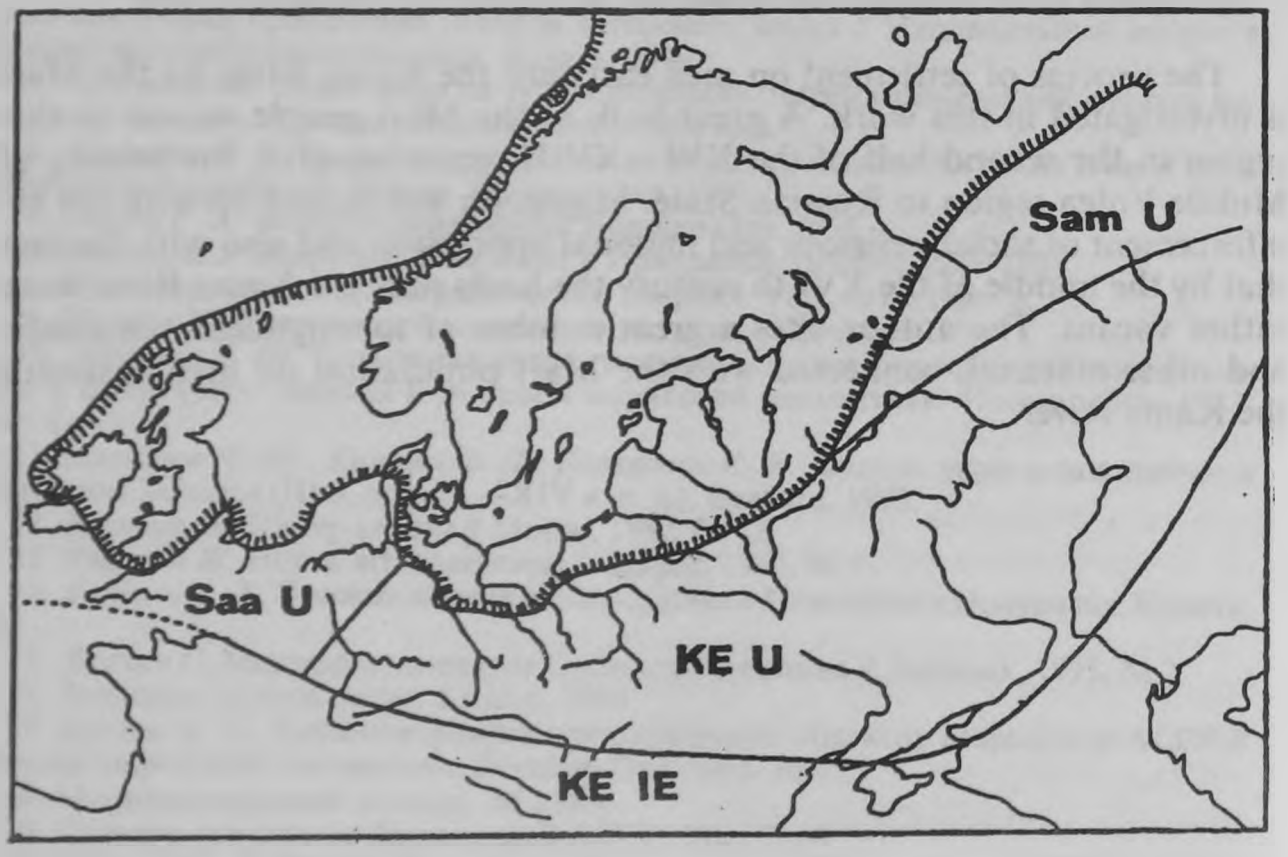

Рис. 1. Группы населения в Европе около 17000 лет до н. э. (27)

(Sam U), в Северо-Западной Европе — саамов (Saa U), а в Центральной и Восточной Европе предки других народов уральской языковой семьи (KE U). Эти три группы населения, обитавшие вблизи региона таяния материкового льда около 18000—7000 лет до н. э., были генетически разного происхождения (рис. 1). Общая хозяйственная деятельность в области охоты на крупных диких животных (мамонтов, лосей, медведей) объединяла их в языковом отношении. Аналогичная языковая консолидация происходила и на территории южной части Европы в регионе отстрела мелкой дичи (KE IE). *Lingua franca* охотников на крупную дичь сейчас называется уральским праязыком, а охотников на малую дичь — индоевропейским праязыком (27) (рис. 1).

На следующем этапе (7000—4200 лет до н. э.) пределов KE IE достигло земледелие (обработка земли и скотоводство), в результате чего граница между охотниками на крупную и мелкую дичь превратилась в границу между охотниками и землепашцами. С этого времени на уральских диалектах говорили охотники (вместе с рыболовами и народами, занимавшимися собирательством), а на индоевропейских диалектах — земле-

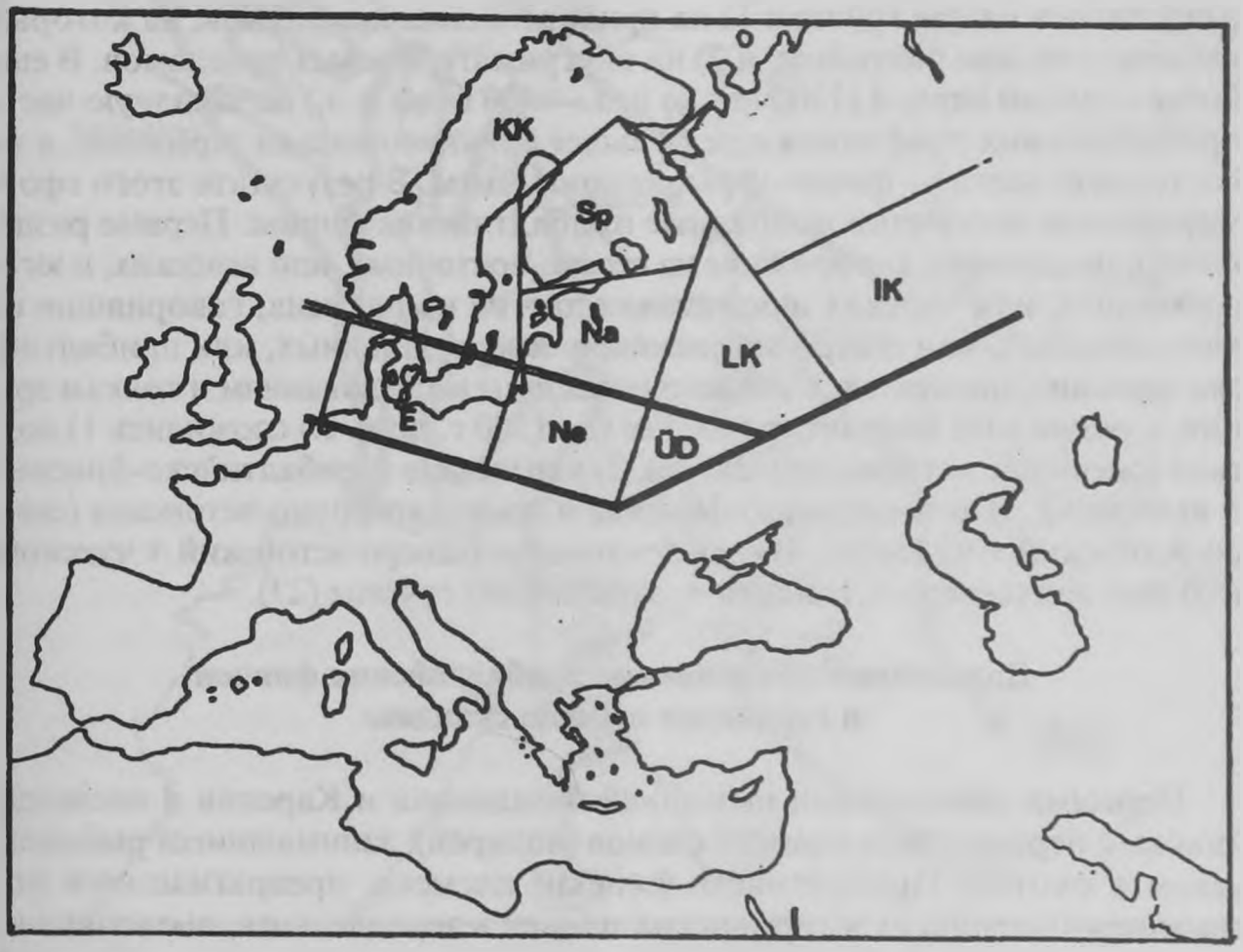

Рис. 2. Культурные регионы Северной и Восточной Европы в период 4200—2500 лет до н. э. Южная двойная линия — этноязыковая граница 4200 лет до н. э., северная — 2500 лет до н. э. (27)

дельцы. Представители двух разных областей добывания средств к существованию делились, в свою очередь, еще на две группы соответственно тому, шла ли речь о рыболовах или охотниках, о земледельцах или скотоводах. Рыболовы жили вблизи водоемов, а охотники на материковой части, земледельцы в Центральной и скотоводы в Юго-Восточной Европе. Позднее земледелие распространилось на территориях охотников быстрее, чем среди рыбаков (27).

В дальнейшем (4200—2500 лет до н. э.) земледелие продвинулось еще дальше на север. Так, на земледелие и индоевропейские (первичные германские, балтийские и славянские) языки перешли регионы Северной Германии, Дании и Южной Швеции (E), 2) Польши — Литвы (NE) и 3) Верхнего Приднепровья (UD). В остальной части Северной (KK, Sp, Na) и Восточной Европы (LK, IK) сохранились охота и рыболовство и вместе с ними и финно-угорские диалекты (рис. 2.).

На состоявшее из охотников (и рыболовов) население Северной Европы, говорившее на финно-угорских диалектах, в дальнейшем (2500—2000 лет до н. э.) сильное влияние оказали как южные балтийцы-земледельцы, так и восточные финно-угры. Таким образом это население разделилось на две группы: 1) на прибалтийских прафиннов, на которых влияние оказали балтийцы, и 2) на внутриматериковых прасаамов. В еще более поздний период (1500 лет до н. э.— 400 годы н. э.) на западную часть прибалтийских прафиннов еще большее влияние оказали германцы, а на восточную часть — финно-угры региона Камы. В результате этого сформировались восточные и западные прибалтийские финны. Первые разделились на племена, говорившие на северо-восточных, или вепсских, и юго-восточных, или чудских диалектах, а другие на племена, говорившие на юго-западных, или северо-эстонских, и северо-западных, или прибалтийско-финских, диалектах. Согласно новейшим исследованиям и точкам зрения, в результате контактов позднее (до 1500 г. до н. э.) сложились 1) водская (смешение четырех диалектов), 2) карельская (прибалтийско-финский + вепсский), 3) юго-восточно-финская и северо-восточно-эстонская (северо-эстонский + чудской), 4) южно-эстонская (северо-эстонский + чудской) и 5) ливская (северо-эстонский + латышский) группы (27).

Дальнейшее продвижение прибалтийских финнов и германцев в Фенноскандию

Первыми обитателями нынешней Финляндии и Карелии в послеледниковый период стали племена саамов (лопарей), занимавшиеся рыболовством и охотой. Прибалтийско-финские племена, превратившиеся под влиянием балтийских и германских племен в земледельцев, вытесняли их все дальше к северу на территории, удаленные от морского побережья. Основными регионами расселения земледельцев восточной части Фенноскандии были Юго-Западная Финляндия, или Собственно Финляндия, и

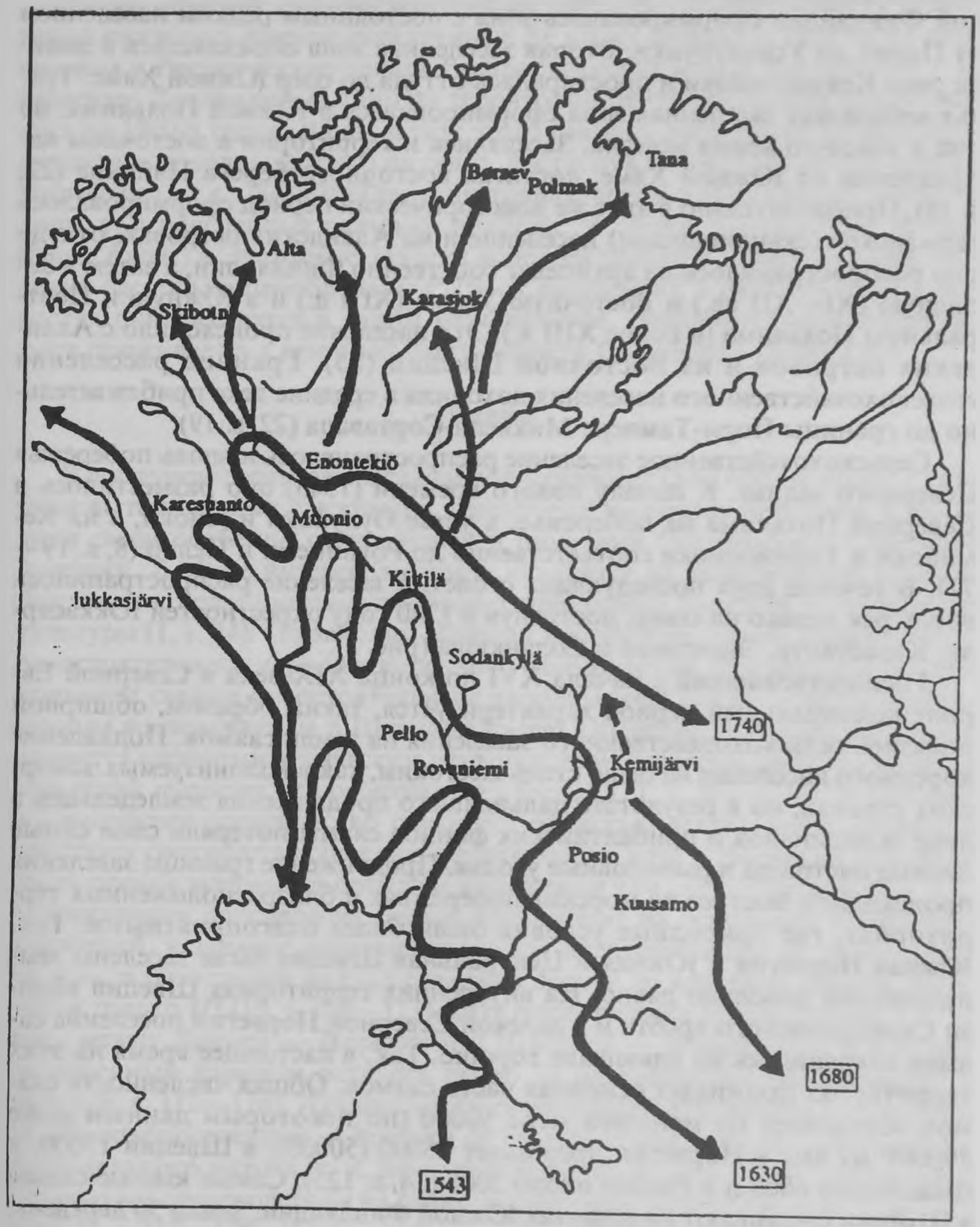

Рис. 3. Продвижение границы заселения финнов (13, s. 64)

Карельский перешеек (5, ss. 158—164, 169—171). Основным поселением на этой территории был Кякисалми (Корела). На побережье Юго-Западной Финляндии сформировалась зона с постоянным редким населением от Порво до Усикаупунки. Вторая заселенная зона образовалась в долине реки Кокемяэнйоки и простиралась оттуда до озер Южной Хяме. Третья небольшая заселенная зона сформировалась в Южной Похьянма, но она в какое-то время исчезла. Заселялись и территории в восточном направлении от Южной Хяме, достигая восточного берега Пяйянне (22, s. 18). Приблизительно в этот же доисторический период сформировалось германское (скандинавское) население и на Аландских островах, откуда оно распространилось на архипелаг собственно Финляндии, а затем в Западную (XI—XII вв.) и Восточную Усима (XIII в.) и в Южную и Центральную Похьянма (в конце XIII в.). Это население происходило с Аландских островов и из Восточной Швеции (25). Граница расселения сельскохозяйственного населения доходила в средние века приблизительно до границы Пори-Тампере-Миккели-Сортавала (22, s. 19).

Сельскохозяйственное заселение распространялось и вдоль побережья Северного залива. К началу нового времени (1543) оно разместилось в Северной Похьянма на побережье, в устье Оулуйоки и Ийоки, а на Кемийоки и Торнионйоки соответственно до Рованиеми и Пелло (8, s. 19—71). В течение двух последующих столетий заселение распространилось вдоль рек далеко на север, достигнув в 1740 году окрестностей Юккасярви, Каресуанто, Энонтекиё и Соданкюла (рис. 3).

Господствовавший с начала XVI до конца XIX века в Северной Европе колониальный период характеризуется, таким образом, обширной инвазией сельскохозяйственного заселения на земли саамов. Подавление коренного населения не было столь жестоким, как в колонизуемых заморских странах, но в результате дальнейшего продвижения земледельцев в лице скандинавов и прибалтийских финнов саамы потеряли свои самые ценные пастбища и рыболовные угодья. Продвижение границы заселения происходило быстрее на морских побережьях и близрасположенных территориях, где природные условия были более благоприятными. Так, Южная Норвегия и Южная и Центральная Швеция были заселены землепашцами довольно давно. На внутренних территориях Швеции вблизи Скандинавского хребта и в далекой Северной Норвегии поселение саамов сохранилось на удивление хорошо. Так, в настоящее время на этих территориях проживает основная часть саамов. Общая численность саамов составляет по меньшей мере 50000 (по некоторым данным даже 80000): из них в Норвегии проживает 25000 (50000), в Швеции 17000, в Финляндии 6000 и в России около 2000 (24, s. 125). Самые южные саамы в Швеции проживают на широтах Южной Финляндии. Земли 50 деревень, или *siida*, также и *siita*, саамов в Швеции составляют в настоящее время 130000 км^2, или приблизительно 1/3 территории государства (2, s. 147). На территории Финляндии, однако, из существовавших в конце XVII века

12 сидов сохранилось только пять (Инари, Пелтоярви, Суонтавара, Роунала, Тено-Утсйоки) (9, s. 117—128).

Таким образом, самыми успешными колонизаторами саамских территорий оказались именно родственные по языку финны (и карелы на отошедших к России территориях). Распространение новых поселений в т. н Финскую Лапландию (Lappi) на территории обитания саамов продолжалось до 1960-х годов. В результате этого граница расселения финнов продвинулась довольно далеко на север, достигнув к 1940 году почти границ Норвегии (14, s. 78—90). Так, в настоящее время в Финляндии имеются лишь три населенные саамами волости: Утсйоки (Ohcejohka), Инари (Anar, Aanar) и Энонтекиё. Из этих волостей только в Утсйоки саамы численно несколько преобладают (52% от населения); в двух остальных волостях они находятся в явном меньшинстве. Незначительное число саамов проживает и в северной части волости Соданкюла (Soadekilli).

Саамы

В последние десятилетия саамы подчеркивают свои общие черты с другими вытесненными с исконных территорий заселения народами и наладили связи особенно с индейцами и инуитами (эскимосами) Северной Америки. В сфере интересов саамов находятся их исторические права в Лапландии, использование тамошних природных богатств и сохранение культуры (1, s. 84). По законам Швеции и Норвегии, саамы имеют статус самостоятельного народа и коренного меньшинства. Норвежские законы признают саамов самостоятельным народом (eget folk).Согласно официальным исследованиям в Швеции (Statens Offentliga Utredningar), саамы являются коренным этническим меньшинством (samernas särskilda ställning som etnisk minoritet och urbefolkning i Sverige)(21, s. 267—278). В Швеции и Финляндии оленеводство считается областью деятельности саамов и действует соответствующее законодательство, хотя в Норвегии основная часть саамов занимается сельским хозяйством или рыболовством (1, s. 83). В Финляндии определение саамов происходит на основании языка прародителей, и занятие оленеводством для идентификации не используется. Так, в Финляндии из стад северных оленей во владении саамов находится только 1/3 (19, s. 100—111), хотя после раздела земель саамов в 1751 году между Данией — Норвегией и Швецией — Финляндией и Россией за коренным народом осталось право на оленеводство, рыболовство и охоту (6, s. 112—116). Лучшие земли саамов были отчуждены без компенсации новопоселенцам, и позднее от саамов стали даже требовать уплаты земельного налога (т. н. *lapinvero*) за право ловить рыбу, охотиться и заниматься оленеводством на своих землях. Этот налог действовал до 1924 года (9, s. 117—128). На позднейшее изменение областей деятельности наряду с колониализмом повлияло и общее развитие общества. Вместе с этим более разнообразными стали и области деятельности саамов.

Что касается развития культуры и общественного положения саамов, то основное развитие произошло только в XX веке, особенно после Второй мировой войны. Хотя начало саамскому письменному языку было положено отпечатанным в 1619 году букварем (7), начальное образование на саамском языке в некоторых школах Финнмаркена было введено только в 1967 году. Для шведских саамов в 1938 году были основаны передвижные школы, которые в 1962 году были преобразованы в саамские школы. Скоро число школ низшей ступени достигло семи, и в Еливаре была основана общая школа высшей ступени. Изучение саамского языка и культуры стало возможным в университетах Осло, Тромсё и Умео. В 1973 году в Кёутокейно (Норвегия) начал работу Саамский институт Северных стран. Его задача — дать саамам возможность для обучения с детского до пожилого возраста саамского языка (15, s. 137—145). В Финляндии саамскому языку начали обучать в 1989 году в семи основных школах и двух школах высшей ступени. Всего в то время в Финляндии на территории расселения саамов было 23 основные школы и 5 школ высшей ступени. Вне территории расселения саамов саамский язык преподавали в 24 школах низшей ступени и 5 школах высшей ступени (24, s. 141). Преподавание предметов, связанных с культурой и историей саамов, в Финляндии сосредоточено в Лапландском университете в Рованиеми. Таким образом, в Северных странах (Норвегии, Швеции и Финляндии) в настоящее время саамский язык возможно изучать как в основной школе, так и в университете.

Хотя движение саамов с целью повышения своего социального статуса началось относительно поздно, успех в этой области достигнут довольно большой. В 1948 году в Норвегии было создано объединение саамов-оленеводов (Norrga boazosámiid riikkasearvi) и общество дворян в Осло, которые объединились в единую организацию (Norrga sámiid riikkasearvi). В Швеции такая организация (Ruoťa sámiid riikkasearvi) была создана в 1950 году. Начало ей было положено в 1945 году шведским государственным Саамским культурным обществом (Same-Ätnam). В том же году было создано первое объединение саамов (Samii Liitto) в Финляндии (24, s. 144). С 1953 года регулярно проводятся конференции саамов Северных стран (20, s. 155—159). Сейчас они проводятся через каждые три года по очереди в трех государствах.

В 1956 году был создан Саамский совет Северных стран (Sámiraďđi), в который входит по четыре члена совета из каждого государства. Задача совета — защищать интересы саамов как на уровне отдельного лица, так и народа. Всячески подчеркивается общность саамов (24, s. 145—146). На 13 конференции саамов в Оре (Åre) 15 августа 1986 года был установлен статут флага Саами, который оформила Астрид Бол из Шиботна (Норвегия). Синий и красный цвета разделяются в центральной части флага зелено-желтой вертикальной полосой, на которой расположен красно-синий круг. Цвета флага представляют цвета народной одежды, причем

красный цвет обозначает солнце, а синий цвет луну (12, s. 8—9). На этой же конференции в качестве гимна была принята написанная саамским учителем и политиком (был в 1906—1912 гг. членом Государственного суда Норвегии) Исаком Саба песня из четырех строф *Sámi soga lávlla* (Песня рода саами).

Новый этап саамского движения начался в 1970-х годах, когда для разностороннего изучения саамов в 1973 году был создан Саамский институт. В 1976 году саамы присоединились к Всемирному совету коренных народов (World Council of Indigeneous Peoples, WCIP) и включились через него и в деятельность ООН. Саамы Северных стран поставили своей целью войти путем демократических выборов в представительные органы трех государств. В этом отношении наибольшего успеха добились финские саамы, где представительство (Saamelaisvaltuuskunta) было образовано уже в 1973 году. В Норвегии соответствующий закон был принят в 1988 году, и уже в следующем году были проведены выборы в *Samedigg*. Подготовка к разработке аналогичного законодательства проводится и в Швеции (24, s. 146). В Финляндии добиваются введения саамского языка в официальных учреждениях (7).

Финские шведы

Финляндия, находившаяся в течение 650 лет (1157—1809) в составе шведского государства, получила постепенно свое представительство в шведском риксдаге, однако между относительно одинаковыми странами (общая бедность, редкое заселение и пр.) позднее возникли конкуренция и некоторое противостояние. В XVIII веке общество Финляндии достигло этапа, когда проснулось национальное самосознание (nationalitetstanken), которое заключалось прежде всего в развитии языка крестьян как основной части населения. Первая финская газета «Tidningar utgifne af et sällskap i Åbo», редактируемая Хенриком Габриэлем Портаном (1739—1804), руководящим членом финского национально настроенного литературного общества «Aurora» (1770—1779), начала публиковать статьи и на финском языке. Однако тогдашнее культурное движение все же не ставило политических целей (4, s. 239—256).

Национальное движение начало развиваться после объединения всей Финляндии в 1809 году с Россией. На собравшемся во время русско-шведской войны риксдаге в 1809 году в Порво русский царь Александр I утвердил в Финляндии лютеранскую веру, шведскую административно-правовую систему и в качестве официального языка шведский язык. В провозглашенном Александром I Великом княжестве Финляндском мысль о независимости Финляндии стал развивать Арвид Ивар Арвидссон (1791—1858), чье известное изречение «Мы не шведы, русскими мы стать не хотим, будем же финнами» (Svenskar är vi inte, ryssar vill vi inte bli, låt oss vara finnar) послужило опорой и для Элиаса Лённрота (1802—1884)

при составлении эпоса «Калевала». Общественный деятель Юхан Вильгельм Снеллман (1806—1881) стремился к развитию народного образования и народной культуры и хотел, чтобы финский язык получил равные со шведским языком права. Он был также сторонником полной независимости Финляндии. В качестве члена сената он достиг на риксдаге в 1863 году того, что финский язык должен был получить в течение 20 лет равные со шведским языком права в официальных учреждениях и судах. В 1870-х годах началась серьезная борьба за финноязычную школу. Языковая ссора политизировалась в начале следующего столетия в связи с образованием партий.

Финляндия приобрела независимость в 1917 году, и в 1919 году был принят закон о языке, объявивший финский и шведский языки государственными языками. Вопрос об Аландских островах был определен в 1921 году решением Лиги наций, согласно которому уезд был объявлен демилитаризированным и ему была дана автономия в качестве шведскоязычного уезда в составе Финляндии. Небольшие споры в отношении языка отмечались еще в 1930 и 1940 гг. в связи с языком обучения в Хельсинкском университете и размещением финского населения, эвакуированного из Карелии, на традиционно шведскоязычные территории. Начиная с 1950-х годов доля шведского населения стала уменьшаться. Увеличились группы детей-билингвов и лиц, говоривших по-шведски, но считающих шведскую культуру несущественной. В это же время размывалась и языковая граница, особенно в Южной Финляндии. Так что в настоящее время четкую языковую границу можно проследить только в Бельгии, Швейцарии и Канаде (4).

Наибольшей доля шведского населения была в Финляндии в 1610 году, когда они составляли 17,5% от населения. Численность финских шведов росла до 1940 года, достигнув 354000 (1, s. 107). В настоящее время (1994) из жителей Финляндии 93,1% считает родным финский и 5,8% шведский язык. Из единиц самоуправления (волостей и городов) 85,9% являются финноязычными, 8,9% двуязычными и 5,2% шведскоязычными. Моноязычной является такая административная единица, в которой иноязычных жителей насчитывается менее 8%. Объявление административной единицы двуязычной предполагает, чтобы из всего населения иноязычные составляли бы более 8% или же составляли группу численностью не менее 3000 человек. Если же доля иноязычного населения падает до 6%, то административная единица объявляется моноязычной. Население Аландских островов является исключительно шведским, двуязычное население проживает на побережье и островах ляни Васа и Турку-Пори. Из двуязычных городов Васа, Каскинен, Коккола, Турку, Хельсинки, Эспо, Ханко, Каунианнен, Ловиса, Порво и Ванта являются преобладающе финноязычными, а Кристинанкаупунки, Пиетарисари, Усикарлепю, Парайнен, Карья и Тамисари шведскоязычными. Из волостей шведскоязычными являются еще Корнэс, Луото, Малахти, Максама (в ляни Васа), Хоутскари и

Иниё (в ляни Турку-Пори). Хотя из жителей Хельсинки шведский язык считает родным только 7,2%, город является центром шведскоязычной культуры. На Аландских островах (один город, 15 волостей) шведский язык является единственным официальным языком.

В Финляндии язык обеих национальных групп признан конституционно официальным. На практике же бывший государственный язык превратился в язык меньшинства. Это проявляется в том, что преобладающая часть финского населения не говорит по-шведски, но в то же время преобладающая часть граждан Финляндии, считающих родным шведский язык, говорит по-фински. На отступление шведского языка указывает и тот факт, что молодое и среднее поколение финнов общается теперь с проживающими в Швеции т. н. государственными шведами вместо шведского языка на английском языке.

Торнионеченцы

Торнионеченцы (фин. tornionlaaksolaiset, швед. den finskspråkiga minoriteten i Tornedalen) — это финноязычное население в бассейне реки Торнионйоки, которое в 1809 году при проведении границы между Финляндией, перешедшей в состав России, и Швецией оказалось на шведской стороне. Как и во многих других местах в Европе, и здесь государственная граница разделила до тех пор территорию перянпохьолаского торниоского диалекта в местности с наименованием Лянсипохья на два участка (6а на рис. 3). До тех пор, пока Финляндия входила в состав Швеции, в едином в экономическом отношении бассейне реки Торнионйоки пользовались только финским языком. После проведения границы в Западной Лянсипохья произошла диглоссия: по-фински говорили дома и на уровне неофициального общения, шведский же язык стал административным языком и языком обучения. Шведским языком стали пользоваться также чиновники и интеллигенция (1, s. 77).

Несмотря на государственную границу (рис. 4), сохранились связи с территориями к востоку от реки Торнионйоки: заключались браки, торговали и была признана религиозная секта, идеи которой провозглашал Ларс Леви Лэстадиус. До 1870 года детям давали начальное образование все же еще на финском языке. Хотя жители были все время лояльными в отношении Швеции, власти все же считали их чужими (26). Шведский язык, введенный поначалу в качестве добровольного предмета изучения, начал, следуя официальной политике, вытеснять финский язык. К 1920 году обучение в школах стало проводиться на шведском языке (1, s. 77). Во временном отношении процесс разделился на несколько этапов.

Первая начальная школа в оставшейся на шведской стороне Лянсипохья была основана в 1854 году в Хапаранда, затем школы были созданы и в больших деревнях. В 1875 году в Хапаранда стали готовить преподавателей для начальных школ. Поначалу финноязычное обучение

Рис. 4. Диалектные регионы финского языка

было переведено в 1912 году полностью на шведский язык (26). После того как в школе в Хиетаниеми было опробовано обучение на шведском языке, епископ Ландгрен внес предложение ввести обучение на шведском языке во всех начальных школах (29). Полный перевод школ на обучение на шведском языке начался в 1888 году. С целью внедрения шведской культуры и шведской ориентации в финноязычном регионе была основана шведская народная школа ступенью выше, чем начальная школа — Matareng-Övertorneå folkskola. В 1919 году стал обсуждаться вопрос о переводе хотя бы вероучения на финский язык, однако это так и осталось на уровне обсуждения, и шведизация продолжалась. Положение начало меняться только в конце Второй мировой войны, когда в Швеции появились иммигранты.

В 1944 году финский язык был объявлен предметом добровольного изучения, но стал таковым на уровне средней школы в действительности в 1955 году. Когда в 1970-х годах иммигрантам стали давать школьное образование на родном языке, то постепенно появились изменения и в первоначально финноязычном регионе Торнио. Организованные в 1950-х годах радиопередачи на финском языке изменили в 1980-х годах на передачи на местном диалекте, их объем составляет 3,5 часа в неделю (28, p. 4). В 1981 г. было основано объединение с наименованием Svenska Tornedalingars Riksförbund — Tornionlaaksolaiset (STR-T). В настоящее время оно имеет и издательство «Kaamos», журнал «Met-aviisi» (редакция находится в Паяла) и отделения в центрах переселившихся торнеореченцев в Кируне, Умео и Стокгольме. Организаторский центр общества, насчитывающего около 2000 членов, находится в Аапуа в волости Эвертурнео (Matareng). Цели объединения оформлены на местном диалекте и на шведском письменном языке. С целью просвещения народа и организации летних университетов в 1989 году была создана Academia Tornedaliensis, или на местном диалекте Meän Akateemi. «Met-aviisi» публикует статьи как на диалекте (meänkieli), так и на шведском и финском письменном языках. Издательство «Kaamos» опубликовало около 20 книг, среди них и грамматику местного диалекта «Meänkielen kramatiikki» (1996). Осенью 1996 года Radio Norbotten стало передавать курс языка, который транслируется и в другие части Швеции. Финансовую помощь для культурной деятельности получают с основной территории расселения своей этнической группы из волостей Матаренг, Паяла и Хапаранда.

Общее число торнионреченцев оценивают в 75000 человек; из них приблизительно половина проживает в исконной родной местности, где, в свою очередь, приблизительно половина населения является уже шведскоязычным (28). Остальные торнионреченцы переселились в иные места, в основном в районы Швеции, где добывают железную руду, и в Лулео (2, s. 147).

Что же вообще касается социального положения финнов в Швеции, то оно значительно изменилось в последние десятилетия. Все больше под-

черкивается — в первую очередь все же в ученых кругах — давнее взаимовлияние финнов и шведов и, исходя от этого, культурная близость. По официальным данным, в Швеции живет 442800 иммигрантов из Финляндии или их потомков, из которых около 350000 сохранили и финский язык. Таким образом, шведские финны являются наибольшим языковым меньшинством в Северных странах. 7 марта 1992 года они провозгласили себя меньшинством. Теперь делаются попытки к сохранению этого своеобразия и в будущем. При этом особенно важными считаются обучение языку, издание произведений печати на своем языке, радио- и телепередачи (Me 1996).

Квены

Сходными как по происхождению, так и по судьбе являются квены (норв. *kvener*), которые проживают в Норвежской Лапландии (фин. *Ruija*, сканд. *Fin(n)mark(en)*). Согласно современному административному делению Норвегии, она входит в состав ленов Финнмарк и Тромс, охватывая последний все же только частично, до фьорда Меланген. В западной части этого региона провели в 1751 году границу между владениями Дании и Швеции и в восточной части между владениями Швеции и России (рис. 5). Эти границы установили в Лапландии во времена, когда как Норвегия, так и Финляндия не были еще независимыми. Норвегия входила, как известно, в 1380—1814 гг. в состав Дании и затем

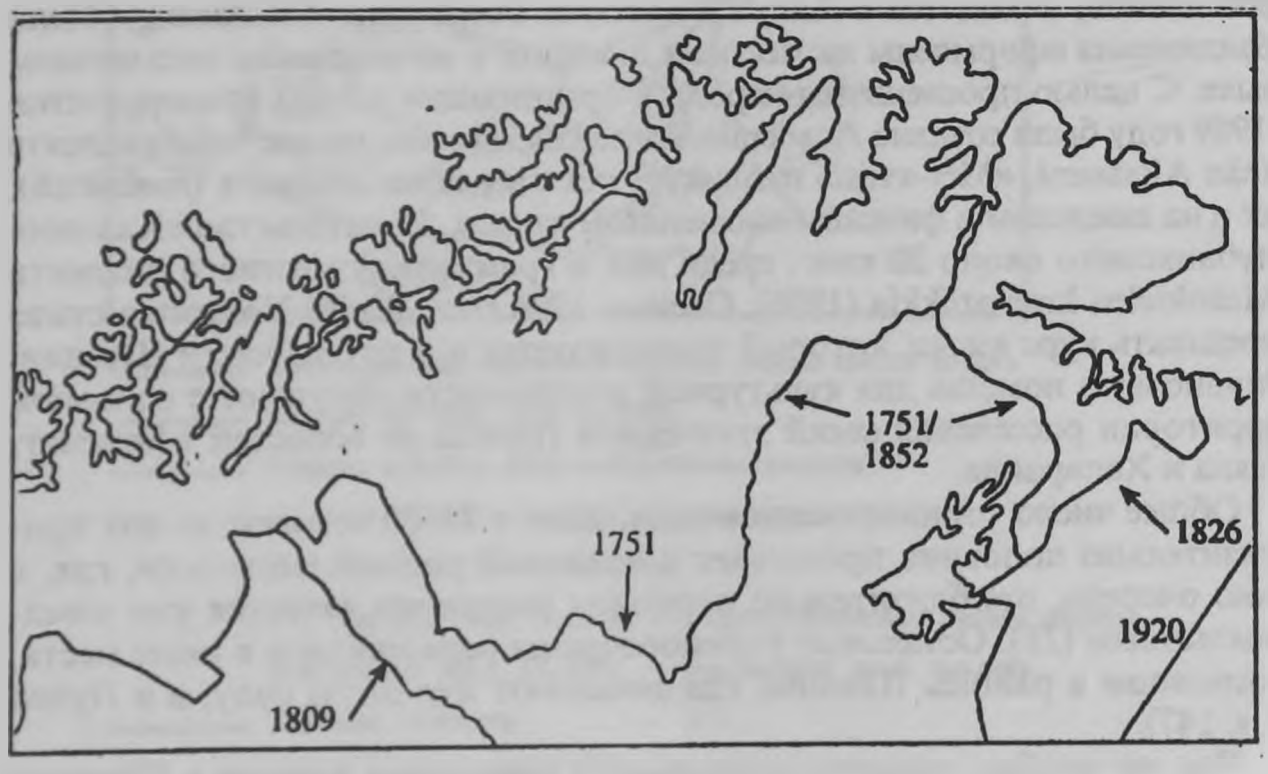

Рис. 5. Формирование государственных границ в Лапландии

до 1905 года в состав Швеции. Приграничные тунтури (норв. *fjell*, фин. *tunturi*) и горные пастбища саамов для земледельцев и морских рыбаков особого интереса не представляли, и поэтому они остались саамам, которые могли свободно пересекать границу. Однако для норвежцев и финнов интерес представляли морское побережье с относительно мягким климатом и устья рек, которые стали заселяться в XII—XIII вв. Поселенцев финского происхождения стали называть квенами (норв. *kven*, мн. ч. *kvener)*. Первые письменные сообщения (тогда Quæn) относятся все же к XVI веку, более точные сообщения к 1723 году, когда перечисляются хозяйства, уплатившие налоги (18, s. 82—83). Первые сообщения статистического характера о заселении прибрежной зоны относятся к 1845 году, когда квены составляли 13,3% от всего населения Finmark fylke и 19,7% от населения густонаселенных поселений (by). Наибольшей группой были относящиеся к сельскому населению саамы (16, s. 15—40). Самой большой доля квенов была в то время в Бэрсельве (фин. *Pyssyjoki*, 99%) и в Кистранне (33% от населения). В связи с неурожаем и голодом во второй половине XIX века в ляни Оулу в Норвежскую Лапландию прибыли новые поселенцы, и таким образом число финнов достигло в 1870 году 20,6% от всего и 34,3% от городского населения. Затем здесь поселились норвежцы, которые по численности превзошли как квенов, так и саамов. Что касается численности квенов, то в начале XX века их было свыше 7000, а через два десятилетия 12000. К 1910 году доля квенов составляла 13,8% от всего и 15,8% от городского населения. Основным центром сосредоточения квенов стала самая дальняя местность Норвегии в окрестностях фьорда Варангер, особенно в Вадсё *(Vesisaari)*, Бюгёюнесе *(Pyökeä)*, Нейдене *(Näätämö)*, Вардё *(Vuoreija)* и в других местах (18, s. 88—92). В период 1845—1885 гг. численность квенов в окрестностях Варангера увеличилась (18, s. 143). В 1900 году 44% жителей Вадсё и более 40% населения прибрежных волостей фьорда Варангер были финнами. Финский язык и стал местным языком общения, которым владели также саамы и норвежцы. В 1930 году в Норвежской Лапландии было около 30000 человек, говоривших по-фински, из которых часть относилась к иностранцам. Для норвежских властей это послужило одним из поводов для подавления финского языка. Возникло даже выражение о финской опасности (норв. *den finske fare*, см. 18, s. 277—307). Онорвеживание было начато в конце 1870-х годов. Так, основанная в 1877 году в Вадсё газета «Ruijan Suomenkielinen Lehti» выходила довольно короткое время. Также и церквям было дано приказание перейти к проведению служб на норвежском языке (23, s. 67—69). Сформировавшейся в Северной Норвегии финноязычной традиции был положен конец в 1936 году (17, s. 2). Во Второй мировой войне было уничтожено много поселений и памятников культуры восточных квенов. В результате этого уменьшилось число говоривших на финском языке (диалектах). В настоящее время молодое поколение квенов уже не знает языка предков. В некоторой степени еще пользуются фин-

скими топонимами. Я назвал бы здесь помимо вышеприведенных еще некоторые (в скобках на финском языке): Бюгефьорд *(Reisivuono)*, Якобсельв *(Annijoki)*, Тана *(Teno)*, Лаксельв *(Lemminjoki)*, Чэлфьорд *(Kaavuono)*, Алта *(Alattio)*, Нуррейса *(Raisi)*, Люнген *(Jyykeä)*, Тромсё *(Tromssa)* и др. Эти топонимы используются все же больше в Финляндии и среди поздних переселенцев в Норвегии. Старшее поколение использует больше финские микротопонимы (18, s. 109). В 1960-х годах в рыбную промышленность и строительную деятельность были привлечены новые переселенцы из Финляндии. Из них большинство сосредоточилось в Северной Норвегии, в окрестностях Осло и в районах нефтяных разработок в Северном море (10, s. 92—94). По происхождению численность квенов в настоящее время можно предположительно оценить в 60000 человек, среди которых число понимающих финский язык составляет только 8000—10000 человек. Активно из этого числа финским языком пользуется всего 1500—2000 человек (18, s. 187).

В связи с массовым переселением финнов после Второй мировой войны в соседние Швецию и Норвегию у норвежцев создалось впечатление, что все финноязычное население состоит из таких переселенцев. Ложное представление стали опровергать потомки квенов и переселившихся в прошлом веке финнов, среди них и этнограф Венке Осхейм Олсен (род. 1942), предки которой переселились на территорию Норвегии около 1840 года из Лянсипохья и Финляндии. Поднятое в дискуссии она подытоживает в отдельной статье (16, s. 15—40), в которой показывает, что сформировавшаяся в прошлые времена путем иммиграции группа квенов абсорбировала постоянно в себя новых иммигрантов и делает это и в настоящее время. Таким образом, эту состоящую из граждан Норвегии языковую группу можно считать полноправным этническим меньшинством, которое должно иметь те же права, что и саамы.

В октябре 1995 года в Тромсё основали новую финноязычную (практически все же двуязычную) газету «Ruijan Kaiku» (11, s. 4). Ее издатель — союз Ruijan Kveeniliitto (норв. Norske Kveners Forbund) — стремится всячески к тому, чтобы наряду с саамским языком финский язык был признан вторым языком меньшинства в Северной Норвегии. Финский язык уже преподают в школе в Шиботне *(Yykeänperä)* и в некоторых других школах. По последним данным, правительство Норвегии выделило на 1997 год 1,4 млн. крон для обучения финскому языку в качестве второго языка. Таким образом, с перерывом в 61 год финский язык возвращается в норвежские школы (3, s. 4).

Резюме и выводы

1. Первыми поселенцами в нынешней Финляндии и Карелии в послеледниковый период были племена саамов, занимавшиеся рыболовством и охотой. Прибалтийско-финские племена, превратившиеся в земледель-

цев под влиянием балтийских и германских племен, оттесняли их все больше к северу и на участки, удаленные от морского побережья.

2. Колониальный период, господствовавший в Северной Европе с начала XVI века до конца XIX века, характеризовался обширным сельскохозяйственным заселением земель саамов. Подавление коренного населения не было столь жестоким, как в заморских странах. Однако в результате наступления скандинавских и прибалтийско-финских племен, занимавшихся земледелием, саамы потеряли свои ценнейшие пастбища и рыболовные угодья. Сдвиг границы заселения был самым быстрым на морских побережьях и прилегающих к ним территориях с более благоприятными природными условиями.

3. Дальше всего на север саамы были отторжены генетическими родственниками финнами (и карелами). Распространение новопоселенцев в Финской Лапландии продолжалось до 1960-х годов.

4. Хотя движение саамов за повышение своего социального статуса началось относительно поздно, успехи в этой области достигнуты довольно большие. Так, в Норвегии, Швеции и Финляндии саамский язык можно изучать как в школе, так и в университете. В 1956 году был создан Саамский совет Северных стран, в состав которого входит по четыре члена из каждого государства. Задачей совета является защита как отдельных саамов, так и всего саамского народа. С 1986 года саамы имеют свой флаг и гимн.

5. В доисторический период на принадлежавших до того финским племенам Аландских островах появилось шведскоязычное население, откуда оно распространилось начиная с XI века и в Собственно Финляндию, на территории Нюланда и Эстерботтена (в конце XIII века). Чтобы отличить эту группу шведов от проживавших в Швеции государственных шведов, шведское население Финляндии, входившей долгое время в состав Швеции (около 650 лет), стали называть финскими шведами. Наибольшей доля шведов была в 1610 году, когда они составляли 17,5% от населения Финляндии. Численность финских шведов росла до 1940 года. В настоящее время (1994) 93,1% жителей Финляндии считает родным финский и 5,8% шведский язык. Прежде четкая языковая граница в Южной и Западной Финляндии сейчас размыта, и почти все финские шведы являются билингвами.

6. При проведении границы между Финляндией, вошедшей в 1809 году в состав России, и Швецией на шведской стороне оказалась часть сформировавшегося в ходе заселения Лапландии финского населения, которую раньше называли вестерботтенскими финнами, а сейчас называют торнионреченцами, или финским меньшинством долины реки Торнионйоки. Пока Финляндия входила в состав Швеции, в экономически целостном бассейне реки Торнионйоки пользовались только финским языком. В 1870—1920 годах была осуществлена шведификация этого населения, в результате чего был вытеснен финский язык.

7. Новые возможности использования финского языка проявились после Второй мировой войны, когда Швеция превратилась в страну иммигрантов. В настоящее время издается литература на финском языке и на диалектах и проводятся языковые курсы. Финансовая помощь для этого получена от шведского государства и местных волостей.

8. В результате заселения береговой зоны Норвежской Лапландии постоянным населением, занимавшимся сельским и рыбным хозяйством, стали финноязычные квены, к которым позднее примкнули более поздние переселенцы из шведской части долины реки Торнионйоки и северной части Финляндии. В быстром росте финноязычного населения местные власти усмотрели опасность, и поэтому их стали уже в 1870-х годах онорвеживать. В 1936 году прекратили существование финноязычная печать и финские школы. До сих пор квены не признаны коренным этническим меньшинством, но уже действуют культурные общества, издающие финские газеты; в некоторых школах начато преподавание финского языка. На 1997 год правительство выделило 1,4 млн. норвежских крон для обучения финскому языку в качестве второго языка. Таким образом, через 61-летний перерыв финский язык опять возвращается в школы Норвегии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Starck E. C.* Vähemmistö, kieli ja yhteiskunta. Porvoo — Helsinki — Juva: WSOY. 1981.

2. Befolkningen. Sveriges Nationalatlas. Stockholm: Statistika centralbyrån. 1991.

3. Folkvord frykter uthaling. Ruijan Kaiku. Norjan suomalainen lehti. Nr. 22, 15. marraskuuta / november. Tromsø: Ruijan Kveeniliitto / Norske Kveners Forbund. 1996.

4. *Herberts K.* Finlands svenskar — Nationella identiteter i Nordenett fullbordat projekt? Nord 1991:26. Eskilstuna: Nordiska rådet. 1991.

5. *Huurre M.* 9000 vuotta Suomen esihistoriaa. Helsinki: Otava. 1979.

6. *Hyvärinen H.* Saamelaisten historialliset oikeudet maahan ja veteen. Saamelaiskysymys. Suomen Antropologi 2. 1977.

7. *Hyvärinen H.* Saamelaisten asema paranee perin verkkaisesti. Helsingin Sanomat n:o 348, 22. XII, 2. 1993.

8. *Jokipii M.* Ruijan suomalaisasutuksen historian päälinjoja. Suomalaiset Jäämeren rannoilla. Finnene ved Nordishavets strender. Turku: Siirtolaisinstituutti / Migrationsinstitutet. 1982.

9. *Kitti J.* Vesialueiden rajankäynnistä ja kalastuksesta saamelaisalueella. Saamelaiskysymys. Suomen Antropologi 2,. 1977.

10. *Korkiasaari J.* Suomalaiset maailmalla. Turku: Siirtolaisuusinstituutti. 1989.

11. *Kurs O.* Tiotoja Norjan Lapista eli Ruijasta. Inkeri. Tietoa Inkeristä ja inkeriläisistä. Marraskuu. Tartto: Viron Inkerinsuomalaisten Litto. 1995.

12. Liputtamisesta Saamen lipulla Suomessa. Suomen Mieli. 1994. Me ollaan kaikki ruotsalaisia. Ruijan Kaiku. Norjan suomalainen lehti, Nr. 22, 15. marraskuuta / november. Tromso: Ruijan Kveeniliitto / Norske Kveners Forbund.

13. *Niemi E.* Den finske kolonisasjon av Nordkalotten — forløp og årsaker. Ottar. Tidskrift for Tromsø Museum. Tromsø. 1978.

14. *Massa I.* Suomalainen taloushistoria saamelaisten Lapissa. Saamelaiskysymys. Suomen Antropologi 2. 1977.

15. *Nuorgam-Poutasuo H.* Saamelainen koulukysymys. Saamelaiskysymys. Suomen Antropologi 2. 1977.

16. *Olsen V. A.* Minority or immigrants? A Survey of the situation of the Finnish population in North Norway. Ethnic Life and Minority Cultures. Edited by Karin Borevi and Ingvar Svanberg. Uppsala Multiethnic Papers 28. Uppsala University: Centre for Multiethnic Research. 1992.
17. Päätkirjoitus / Leder. Ruijan Kaiku. Norjan suomalainen lehti. Nr. 2, 20. lokakuuta/oktober. Tromsø: ruijan Kveeniliitto / Norske Kveners Forbund. 1995.
18. *Saressalo L.* Kveenit. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 638. Helsinki. 1996.
19. *Sarmela M.* Suomen maalajit ja saamen oikeudet. Saamelaiskysymys. Suomen Antropologi 2. 1977.
20. *Siikala K.* Saamenmaan autonomia. Saamelaiskysymys. Suomen Antropologi 2. 1977.
21. *Svensson T.* Samisk identitet vår tid. 1991:26. Eskilstuna: Nordiska rådet. 1991.
22. *Talve I.* Suomen kansankulttuuri. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 355. Helsinki. 1979.
23. *Turja I.* Suomen kielen hävittäminen Ruijassa. Heimoliitto. Neljännen, Helsingissä kesäkuun 16—18 päivinä pidettävän suomalais-ugrilaisen kulttuurikongressin juhlajulkaisu. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden seura. 1931.
24. Uralilaiset kansat. Tietoa suomen sukukielistä ja niiden pujujistä. Toimittanut Johanna Laakso. Porvoo — Helsinki — Juva: WSOY. 1991.
25. *Valonen N.* Vanhoja lappalais-suomalaisia kosketuksia. Summary: Early evidence for points of contact between the Lapps and the Finns. Suomen väestön esihistorialliset juuret. Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk 131. Helsinki: Finska Vetenskaps-Societeten. 1987.
26. *Wande E.* Winsa B. Attitudes and Bilingual Behaviour in the Torne Valley. The State of Minority Languages. International perspectives on survival and decline. European Studies on Multilingualism 5. 1995.
27. *Wiik K.* Põhja-Euroopa rahvaste ja keelte päritolu küsimusi. Summary. Some Problems on the Origin of North European Nations and Languages. Keel ja Kirjandus. Nr. 9. 1996.
28. *Winsa B.* Dornedalian Finnish. Contact Bulletin. Volume 13, Number 2. Baile Atha Cliath: The European Bureau for Lesser Used Languages. 1996.
29. *Vuorjoki Y.* Länsipohjan suomalaiset. Heimoliitto. Neljännen, Helsingissä kesäkuun 16—18 päivinä pidettävän suomalais-ugrilaisen kulttuurikongressin juhlajulkaisu. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 1931.

Ott Kurs

Indigenous ethnic minorities in Finland, Sweden and Norway

1. The first post-glacial inhabitants of the present Finland and Karelia were fishermen and hunters of the Sami (Lapp) tribes. Balto-Finnic tribes, which had turned into farmers under the influence of Baltic and Germanic tribes, kept pushing the Sami northwards and futher from the coast.

2. The colonial period that reigned in North Europe from the beginning of the 16 th century to the end of the 19 th century characterized by the overwhelming intrusion was not as cruel as overseas but due to the advance of Scandinavian and Balto-Finnic farmers the Sami lost their best pastures and fishing waters. The shifting of the settlement frontier was faster on coasts with more favourable natural conditions and in their bordering areas.

3. The Sami were pushed further to the north by their genetic relatives, the Finns (and Karelians). The spreading of pioneer settlement in the territory called Finnish Lapland (Lappi) continued until the 1960s.

4. Although the activities of the Sami to increase their social status started comparatively late, they have achived quite considerable success in this field. Nowadays the Nordic countries (Norway, Sweden, Finland) offer the possibility to study Sami starting from primary school up to the university level. In 1956 the Nordic Sami Council was founded, including four members from each country. Its aim is to protect the interests of Sami as individuals as a nation. In 1986 the Sami flagg and national anthem were introduced.

5. In prehistoric time, a Swedish-speaking population appeared on Aaland (Aland) that had belonged to Finnic tribes before. From the 11th century this spread onwards even to the territories of Proper Finland (Varsinais-Suomi), Nyland (Uusimaa) and Ostrobothnia (Osterbotten, Pohjanmaa) (at the end of the 13th century). The number of this ethnic group kept growing to 1940. Nowadays (1994) 93.1% of Finland's inhabitants speak Finnish as their mother tongue and 5.8% speak Swedish. The early clear language border in South and West Finland has become vague and almost all Swedish-speaking population is bilingual.

6. On drawing up the boundary betwen Finland, which became a part of Russia in 1809, and Sweden the latter received a part of the Finnish-speaking population formed during the settlement of Lapland what was earlier called Westerbothnia (Vasterbotten, Lansipohja) Finns and is curently called Tornedalians (Fin tornionlaaksolaiset, Sw den finsksprakiga minoriteten i Tornedalen). For as long as Finland belonged to Sweden (ca 650 years) only Finnish was used in the economically integral Tornedalen. From 1870 to 1920 the population was swedified and the Finnish language was pushed aside. New possibilities to use Finnish appeared after the Second World War when Sweden turned into a country of immigration. At present literature is published in Finnish and in the dialect (meankieli) and language courses are organized. Financial aid comes from the state and local municipalities.

7. On settling the coastal zone of Norway's Lapland (Fin Ruija, No Finnmarken) with a permanent agricultural and fishing population, Finnish-speaking Kvener came into being. They were joined by immigrants from the Swedish part of Tornedalen and from Finland. The fast growing Finnish-speaking population was concidered as a danger by the local authorities and they were subjected to norwegianisation from 1870 s onwards. The year 1936 was the end of publications and teaching in Finnish. The Kvener have not yet been recognized as a indigeneous ethnic minority but they already have cultural societies that publish newspapers in Finnish and the teaching of Finnish has started in some schools. By 1997 the Norwegian government had allocated 1.4 million NOK for teaching Finnish as the second language. This is how Finnish will find its way back into Norwegian schools after a 61-year break.

«Финно-угроведение», 1997, № 1.

Анатолий Куклин
Йошкар-Ола

СИСТЕМНОСТЬ И НЕСИСТЕМНОСТЬ В ТОПОНИМИИ ВОЛЖСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ*

В волжско-финских, как и в других языках Урало-Поволжья, в большинстве случаев приходится оперировать не топонимами, равными основе, а производными названиями. Причины такого положения заключаются в том, что топонимикон Поволжско-Приуральского историко-географического региона создавался из многовековых лексических напластований генетически родственных и неродственных языков. Причем субстратные апеллятивы неоднократно видоизменялись, вживаясь в структурно-грамматическую ткань языка-рецептора, и поэтому не всегда легко опознаются по денотатам.

Нельзя не вспомнить в этой связи справедливое замечание Н. В. Подольской, подчеркивавшей, что «в производных топонимах a priori установить производящую основу бывает весьма затруднительно, а часто и невозможно...» (10, с. 4). Вместе с тем необходимо отметить, что особой сложности проблемы возникают и при определении языковой принадлежности субстратных тополексем, претерпевших существенные модификации. Поэтому в этимологических изысканиях встречается немало случаев, когда апеллятивная лексика, участвующая в номинации географического объекта, расчленена на отдельные форманты, семантическую нагрузку большинства из них объяснить весьма трудно. Такая процедура не учитывает фактора системности топонимообразования и не направлена на поиски типовых топооснов и формантов.

Для семантического и фонетического анализа апеллятивной лексики субстратного характера основополагающую роль должна играть топонимическая типология, оперирующая приемами и методами компаративистики и контрастивной лингвистики, которые, сливаясь в единый механизм, нацеливаются на поиски гомогенности и гетерогенности, конгруэнтности и неконгруэнтности, эквивалентности, лакунарности и других черт в топонимии Урало-Поволжья. Причем приемы контрастивной лингвистики успешно могут быть применены при исследовании генетически связанных лексем. При этом на основе контраста можно определить диахроническое соответствие и синхроническое несоответствие и относительную хронологию его возникновения на облике и семанти-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 97–04–06388).

ческой плоскости апеллятивной лексики и других структурных элементов названия. Показателен в этом отношении, например, фонетический облик Волго-Камских гидронимов *Ега* [*йэ́га*], *Ёга* [*йо́га*] — бассейн р. Суры (3, с. 65—66), *Ёгва* [*Йог, Йогва*], приток Велвы, впадающей в Иньву; ср. Ег в Соликамск. р-не Пермск. обл. (5, с. 32), генетически восходящих к финно-угорской праформе **joke* 'река', ср. соответствия родственных языков: мар. *йогаш* 'течь, протекать', *йогын* 'течение', эрз. *Ёв* 'р. Мокша', фин. *joke- — joen* (др.-фин. *jogen*)'река', эст. *jõgi*, н.-саам. *jåkkå*, к.-зыр. *ю* 'река', удм. *ю*: *ю-шур* 'река', хант. *joγən* 'речка', манс. *jā* 'река', венг. (устаревшее, в топонимах) *jó* 'река' (9, с. 129, 136—137, 208, 403). В гидронимах Прикамья сохранился и более древний облик пермской лексемы *ю — юг* 'река'. Ср., например, гидронимы: *Западный Юг, Восточный Юг* (притоки Весляны), *Юг*, приток Тимшера; на юге Пермской области имеются две реки *Юг*, притоки Турки и Быстрого Танып; две реки с названием *Юг* встречаются в Пермском р-не (5, с. 28); речка *Юг* в Бирском уезде Уфимской губернии (15, с. 70). Как явствуют примеры, стройной картины представленности рефлексов инлаутного прафинно-угорского **k* в современных финно-угорских языках не наблюдается (16, с. 79): в одних языках он подвергся озвончению, в других — выпал вместе с конечным гласным, а в эрзянском через промежуточное *г* развился в *в*.

Вместе с тем финно-угорское **йокы* 'река' участвует в лексической деривации. Причем базой для образования сложных речных названий, т. е. гидронимов-композит, служит субстратный апеллятив уральского происхождения *с'о* с вариантами *с'и, с'ы, с'у* 'река, речка, протока', ср. ненецкое *сё* 'проток, протока; река, вытекающая из озера'. В качестве примеров можно указать речные названия *Соега* (Кологривск. уезд Костромск. губернии (14, с. 144); *Сюга́*, р., лев. приток р. Вала (Можгинск. р-н Удмуртии), *Сыга́*, р., лев. приток р. Чепца (Глазовск. р-н Удмуртии); *Сыга́*, р., лев. приток р. Пызеп (Кезск. р-н Удмуртии). Образования такого типа наполнены содержанием 'река-река' или 'проточная (речная) вода'.

Системность таких образований обнаруживается и в модифицированных топонимах, ср., например, марийский гидроним *Шшер*, приток р. Уржума, где компонент *шш* является видоизмененной на марийской почве субстратной лексемой *с'и*. Компонент *-шер*, восходящий к исходному *эгер* 'река', квалифицируется исследователями как лексический элемент уральского происхождения (2, с. 25). Ср. также мордовское название речки *Сиялей* (Инсарск. р-н Мордовии), где компонент *с'и* уральского происхождения, *я* имеет параллель в диалектах обско-угорских языков, ср. манс. *я* 'река', компонент *лей* в эрзянском языке — 'река'.

Следовательно, инновации, встречающиеся в географических названиях, обычно не меняют сколько-нибудь существенным образом общей картины системности гидронимообразования в волжско-финских языках.

В действительности же выполняемые реконструктивные операции нередко осложняются позднейшими новообразованиями, возникшими под действием диалектов флективного языка. В данном случае поиски системности и несистемности в рефлексах исходных единиц возможны лишь в результате выборки морфем флективного языка и установления закономерных фонологических корреспонденций между совокупностями диалектных вариантов архетипа. В качестве примера структурного анализа можно привести адаптированные русским языком финно-угорские, в том числе марийские и мордовские, гидронимы. Так, речные названия волжско-финских языков на русской языковой почве наращиваются флексией *а*, которая является основным средством для создания типовых русских гидронимов.

Известно, что в русском языке ни одно из существительных в единственном числе не может быть вне категории рода, в финно-угорских же языках этот морфологический признак отсутствует. Поэтому финно-угорские названия рек, вживаясь в структурно-грамматическую ткань русского языка, получают приметы родовых показателей. Причем техника грамматической адаптации имеет свои особенности и определенную системность: 1) если в конечной позиции речных названий, кроме гласного *а*, выступает любой другой гласный, то он, как правило, замещается широким *а*: *Кюржа* < мар. *Кӱржӧ*, *Пемба* < мар. *Пембе*, *Она* < мар. *Оно*, *Ронга* < мар. *Ронго*, *Чукша* < мар. *Чӱкшӧ*; 2) если гидроним оканчивается на согласный звук, то родовой показатель *а* к нему прибавляется вместе с суффиксом *-к-*, имеющим уменьшительное значение, который показывает на величину гидрообъекта: *Исюйка* < мар. *Исюй*, *Кордемка* < мар. *Кӧрдем*, *Шойка* < мар. *Шой*; *Вечерлейка (Вачарлейка)* < морд. Вечерлей (*Вачарлей*) (4, с. 49), *Каргалейка* < мокш. *карга ляй* 'Журавлиная речка, Журавлиное болото, Журавлиный овраг' (4, с. 90), *Печелейка* < эрз. *Пичелей* 'Сосновый овраг', 'речка Сосновка' (4, с. 49), *Явлейка* < морд. *яв* (от праморд. ёв) 'вода, ручей, овраг с источником' + *лей* 'овраг, речка' (4, с. 250).

Причем звуковое переоформление иноязычного гидронима на русской языковой почве может сопровождаться вставкой сложного суффикса *-ш-к(а)*, где *-ш-* — суффикс единичности, а *-к(а)* — уменьшительности: *Липша — Липшинка, Олма — Ольминка, Тумбо — Тумбинка*.

Кроме того, многие гидронимы с конечными заднеязычными *г*, *к* на русской почве наращиваются гласным *а*, расширяя тем самым круг названий с формантом *-га*, на что в свое время обратил внимание и А. И. Попов, проиллюстрировав это явление названием *Визинга*, ср. коми *Визинг* (11, с. 107).

К данной группе примыкает также древнепермское слово *юг* 'река', получившее флексию *-а* на русской языковой почве под действием фактора аналогии, ср., например, гидронимы: *Юга* — Костромск. обл.; рч. *Юга* — Кировск. обл. и другие.

Как явствуют примеры, именно в таком свете рисуется системность модификации топонимов на почве диалектов флективного языка.

В действительности реконструктивные операции семантики апеллятивной лексики, участвующей в номинации географического объекта, значительно облегчаются, если исследователь обращается к приему цепного сравнения диалектных данных родственных и неродственных контактирующих языков. Предполагается, что системность может возникнуть в результате интенсивного конвергентного процесса в ходе языковых контактов.

Сказанное можно проиллюстрировать на анализе происхождения отдельных географических названий. Так, в ойконимах-композитах Республики Марий Эл *Чашкиял* (Куженерск. р-н), *Изи Чашкаял* (Сернурск. р-н), *Чашкасола* (Новоторъяльск. р-н) выделяется компонент *чашка* 'молодая береза'. В красноуфимском говоре марийского языка в этом же значении бытует его вариант *чӓшкӓ*. Ср., например: *Чӓшкӓ — Уралын ямже, сӧрӓлже.* 'Молодая береза — очарование, прелесть Урала'.

Слово *чашка* в названиях селений, как правило, выступает в нулевой форме, т. е. без аффикса *-эр* (орфогр. *-ер*), выражающего обобщенную множественность однородных деревьев и кустарников, ср., например: *куэ* 'береза' — *куэр* 'березняк, березовая роща'; *ломбо* 'черемуха (дерево)' — *ломбер* 'черемушник, заросли черемухи'; *писте* 'липа' — *пистер* 'липняк, липовая роща'.

Любопытно в этом плане, что нулевая форма существительного в марийском языке универсальна. Поэтому грамматическое значение числа в определенном круге слов не совпадает с реальным числовым значением, например:

Адак сай шошо толын Юл ӱмбаке,
Куку мура, пеледыш пеледеш (7, с. 138).
'Опять пришла весна-красна на Волгу,
Кукушка кукует, цветок (цветы) цветет (цветут).

Ӱдыр-шамыч пеледышым погат, рвезе-влак колым кучат. 'Девчата собирают цветок (цветы), парни ловят рыбу (рыб)'. Как явствуют примеры, марийские имена существительные в нулевой форме могут выступать как в значении единственного, так и в значении множественного числа. На русский язык они обычно переводятся формой множественного числа.

Исходя из вышесказанного, следует полагать, что лексема *чашка* в названиях марийских селений выступает в значении «молодой березняк».

Между тем, интересно отметить, что в типологическом отношении идентичное явление встречается в татарском языке. Так, например, З. М. Валиуллина, ссылаясь на работу Н. К. Дмитриева «Категория числа», цитирует: «Соотношение единственного и множественного чисел в тюркских языках не то, что в русском и других европейских. Форма *таш* (т. е. камень.— *А. К.*) не есть единственное число с точки зрения русского и других языков. Это недифференцированная форма для обозначения коллективного понятия «камней вообще». Она может функционировать и по ли-

нии единственного, и по линии множественного числа. В каждом отдельном случае требуются особые синтаксические условия» (1, с. 63). В этой связи Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева приводят следующее рассуждение: «Материалы самих тюркских языков дают основание предполагать, что в глубокой древности представление о множественности было иным. В сознании древних тюрок безусловно существовали понятийные категории единичного и множественного. Эти понятийные категории были результатом жизненного опыта. Однако в языке эти различия, по-видимому, не выражались. Слово *ат* «лошадь» в представлении древних тюрок могло означать в зависимости от контекста и «лошадь» и «лошади», что в известной мере наблюдается и в современных тюркских языках» (13, с. 89).

Что касается ойконимикона Татарстана, то апеллятив *каен* 'береза' в большинстве случаев выступает как препозитивный компонент композитов, ср., например: *Каенсаз* (Муслюмовск. р-н), *Каенсар* (Атнинск., Арск., Кукморск. р-ны) (12, с. 245). В определенной части ойконимов он бытует с показателем собирательной множественности *-лык*: *Каенлык* (Актанышск., Кукморск. р-ны) (12, с. 245).

В марийском же языке апеллятивы марЛ *куэ*, марГ *куги* 'береза // березовая, -ый, -ое' в ойконимах-композитах выступают, как правило, с аффиксами *-эр* (марЛ), *-ла* (марГ): *Куэръял* — Новоторъяльск. р-н (6, с. 82), *Куэрйымал* (офиц. *Заречка-Она*) — Казанск. р-н (6, с. 44), *Куэрсола* (офиц. *Мари-Кугунур*) — Куженерск. р-н (6, с. 55); *Кугилансола* (офиц. Березово) — Еласовск. р-н (6, с. 29), *Кугилансола* (офиц. *Березово-Шимбатрово*) — Еласовск. р-н (6, с. 31).

Если говорить о специфике марийского топонимообразования, то следует отметить, что к апеллятиву *куэ* 'береза // березовая, -ый, -ое', кроме суф. *-эр*, присоединяется суф. *-ла*. Первый из них образует апеллятив, обозначающий совокупность одноименных деревьев, ср. *куэр* 'березняк, березовая роща'; второй служит для обозначения совокупности нескольких березовых урочищ, находящихся в окрестностях селения, ср. *куэрла* 'березняки'. Например: *Куэрласола* — Ронгинск. р-н (6, с. 105), *Куэрласола* (офиц. *Ашланка*) — Волжск. р-н (6, с. 16).

При этом уместно отметить, что в справочнике «Мордовская АССР. Административно-территориальное деление на 1 апреля 1977 года» (Саранск, 1977) отсутствуют названия населенных пунктов, образованных от апеллятивов эрз. *килей*, мокш. *келу* 'береза // березовый, -ая, -ое'; эрз. *килейбуло*, мокш. *келупал, келу вирь* 'березняк, березовая роща'.

Обращает на себя внимание в современной топонимии Мордовии значительное число ойконимов, образованных от русского слова *береза* и от его производных: *Березенка* (Зубово-Полянск. р-н), *Березняк, Березово* (Теньгушевск. р-н), *Березовка* (Торбеевск. р-н), *Большие Березники* (Большеберезниковск. р-н), *Малые Березники* (Ромодановск. р-н), *Заберезово, Новое Заберезово* (Краснослободск. р-н).

По количеству и разнообразию фитофорных ойконимов мордовский ономастикон явно уступает марийской системе географических названий, содержащей топонимы, образованные от наименований лиственных и хвойных пород деревьев и кустарников. Естественным следствием нарушения системности в этой лексико-семантической группе топонимов волжско-финских языков являются не столько языковые, сколько внеязыковые факторы. Прежде всего следует иметь в виду географические положения и природные условия Марий Эл и Мордовии. Как свидетельствуют историко-этнографические изыскания и физико-географические данные, коренные мордовские земли находились на западной части Окско-Донской равнины, характеризующейся густой овражно-балочной сетью, и занимали лесную зону Северо-Западной Приволжской возвышенности. Однако от некогда громадных лесных массивов к середине XIX в. сохранились лишь крупные хвойные леса в низовьях Мокши, долине Алатыря и некоторых других местах; основная часть смешанных и лиственных лесов была сильно разрежена, а в некоторых районах полностью уничтожена (8, с. 3).

Марий Эл, занимая часть бассейна среднего течения Волги, разделяется рекой на два неравновеликих природных региона — Левобережье и Правобережье, которые представляют части двух почвенно-растительных зон: темнохвойно-широколиственных лесов южной тайги и северной лесостепи. Жизнь древних мари в этих условиях заставила их с большим вниманием относиться и к самим лесным угодьям, их особенностям и богатствам. Поэтому не случайно, что в лексической системе диалектов марийского языка бытует немало слов для обозначения возраста дерева, ср. марЛ *пымыште*, марСЗ *немешты*, марГ *немешты*, *неместы*, КУ *лымыште* 'молодая липа, годная для сдирания лыка' — марЛ *писте*, серн. *пиште*, марСЗ *пишты*, марГ *писты* 'липа, старая липа'; марЛ *тырке*, КУ *тыркэ* 'молодая сосна' — марЛ *пӱнчӧ*, марГ *пӹнжы* 'сосна, старая сосна', марЛ *яктыпӱнчӧ* 'высокая стройная сосна'; марВ *пулгаж* 'молодая пихта' — марЛ *пулго* 'пихта, старая пихта' и другие.

Как явствуют примеры, характерные особенности и признаки обозначаемой реалии отображены в сознании носителей марийского языка отдельными лексемами, указывающими на противопоставленность их смыслов внутри одной предметно-тематической группы. В этом отношении марийский язык иллюстрирует не только особенность и богатство своего словарного состава, но и «предопределенность системных семантических связей слов внеязыковыми факторами (связь самих предметов, явлений, понятий объективного мира)» (17, с. 12).

Исходя из сказанного выше, естественно можно прийти к выводу, что поиски системности и несистемности в топонимии волжско-финских языков, изучение типологии фонетической и грамматической адаптации субстратных тополексем, участвующих в номинации географических объектов, и определение инноваций в способах их проведения представляют

определенный интерес как для теоретической топономастики, так и контрастивной лингвистики и компаративистики. Исследовательская практика неопровержимо свидетельствует и о том, что, фиксируя соответствия сравниваемых лингвогеографических фактов языков народов Волго-Камья, в большей или меньшей степени можно подготовить топонимические данные к их содержательному истолкованию и теоретическому осмыслению системности и несистемности в топонимообразовании уральских языков.

Сокращения: *венг.*— венгерский язык; *д.*— деревня; *др.-фин.*— древнефинский язык; *к.-зыр.*— коми-зырянский язык; *КУ* — красноуфимский говор восточного наречия марийского языка; *лев.*—левый; *манс.*— мансийский язык; *мар.*— марийский язык; *марВ* — восточное наречие марийского языка; *марГ* — горное наречие марийского языка; *марЛ* — луговое наречие марийского языка; *марСЗ* — северо-западное наречие марийского языка; *мокш.*— мокшанский язык; *морд.*— мордовские языки; *н.-саам.*— норвежско-саамский диалект саамского языка; *обл.*— область; *офиц.*— официальное название; *р.*— река; *рч.*— речка; *серн.*— сернурский подговор лугового наречия марийского языка; *ср.*— сравни; *суф.*— суффикс; *удм.*— удмуртский язык; *фин.*— финский язык; *хант.*— хантыйский язык; *эрз.*— эрзянский язык; *эст.*— эстонский язык.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Валиуллина З. М.* Сопоставительная грамматика русского и татарского языков: Словообразование и морфология. Казань, 1983.
2. *Галкин И. С.* Марий исторический лексикологий: Тунемме книга. Йошкар-Ола, 1986.
3. *Зимин П. В., Ерёмин Г. В.* Реки Пензенской области. Саратов, 1989.
4. *Инжеватов И. К.* Топонимический словарь Мордовской АССР: Названия населенных пунктов. 2-е изд., дополн. и испр. Саранск, 1987.
5. *Кривощекова-Гантман А. С.* Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в Прикамье // Географические названия Прикамья. Пермь, 1968.
6. Марийская АССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1952 года. Йошкар-Ола, 1952.
7. *Матюковский Г. И.* Физика ден лирика // Марий литература: X класслан хрестоматий: Кокымшо тӧрлатыме да ешарыме изданий. Йошкар-Ола, 1975.
8. Мордва. Историко-этнографические очерки. Саранск, 1981.
9. Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. Москва, 1974.
10. *Подольская Н. В.* Типовые восточнославянские топоосновы (Словообразовательный анализ). Москва, 1983.
11. *Попов А. И.* Географические названия (введение в топонимику). Москва — Ленинград, 1965.
12. Республика Татарстан. Административно-территориальное деление на 1 января 1992 года. Казань, 1992.
13. *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Учеб. пособие для вузов. Баку, 1979.
14. Списокъ населенныхъ мѣстъ Костромской губерніи (По свѣдѣніямъ 1907 года). Кострома, 1908.
15. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1870 года. XLV. Уфимская губернія. Санктпетербургъ, 1877.
16. Финно-волжская языковая общность. Москва, 1989.
17. *Фомина М. И.* Современный русский язык. Лексикология: Учеб. для филол. спец. вузов. 3-е изд., испр. и доп. Москва, 1990.

Anatoliy Kuklin

Systematics and Unsystematics in toponymy of Volgo-Finnic

The toponymical fund of historic-geographical region on area between Volga and the Urals has been made of the century-old deposition of the genetically related and unrelated languages. It being known that substrate appellatives have been often modified, getting used to structural-grammatical material of the language-receptor, that's why they are not always easily recognized by denotations. By this reason reconsructive operations of the initial semantics and primary phonetic aspect of the appellative vocabulary must lean up the toponymical topology, operating with methods and ways of comparative analysis and contrasting linguistics. The archetype's renewal becomes often complicated by the latest neologisms, appeared under the action of dialects of the inflected language. In this case the search for systematics and unsystematics in reflexes of initial units is possible only in the result of selection of the inflected language's morphemes and establishment of regular phonological correspondence between the aggregates of the archetype's dialectal variants.

Reconstructive operations of appellative vocabulary's semantics, participating in the nomination of geographical object, become considerably easy if the investigator addresses the method of chain comparison of dialectal data in the related and unrelated languages in contact.

«Финно-угроведение», 1997, № 1.

СООБЩЕНИЯ

Геннадий Тужаров
Йошкар-Ола

ИМЕЕТ ЛИ МАРИЙСКОЕ *ВЕС ИЙЫН* СТАТУС НАРЕЧИЯ?

В учебном пособии для проведения факультативных занятий в школе «Марий йылме» (7, с. 112) *вес ийын* 'в следующем году' З. В. Учаев квалифицирует как наречие. Однако возникает вопрос: правомерно ли считать в марийском языке *вес ийын* наречием?

Проблема словоформ с формантом *-н (-ын, -ӹн)* в марийском языкознании является одной из самых сложных и освещается весьма противоречиво. При ее исследовании авторами в полной мере не учитываются структурно-семантический принцип лингвистического анализа, категориальные значения, грамматические признаки частей речи, теория словообразования и словоизменения в финно-угорских языках. В канонизированной научной и школьной грамматиках, в научных трудах по марийскому языку словоформы с показателем *-н (-ын, -ӹн)* делятся на две большие группы: первая группа — это именные словоформы в генитиве (или в родительном падеже), вторая группа — это наречия (1, с. 29—72; 2, с. 793—863; 3, с. 271—287; 4 с. 39—57; 5, с. 138; 6, с. 61—64; 7, с. 111—128; 8; 9, с. 13—14; 10). В финно-угроведении существует еще третья точка зрения. М. Кастрен и Ю. Вихманн в марийском языке безоговорочно признавали статус-кво инструктива (инструктив орудный) (11, с. 14; 12, с. 113).

В данной статье дается краткий анализ словоформ с *н*-овым показателем второй группы, выражающих темпоральные отношения: *вес ийын* 'в следующем году', *9 Майын* '9 Мая', *Кугечын* 'в Пасху', *Кугу Кугарнян* 'в Великий Пяток'.

Следует сразу оговориться, что выводы и положения в указанной и другой литературе о данных лексемах во многих случаях вызывают возражения, требуют иного научного и лингво-методического подхода при их анализе. Безоговорочное отнесение всех словоформ второй группы к наречиям не представляется бесспорным. Если объективно проанализируем указанные словоформы, то мы убедимся, что многие из них в своей семантике сохраняют компонент предмета (грамматического), предметности. А это категориальное значение имени существительного. Отмечен-

ной семантической природой анализируемых словоформ объясняется то, что они могут обозначать обладаемое в посессивной конструкции. Обладаемым, как известно, может быть только предмет, выраженный именем существительным, а не наречием. Словоформы с *н*-овым показателем, как и другие имена существительные, могут оформляться формантами посессивности. Они могут иметь определения, выраженные именами прилагательными, именами существительными, причастиями, числительными, местоимениями и т. д., а также могут выступать вместо синонимических послеложных конструкций. Имеет место корреляция числовых противопоставлений, главным образом в диалектах и в горномарийском литературном языке. Примеры: Л. *Йывукын шочмо ийынже олаш толна* 'В год рождения Ивана мы приехали в город'. *У ийын толеш* 'Приедет в Новый год'. *Вес ийын толеш* 'Приедет в следующем году'. *Сеҥымаш кечын толеш* 'Приедет в День Победы'. *Кугече кечын кайыкат пыжашым ок опто* (Марий Эл, 1996, 3 апреля) 'В Пасху и птица не вьет гнездо'. Притяжательный суффикс в словоформе может занимать разные позиции: *Шочмо кечынет, шочмо кечетын* 'В твой день рождения'; Г. ... *автор война паштек сирен да остатка ивлӓн пӹтарен* (Матюковский 1981:2) '... автор писал после войны и закончил в последние годы'. *Тӹ кечывлӓн тӹды мӹланем эче лишылрак, туарак ли...* (16, с. 33) 'В те дни он мне стал еще ближе, более родным'; Сз. *Пӹтӓртӹш кецӹ-шӓцӹн толедӓ* 'В последние дни приходит'. Если словоформы с *н*-овым показателем являются собственными именами, то они пишутся с прописной буквы. Л. *Вес ийлан шкеак ӱжын гынат, Кугечын тушко пурен омыл* (Марий Эл, 13 апреля 1996 г.) 'Хотя в следующем году сама пригласила, в Пасху я к ним не заходил. *Кугу Кугарня, але Тӱвыт Кугарня* (Марий Эл, 13 апреля 1996 г.) 'Великий Пяток' — *Кугу Кугарнян, але Тӱвыт Кугарнян* (Г. Т.) 'в Великий Пяток'. *1 Май* '1 Мая' — *1 Майын* '1 Мая'. *9 Май* '9 Мая' — *9 Майын* '9 Мая'. *8 Март* '8 Марта' — *8 Мартын* '8 Марта'. *1-ше Кугарня (Чыве пазар)* (Марий Эл, 13 апреля 1996 г.) '1-я Пятница' — *1-ше Кугарнян (Чыве пазарын)* (Г. Т.) 'в 1-ю Пятницу'. Сз.: *Ме Пӧтрэнгецӹн толна* 'Мы приехали в Петров день'. *Кугецӹ* 'Пасха' — *Кугецӹн* 'в Пасху'. *Ильӓнгецӹ* 'Ильин день' — *Ильӓнгецӹн* 'в Ильин день'. *Шартйал* 'Святки' — *Шартйалын* 'в Святки'. *Ӱарньӓ* 'Масленица' — *Ӱарньӓн* 'в Масленицу'. *Кугу Шацмы* 'Великий Понедельник' — *Кугу Шацмын* 'в Великий Понедельник'. *Кугу Ку°шку°жмо** 'Великий Вторник' — *Кугу Ку°шку°жмын* 'в Великий Вторник'. *Кугу Вӱ°ргецӹ*** 'Великая Среда' — *Кугу Вӱ°ргецӹн* 'в Великую Среду'. *Кугу Изӓрньӓ* 'Великий Четверток' — *Кугу Изӓрньӓн* 'в Великий Четверток'. *Кугу Кугарньа* 'Великий Пяток' — *Кугу Кугарньан* 'в Великий Пяток'. *Кугу Шу°мат* 'Великая Суббота' — *Кугу Шу°матын* 'в Великую Субботу'. *Изиви рӱшӓрньӓ* 'Вербное воскресенье' — *Изиви рӱшӓрньӓн* 'в Вербное воскресенье'.

* Буква у° обозначает звук, средний между о, у.

** Буква ӱ° обозначает звук, средний между ӧ, ӱ.

Как видно из приведенных примеров, словоформы с показателем *-ш (-ыш, -ӹш)*, указывающие на темпоральные отношения, употребляются в том числе и для выражения названий дней, месяцев, различных дат, исторических, общенародных, общегражданских, религиозных и т. д. праздников и событий в жизни общества, моментов, отрезков времени, периодов отдельных процессов, явлений и фактов окружающей нас действительности. Это имена существительные, не наречия. На наш взгляд, нельзя отнести *шочмыш* 'в понедельник', *кушкыжмыш* 'во вторник', *вӹргечыш* 'в среду', *изарнян* 'в четверг', *кугарнян* 'в пятницу', *шуматкечыш* 'в субботу', *рушарнян* 'в воскресенье' к наречиям. Наречия пишутся только со строчной буквы. Данные же словоформы могут быть написаны и с прописной буквы, если они в предложении являются собственными именами.

О том, что рассматриваемые словоформы с формантом *-ш (-ыш, -ӹш)* являются именами существительными, говорят и следующие факты. В марийском языке все падежные именные словоформы являются многозначными, полифункциональными. Например, дательный падеж имеет 23 функции (13, с. 82—87). Имеются случаи, когда одинаковые или тождественные падежные функции (синтаксические отношения) выполняются именами существительными в разных падежных формах. Так образуются синонимические падежные формы с одинаковыми или близкими синтаксическими значениями. Без учета этих перекрещивающихся связей всякое исследование, как отмечает С. Д. Кацнельсон, будет по необходимости субъективным и обедненным (14, с. 43). В этом случае необъективно и неверно решается вопрос о парадигматической границе слов, т. е. вопрос о том, являются ли те или иные единицы словоформами, входящими в парадигму склонения, или же они образуют самостоятельные слова, наречия. Из-за нерешенности последних вопросов в марийском языкознании и научной грамматике противоречиво решается вопрос о многих словоформах с *ш*-овым показателем. Например, темпоральные отношения выражаются формой дательного падежа: *Тиде шужымо ийлан* (Д. п.) *лийыш* (17, с. 157) 'Это случилось в голодный год'. Темпоральные отношения регулярно выражаются также формами местного, обстоятельственного, направительного, именительного падежей: Г. *Земля, попат, миллион ивлӓ* (И. п.) *ӹла* (18, с. 40) 'Земля, говорят, существует миллионы лет'. Л. ... *1981 ийыште* (М. п.) *кусарыме* (19, с. 40) '... в 1981 году переведено'. *Тарвата кугу сӹаным май тылзеш* (О. п.) (Вишневский 1949:107) 'Готовит большую свадьбу к маю'. А *вес ийыш* 'в следующем году' исследователями и авторами необоснованно квалифицируется как наречие. Однако словосочетание *вес ийыш* для выражения темпоральных отношений может употребляться в именительном, дательном, местном ... падежах. Выполняя другие падежные функции, оно может принять формы иных падежей, например, винительного. Следовательно, *вес ийыш* склоняется по падежам. Наречие — это неизменяемая часть речи. Разберем еще два предложения:

1. ... *кенгеж рӱдыштӧ южгунам игече икапште ваштал кая* (20, с. 5) '... в середине лета погода иногда сразу изменяется'. 2. *Кенгеж рӱдын Йошкар-Олашке Ленинград гыч Военно-воздушный академий эвакуироватлалте* (20, с. 13) 'В середине лета в Йошкар-Олу из Ленинграда эвакуировалась Военно-воздушная академия'. Если в первом предложении словоформа *рӱдыштӧ* 'в середине' является именем существительным в форме местного падежа, то и во втором предложении словоформа *рӱдын* 'в середине' может быть квалифицирована только как имя существительное в форме родительного падежа. *Рӱдыштӧ* и *рӱдын* — это синонимические падежные формы имени существительного, выражающие темпоральные отношения.

Итак, анализ семантических, морфолого-синтаксических и орфографических особенностей анализируемых словоформ позволяет нам сделать вывод, что *вес ийын* 'в следующем году' неправомерно квалифицировано как наречие. *Ийын* — это имя существительное, *вес* — местоимение. В словосочетаниях *Кугу Кугарнян (Тӱвыт Кугарнян)* 'в Великий Пяток' и т. д. *Кугарнян* является именем существительным в форме родительного падежа. Но некоторые рассматриваемые словоформы амбивалентно могут употребляться и как наречия: *Кечын мемнан деке толеш* 'Ежедневно приходит к нам'.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Пенгитов Н. Т.* Имя существительное // Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола, 1961.
2. *Саваткова А. А., Учаев З. В.* Краткий грамматический очерк марийского языка // Марийско-русский словарь (Отв. ред. Б. А. Серебренников.) М., 1956.
3. *Учаев З. В.* Наречие // Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола, 1961.
4. *Галкин И. С.* Историческая грамматика марийского языка. Йошкар-Ола, 1964. Ч. I.
5. *Галкин И. С.* Историческая грамматика марийского языка. Йошкар-Ола, 1966. Ч. II.
6. *Учаев З. В.* Марий йылме. Йошкар-Ола, 1982. Ч. I.
7. *Учаев З. В.* Марий йылме. Йошкар-Ола, 1985. Ч. II.
8. *Учаев З. В.* Марий йылме: Теорий: 5—9 класслан учебник. Йошкар-Ола, 1993.
9. *Лаврентьев Г. И.* Состав слова и словообразование в современном марийском языке. Йошкар-Ола, 1984.
10. *Kangasmaa-Minn E.* The syntactical Distribution of the Cheremis Genitive. Helsinki, 1966.
11. *Castrén M.* Elementa grammaticae tscheremissae. Kuopio, 1845.
12. *Wichmann Y.* Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichnis und grammatikalischem Abriss. Helsingfors, 1923.
13. *Тужаров Г. М.* Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола, 1987.
14. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
15. *Матюковский Г.* Сынгымашын корны дон. Йошкар-Ола, 1986.
16. Шошым. Повестьвлӓ, пьеса. Йошкар-Ола, 1981.
17. *Шабдар О.* Мурпого. Йошкар-Ола, 1988.
18. *Ильяков Н.* Эдемвлӓ дӓ ивлӓ 1. Йошкар-Ола, 1957.

19. Сылнымут памаш. Йошкар-Ола, 1982.
20. *Васин К., Новоселов П.* Дымковын подвигше: Повесть. Йошкар-Ола, 1985.

Gennadiy Tuzharov

Has the Mari "ves ijyn" the status of an adverb?

The problem of wordformation with the formative suffix -н (-ын, ӹн) in Mari linguistics is the most complicated problem and it is interpreted in highly contradictory way. In the article the author gives the brief analysis of wordformation with н-index, which expresses temporal relations. In school supplies for optional subject by Uchaev Z.V. the ves ijyn - "next year" is qualified as the adverb. The author of the article investigated lexico-semantic, morphologo-syntactical and orthographical peculiarities and made the conclusion that the element ijyn is the noun in possessive case, ves is the pronoun in the syntactical function of an attribute.

«Финно-угроведение», 1997, № 1.

Лидия Москвина
Йошкар-Ола

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЖЕНЩИН-МАРИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Одним из направлений развития просвещения в России во второй половине XIX века явилось привлечение женщин к педагогическому труду в народных школах, что вызвало необходимость создания сети женских учебных заведений по подготовке учительниц: педагогических институтов, женских гимназий и семинарий, женских курсов и педагогических классов, женских училищ и школ, институтов благородных девиц и других типов учебных заведений.

До второй половины XIX века педагогическая деятельность женщин в России в целом ограничивалась лишь службой в качестве домашних учительниц и воспитательниц. А с 1911 года, несмотря на то, что женщины-педагоги были формально уравнены с педагогами-мужчинами при получении высшего образования, лишь в исключительных случаях им удавалось получить такое образование, например, в университете (1, с. 97). Для представительниц же «инородцев» законами царского правительства вообще не предусматривалась такая возможность. «Потолком» для них являлось среднее образование.

Марийская национальная интеллигенция в дооктябрьский период также была представлена, главным образом, мужчинами. В ряды интеллигенции попадали, конечно, и женщины, но, в силу ряда причин, они не смогли сыграть такую роль, какую сыграли мужчины в деле просветительства и национального движения в Марийском крае.

Марийцы в начале XX века относились к группе народов, не имеющих «своего» господствующего класса. Это был народ с неполной социальной структурой, т. е. были крестьяне-мари, помещиков-мари не было. Для народов такой группы на начальных этапах национального движения были характерны лозунги культурно-языкового характера, у народов же с полной социальной структурой, как правило, были политические требования (2, с. 290). И если у последних на формирование их национального самосознания оказывали воздействие господствующие классы, то у народов с неполной социальной структурой ведущей силой национального движения становится интеллигенция разночинского толка, которая по положению и образу мышления была связана в первую очередь с крестьянством. Для ее мировоззрения была характерна просветительская кон-

цепция исторического развития. Представители марийской интеллигенции, в том числе и женской, будучи выходцами из крестьян, являлись носителями крестьянской психологии. Они пополнили ряды гуманитарной интеллигенции (учителей, священников, немногочисленных деятелей искусства), которая и составляла большинство «мелких» народов Поволжья и, в отличие от технической интеллигенции, обеспечивали в первую очередь «гуманитаризацию общества» и были «менее связаны с делами государственного управления» (3, с. 390—391).

Одним из основных учебных заведений, занимавшихся подготовкой национальных кадров из женщин в Поволжье, была в конце XIX — начале XX вв. Казанская губернская земская женская учительская школа, где обучались и девушки-мари. Она была «школой для образования народных учительниц» и была открыта в 1871 году на средства Казанского губернского земства.

Первые воспитанницы этого заведения по сословному происхождению (приводим данные 1873 г.) были из дворян (5 чел.), мещан (11 чел.), военного звания (3 чел.), духовного звания (11 чел.), крестьян (31 чел.), из Сиротского дома (6 чел.), а всего обучалось 60 человек (4, л. 3). По тому, кто оплачивал учебу, выделялось несколько категорий обучающихся: а) «своекоштные» пансионерки, т. е. сами платили за учебу, б) вольноприходящие, в) уездные стипендиатки. Плата «своекоштных» воспитанниц за учебу составляла 120 рублей в год; с 1895 года плата пансионерок из других губерний была увеличена до 160 рублей. Содержание одной воспитанницы школы в течение всего периода обучения обходилось земству в 670 рублей (5, л. 89).

В учительской школе изучались следующие предметы: закон божий, методика, русский язык и церковнославянское чтение с переводом на русский язык, арифметика, начальные понятия о геометрии, география, наглядное объяснение явлений природы, история, «практические занятия по обучению» (в современном понимании: педагогическая практика, для чего при школе существовало одноклассное начальное училище), церковное пение и пение русских народных песен, рукоделие и домоводство, огородничество, башмачное дело и т. д. Изучались «инородческие» языки.

Обратимся к списку девушек, принятых в учительскую школу в разные годы. Уже в 70-е годы XIX в. в нем встречаются имена девушек-мари: Евдокии Андреевой и Надежды Матвеевой из Козьмодемьянского уезда. В 80-е годы в школе учились Евдокия Колиброва, Марфа Кириллова, Агапия Алексеева (6, л. 171), Прасковья Филиппова, Марья Халапсина (6, оп. 1, д. 61, л. 1, 31), Дарья Ильина, которая вынуждена была оставить учебу по состоянию здоровья (6, оп. 1, д. 98, б.н.л.) — из Козьмодемьянского уезда; стипендиатками Царевококшайского уездного земства в эти годы были Анна Изибаева (6, оп. 1, д. 61, л. 1), Феодора Смирнова (6, оп. 1, д. 160, л. 14). Выпускницей Казанской женской земской учительской школы была также Прасковья Гурьянова (6, оп. 1, д. 162, л. 2). Именно в этом учебном заведении получили образование стипендиатки Сиротско-

го дома Феодосья Иванова (6, оп. 1, д. 99, л. 73) и Валентина Яковлева (Ишпайкина) (6, оп. 1, д. 195, л. 30). В начале 90-х годов XIX в. обучались в нем Марья Андреева, Агафия Николаева и Екатерина Саракеева — все трое из Козьмодемьянского уезда (6, оп. 1, д. 76, л. 47). В начале XX в. в учительскую школу были приняты марийки: дочь солдата Анфия Васильева, дочь крестьянина Татьяна Атлашкина и дочь дьякона Софья Ласточкина (6, оп. 1, д. 188, л. 133), Анна Кашутина и Лариса Гурьянова были зачислены в число воспитанниц учительской школы накануне Октября 1917 года, в это же время учились Анна Дмитриева и Антонина Кушакова из Царевококшайского уезда (6, оп. 1, д. 166, л. 33).

Среди воспитанниц были и девушки смешанного происхождения (отец — мари, мать — русская): Ольга Васильева из Царевококшайского уезда, Клавдия Королева — из Казанского уезда, Валентина Афанасьева — из Козьмодемьянского уезда (6, оп. 1, д. 188, л. 18). К сожалению, в отдельные годы в документах указывалось только количество обучавшихся в школе «инородок», поэтому назвать некоторые фамилии не представляется возможным. Девушки-мари, как правило, происходили из малообеспеченных семей (в основном это были дети крестьян, священников, учителей или же сироты), поэтому они получали уездные стипендии. Они, как и все другие воспитанницы, обязаны были привозить в школу определенное количество продуктов, сезонную одежду, обувь и т. д.

Воспитанниц готовили к работе в «инородческой» среде, поэтому необходимо было хорошее знание языка этой среды. В 1876/77 учебном году в расписание уроков учительской школы были включены «инородческие» языки: для воспитанниц III и IV классов — чувашский и марийский (черемисский) языки. Русские же девушки по выбору изучали один из «инородческих» языков губернии (7, оп. 1, д. 166, с. 35). Для обучения марийскому языку (луговому наречию — по 3 часа в неделю) в 1877 году был приглашен священник Богородицкого женского монастыря Федор Иванович Васильев (6, оп. 1, д. 21, л. 7). В 1885 году был принят новый преподаватель марийского языка — из начального народного училища при Казанской «инородческой» учительской семинарии Тимофей Семенов, поскольку прежний преподаватель, ввиду большой занятости, не мог регулярно посещать школу. А в 1891 году на освободившуюся должность преподавателя марийского языка получил приглашение Тихон Ефремов, из той же начальной школы (6, оп. 1, д. 99, л. 74). Вскоре Т. Ефремов переменил место жительства и на его место был приглашен слушатель миссионерских курсов при Казанской духовной академии Емельян Григорьевич Хлебников (6, оп. 1, д. 166, л. 48). Все вышеназванные преподаватели свободно владели родным марийским языком и вложили немало труда в подготовку национальной интеллигенции из женщин, которые пополняли ряды деревенской интеллигенции, «отличавшейся от крестьянской массы только бóльшими духовными запросами ...» (8, с. 12).

В 1907 году в попечительный совет Казанской женской земской учительской школы поступило прошение от В. М. Васильева, окончившего курс

Казанской духовной семинарии (впоследствии он закончил Казанский университет), о приеме его на работу в качестве преподавателя марийского языка (6, оп. 1, д. 241, б.н.л.). В этот же день, 20 сентября 1907 года, поступило еще одно заявление о приеме на работу на эту должность — от Петра Михайловича Кунаева (там же), учителя начального народного училища при Казанской «инородческой» учительской семинарии. В отношении первого претендента поступила рекомендация от Н. Ф. Катанова (там же), председателя переводческой комиссии при Казанском учебном округе, где он характеризует В. М. Васильева как «человека очень опытного и знающего и русский, и черемисский языки». Именно он и был назначен на должность преподавателя марийского языка (там же). В. М. Васильев в то время был одним из издателей «Марийского календаря» («Марла календарь»), поэтому он сыграл большую роль в деле распространения календаря среди воспитанниц, приобщения их к чтению литературы на родном языке, привития уважения к национальной культуре. В. М. Васильева волновало состояние преподавания марийского языка в школе, вопросы методики обучения в «инородческой» школе. Его точку зрения разделял и преподаватель чувашского языка Н. В. Никольский (6, оп. 1, д. 348, б.н.л.). На экзаменах по марийскому языку в качестве ассистента иногда присутствовал И. Н. Коведяев (6, оп. 1, д. 279, б.н.л.). Если во многих учебных заведениях, где обучались дети мари, занятия по марийскому языку чаще всего вели преподаватели, знающие язык этого народа, то в Казанской же земской женской школе, как правило, занятия вели «природные марийцы».

Девушки-мари, кроме Казанской земской женской учительской школы, звание учителя могли получить и на педагогических курсах при различных учебных заведениях. Так, трехгодичные педагогические курсы при Бирском двухклассном женском училище окончила Александра Айдарова, дочь рядового в запасе; Елизавета Николаевна Меньшикова выдержала экзамен на педагогическом совете Уфимской мужской гимназии. От Бирского уездного училищного совета свидетельство о звании учителя получила Мария Аюпова из Бирского уезда (9, л. 1). Звания «учительницы начальных инородческих для черемис-язычников» училищным испытательным комитетом Оренбургского учебного округа была удостоена Шамыкова Марфа Шамыковна (9, оп. 3, д. 187, л. 10). Сакива Сайпетинова окончила Бирскую женскую гимназию с серебряной медалью (9, оп. 1, д. 31, л. 10) и получила звание домашней наставницы. Звание домашней наставницы получали только те выпускницы женских гимназий, которые заканчивали ее с золотой или серебряной медалью. Учительница Иргибаева Мечук (Мария) окончила Арлановское двухклассное инородческое училище (9, оп. 2, д. 225, л. 2).

Иванаева Татьяна Петровна получила среднее образование в Вятском епархиальном училище (10, л. 1). Она родилась в д. Конганур Уржумского уезда Вятской губернии, в семье крестьянина-марийца. В епархиальное училище она попала в числе «завербованных девочек», взятых с целью подготовки учительниц для миссионерских и церковно-приходских школ. Тать-

яна Иванаева, проработав 14 лет в школе (чего требовали условия приема), поступила в Вятский учительский институт (правда, уже в 1918 году, а учиться по семейным обстоятельствам стала с 1919 года). Будучи студенткой, она принимала активное участие в деле просвещения марийского народа: ее не раз приглашали на уездные съезды учителей с лекциями. Обучаясь на отделении биологии, она посещала научные кружки по изучению марийского языка, а также музыкальной культуры марийского и удмуртского народов. На младших курсах института она стала супругой известного марийского просветителя П. П. Глезденева, работавшего заведующим инородческим образованием в Вятском губернском земстве, одновременно являвшегося преподавателем, ведущим научный кружок по «Исследованию родного языка» и художественный кружок по «Изучению народного творчества в области музыки и пения народов мари и удмурт» (11, л. 19). Вятский учительский институт, открытый в 1914 году, внес большой вклад в подготовку кадров из нерусских народов, в том числе мари.

Важную роль в подготовке кадров из мари сыграла Царевококшайская русско-черемисская учительская семинария, открытая накануне Октября 1917 года. Семинария была смешанная: на учебу принимались как юноши, так и девушки. Большую роль в открытии данного учебного заведения сыграл его директор Леонид Яковлевич Мендияров, горячий сторонник просвещения народа мари, глубокий знаток его интересов и нужд. В семинарию приезжало немало девушек из самых дальних сел, преодолевая 60—150 верст лесных дорог пешком, «с коркой черного хлеба». Поступающие шли из Козьмодемьянского, Уржумского, Яранского уездов. Часто прибывали с опозданием на занятия (в октябре 1917 года с опозданием на учебу прибыли из глухого уголка Царевококшайского уезда — Шиньшинской волости, за 145 верст — Мария Борисова, Александра Петрова и Анна Бирюкова). Но Л. Я. Мендияров, видя огромное желание девушек учиться, принимал их в число воспитанниц, порой даже без экзамена. Из представителей национальной интеллигенции в семинарии работали законоучитель, священник о. Максим Филимонович Токмурзин, получивший образование в Казанской духовной семинарии, и учитель пения дьякон Байнов Роман Тимофеевич, окончивший курс Петроградского регентского училища. Преподавателем марийского языка работал директор семинарии Л. Я. Мендияров. Он имел звание учителя высшего начального училища. В разное время он работал губернским заведующим внешкольным образованием, уездным школьным инспектором, инспектором народных училищ (12, л. 18). В целом семинария следовала прежде всего культурно-просветительским интересам марийского населения.

Необходимо отметить и другие направления женского образования мари. Можно привести факты получения художественного и медицинского образования. Правда, их очень мало. Вот некоторые из них. До Октября 1917 года удалось получить специальное образование первой женщине-художнице из мари Елизавете Дмитриевне Атлашкиной. В 1909 году она окончила Пензенское художественное училище, училась у преподавателя

К. Савицкого (13, с. 62). Вольнослушательницей Казанской художественной школы с 1912 по 1914 гг. была уроженка марийского села Микряково Козьмодемьянского уезда Прасковья Павловна Патрасова (15, с. 85).

Девушки-мари получали среднее медицинское образование по специальности «фельдшер-акушер» (врачей не было). Например, Козьмодемьянская уездная земская управа направила на учебу в Казанскую фельдшерско-акушерскую школу свою стипендиатку, «крестьянскую девицу-черемиску д. Парастаево Степаниду Сергеевну Елисееву» (15, л. 14). Уездным собранием была учреждена стипендия в размере 200 рублей с целью иметь для инородческого населения уезда фельдшериц-акушерок из этой же среды.

Следует отметить, этими учебными заведениями не ограничивается список учреждений, в которых получали образование женщины-мари.

Документы свидетельствуют о том, что на рубеже XIX—XX веков заметно возрастает стремление к получению образования среди марийских женщин (16, л. 55). Этому способствовала и печать на родном языке, которая пропагандировала знания и культивировала стремление к просвещенности. Сведения об учебных заведениях, куда могли поступить марийцы, в том числе девушки-мари, можно было найти в «Марийском календаре» (1907—1913 гг.), издававшемся в Казани, газете «Война увер» («Военные вести») 1915—1917 гг. (г. Вятка), газете «Ӱжара» («Заря»), распространителями которых были представители марийской национальной интеллигенции, в основном учителя и священники.

Итак, основную часть образованной женской интеллигенции до Октября 1917 года составляли учителя, к 1917 году уже сложилась система подготовки женщин-педагогов из «инородческой» среды. Вопросы дальнейшего развития этой системы, а также подготовки специалистов и по другим направлениям были поставлены на I Всероссийском съезде мари в г. Бирске в июле 1917 года (17, с. 42), на I губернском съезде мари в слободе Кукарке Вятской губернии в сентябре 1917 года (18, с. 7—15), которые сыграли немалую роль в движении марийского народа к образованности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Паначин Ф. Г.* Педагогическое образование в России: (историко-педагогические очерки). М., Педагогика, 1979.

2. Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в.—1849 г. М., Наука, 1980.

3. *Тагиров И. Р., Валеев Р. К.* Общественно-политическая жизнь в I четв. XX века // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.

4. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 10.

5. Двадцатипятилетие Казанской земской школы для образования народных учительниц. 1871—1896. Историческая записка. Сост. А. Ершов. Издание Казанского губернского земства. Казань, 1897.

6. НА РТ. Ф. 331. Оп. 1. Д. 52.

7. *Абрамов В. Ф.* Земская школа в Казанской губернии // Из истории развития народного образования и просветительства в Среднем Поволжье. Йошкар-Ола, 1993.

8. *Попов Н. С.* Характерные черты духовной культуры крестьян Марийского края во второй половине XIX — начале XX века // Марийский археографический вестник. 1995. № 5.
9. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). И-223. Оп. 2. Д. 18.
10. Автобиография Глезденевой Т. П. // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 512.
11. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 217. Оп. 6. Д. 17.
12. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Р-304. Оп. 1. Д. 6.
13. *Товаров-Кошкин Б. Ф., Червонная С. М.* Художники Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1978.
14. *Кудрявцев В. Г.* Марийская графика периода революции // Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып. 7. Основные тенденции развития марийского фольклора и искусства. Йошкар-Ола, 1989.
15. ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 174.
16. НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 474.
17. ГА РМЭ. Р-24П. Оп. 1. Д. 2.
18. Вопросы народного образования на I губернском съезде мари, бывшем в слободе Кукарке Вятской губернии с 12 по 14 сентября 1917 г. Отчет из № 43 газеты «Кукарская жизнь» от 21 сентября 1917 г. Кукарка. Типография Д. Д. Якимова. 1917.

Lidiya Moskvina

Some issues of Mari women's education at the end of the XIX th — the beginning of the XX th centuries

The documents testify to the fact that on the boundary of the XIX th and XX th centuries striving for getting education grew appreciably among Mari women. It was press in the language that promoted it, what propagandazed knowledge and striving for culture. Information about educational institutions which Maris (girls among them) could enter, one could find in the "Mariyskiy kalendarj" ("Mari calendar" 1907-1913) publshed in Kazan, in the newspapers "Voyna uver" ("War news") 1915-1917 (Vyatka town), "Yuzhara" ("Dawn"), the distributers of which were representatives of the national intelligensia.

By 1917 the system was formed of training women-teachers out of "alien" sociaty. Issues about further development of the system and also about training other specialists were disscussed at the I st All — Russia Congress of Mari in Birsk in June, 1917 and at provincial conference of Mari in the settlement Kukarnya of Vyatka province in September, 1917, which influenced greatly the movement of Mari to education.

«Финно-угроведение», 1997, № 1.

Евдокия Ромбандеева
Ханты-Мансийск

МАНСИЙСКИЕ (ВОГУЛЬСКИЕ) СКАЗКИ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Устное творчество народа манси (вогулов) богато и многообразно. В этом не на словах убедили финно-угорский мир венгерские и финские ученые, собравшие еще в прошлом столетии и в начале века у манси фольклор и издавшие многотомные публикации мансийского устного творчества в Венгрии — с переводами на венгерский язык (1), в Финляндии — с переводами на немецкий язык (2). Их труды сегодня бесценны, так как многое из того, что было ими зафиксировано, ушло из жизни народа навсегда ввиду запрета в недалеком прошлом на проведение его обрядов и соблюдение обычаев.

В последние годы я работала над томом «Мансийский фольклор» по заданию Института филологии СО РАН, включила в этот том только сказки, 53 текста, перевела их на русский язык, провела научный анализ каждого взятого мной текста, выявляя, в какую эпоху создано то или иное фольклорное произведение, что волновало создателя его в ту пору, какое идейное содержание хранится в каждом тексте. В итоге я склассифицировала все тексты по их тематике и мной выделено более десяти тематических разделов, составила Введение к тому более чем на 50 стр., где представлены разделы: сущность мансийских сказок, тематические жанры мансийского фольклора, о бытовании фольклорных жанров, антропонимия фольклорных персонажей, анализ включенных в том текстов, о миграции манси. Следует отметить, в таком плане анализ фольклорных произведений по жанру сказок обских угров прежде не проводился (3).

Итак, мансийские сказки. В них отражены жизнь самого народа, им пройденный далекий и близкий исторический путь, его мировоззрение, его философия, нравы и обычаи, мораль и исторические контакты с соседними этносами, величие и могущество природы, вера в загадочное таинство окружающего мира. Иван Ильин в статье «Духовный смысл сказки» пишет следующее: «Сказка есть первая, дорелигиозная философия народа, его жизненная философия, изложенная в свободных мифических образах и в художественной форме. Эти философские ответы вынашиваются каждым народом самостоятельно, по-своему, в его бессознательной национально-духовной лаборатории. И сказки различных народов отнюдь не повторяют друг друга. Сходны лишь образные темы, и то лишь

отчасти; но не сходны ни вопросы, ни ответы сказок. Каждый народ по-своему томится в земной жизни; накапливает свой особый — и дорелигиозный, и религиозный опыт; слагает свою особую духовную проблематику и философию; вынашивает свое мировоззрение...» (4).

Мансийские сказки (*мойтыт*) делятся на священные (*ялпын мойтыт*) и несвященные (*нас мойтыт*). Несвященные в свою очередь подразделяются на сказки для взрослых (*яныг хотпа мойтыт*) и сказки для детей (*ялвра.и мойтыт*). Особенность всех мансийских сказок заключается в том, что персонажи сказки живут, действуют сейчас, где-то рядом со слушателем. Поэтому интересно слушать и знать, что делают герои сказки, чем они заняты, что их волнует, как они преодолевают трудности, можно ли у них научиться чему-нибудь мудрому и как побеждать самого сильного противника при столкновениях.

Другая особенность мансийских сказок — это отсутствие в них итога, заключения и навязчивости. В продолжение всей сказки работает лишь выразительная интонация сказителя, которая как бы вынуждает слушателей: думай, размышляй, выводы делай сам по собственному уму и разуму.

Третья особенность мансийских сказок в том, что они имеют сезонный характер исполнения. Их можно было рассказывать только зимой, приблизительно с середины ноября до середины марта. В это время большие морозы, дни короткие, ночи долгие. Дети, женщины и пожилые люди дома. В темные зимние вечера люди собираются в одном определенном признанном доме и рассказывают сказки, предания, легенды, играют в загадки, поют песни, если нет в тот момент запрета для их исполнения по какому-либо обычаю (напр., траур по близкому родственнику, наличие медвежьего праздника). Мансийские священные сказки рассказывают очень редко и только взрослым, и лишь за вознаграждение.

I. О чем ведают священные сказки народа манси (вогулов)? В них говорится о возникновении земли (плодородной почвы) на планете Земля и жизни на ней. Такого рода тексты в фольклористике принято называть мифами. Мансийские священные сказки (можно назвать мифы) дают понять, что планета Земля существовала как таковая до появления человека, но она вся была покрыта глубоким слоем воды — Мировым океаном. Однако на поверхности этого океана держался клочок (островок) торфа (*тундра сяхыл*). На нем мог разместиться и стоять только один домик. В нем жили одни Жена и Муж (*экваг ойкаг*). Их по океану бросало ветром то на север, то на юг.

Откуда появились на Мировом океане клочок торфа и домик на нем, в сказке об этом не говорится ничего. И кто такие Жена и Муж, живущие в том домике, в продолжение всей сказки не намекается никак. Какова была миссия тех Жены и Мужа на планете Земля, мы выявляем, анализируя содержание самой Священной сказки о возникновении земли и жизни на ней и устанавливаем, что эти Жена и Муж были свидетелями

того, что на планете Земля был Мировой океан, и они были свидетелями того, с каким огромным трудом была доставлена крошечка земли-почвы на поверхность воды с большой глубины Мирового океана в клюве железной птицы *Лулы**, прилетавшей с Неба после железной Гагары. Обе птицы прилетали с Неба с каким-то гулом (истинные же птицы ведь с гулом не летают!), и обе целенаправленно стремились достать земли-почвы со дна Мирового океана. Из них только *Лулы* удалось достигнуть цели: взять землицу со дна океана, прикрепить ее на передний внешний угол дома тех Жены и Мужа, а затем вернуться в Небеса, как и Гагара. Жена и Муж — свидетели и того, как эта крошечка землицы начала расти, и росла она вкруговую, как расширяющиеся волны от брошенного в воду предмета, и эта Земля все время вращалась. О круглой форме Земли (шарообразная или нет — об этом в сказке нет намека) мы убеждаемся также через то, что Луна-мужчина катает планету Луну по кругу вокруг планеты Земли. Каким образом мы это устанавливаем? А через то, что Мир суснэ хум попадает в царство Луны-мужчины, следует за ним, не может его догнать. И решает он остановиться и дождаться его на одном месте. [Луна-мужчина сам подойдет к нему, постоянно двигаясь по кругу]. Кроме сказанного выше, миссия тех Жены и Мужа на планете Земля была их предназначением: у них родился сын-человек необычным способом; жена лизнула кровь мужа от его пораненного корнем кедра пальца — первого растения на планете Земля, произошло зачатие — родился сын, вырастили его. Он стал чудо-человеком, был мудр. В конце Священной сказки о возникновении земли... трактуется о том, что женщина, проживавшая на том торфяном клочке, завершив свои важные дела на планете Земля — родив сына-человека и вырастив его, [мать] говорит своему сыну, что она и его отец будут жить на Небесах. Отныне она будет называться *Калтащ***, а ее муж — *Торум****. И переселение на Небеса женщиной Калтащ заявляется таким спокойным тоном, словно ей известно давно, что на Небе можно жить и есть там жизнь. Сына же она назначает жить на Земле, наказав быть ему вечным защитником будущих людей от всех бед, и он отныне будет называться *Мир суснэ хум*, букв. «За народом смотрящий, За народом следящий», т. е. народ оберегающий. Мать ему говорит, что вечная человеческая жизнь на Земле обязательно установится, люди появятся [она Калтащ, поэтому все это предвидит]. Сын оправдал наказ матери, а появившиеся на Земле люди его обожествили за его добрые дела, сделанные им для людей.

Итак, Священная сказка подводит к мысли о том, что землю-почву из глубины воды на планете Земля достали небесные посланники-птицы, при-

---

* Лулы в представлении манси была священной птицей, темя ее красное, ноги ее торчали назад. Теперь ее нет вообще, жила в прошлом.

** Калтащ — от мансийского 'Подмогу делающая, Опору дающая'.

*** Торум — Бог, Небо, Вселенная, Природа, Погода, Эпоха.

летавшие с определенным намерением, и корни земного человека восходят к небесному Миру.

II. О чем же ведают несвященные мансийские сказки для взрослых? Во-первых, в них отражены древнейшие способы создания семьи в разные исторические эпохи, пройденные самим народом манси: а) кровно-родственный брак — брат и сестра — семья; б) непримиримая борьба женщины Мощиэ против кровно-родственного брака. Противница такого брака за свои добрые дела отражается на Небе яркой звездой в созвездии Малой медведицы — на мансийском языке *Пупакве*; в) отражен и поиск мужа женщиной, а затем и мужчиной жены в неведомых краях; г) созданию семьи в этом случае способствует умудренная жизненным опытом пожилая женщина через испытания чести и добропорядочности девушки — будущей жены или парня — будущего мужа — это явная эпоха матриархата; д) другой этап — женщина отправляется искать мужа, находит его, но неведомые ей силы, защитники того мужчины, недостойную уничтожают, а порядочную, честную, послушную оставляют ему в жены; е) следующий этап создания семьи: девушки и юноши идут навстречу друг другу, без выбора создают семью сами (юноши пускают стрелы, девушки берут их наугад. Чья стрела кому достанется, та и будет женой молодого человека. Однако более скромная, более мастеровая девушка все же достается более сильному и более умному парню). Этим периодом, вероятно, завершается переход от матриархата к патриархату в истории моего народа манси (вогулов); ж) далее наступает эпоха патриархата: мужчины проявляют свою силу, превосходство: воруют себе жен (по согласию или без согласия женской стороны); з) далее — человечество становится более состоятельным: в этот период приобретение жены проводится посредством сватовства. При этом производится товарообмен противостоящими сторонами, т. е. сватами; назначается цена девушке, определяется приданое девушке по согласию сторон.

В эту эпоху мансийский сказочный герой *Эква пырись* (от манс. *Экванпырись* 'Внук женщины') позволяет себе иметь две жены, а третья содержится в запасе, в отдельном доме. Не говорит ли это о том, что в прошлом у состоятельных мужчин-манси была не одна жена в доме? А четыре девушки, добытые *Эква пырисем*, отдаются другу — русскому богатырю. При этом *Эква пырись* заявляет, что каждая из его жен проявляет присущие ей способности: каждая из них занята своим делом, своим трудом. От всех тех женщин пошли люди разного рода на планете Земля, говорят манси.

Кроме способов создания семьи, в мансийских сказках для взрослых говорится об обрядах: например, о рождении ребенка, о погребальном обряде, о медвежьем празднике и необходимых вещах для проведения его, о способности или неспособности шаманить — при этом дается понять, что такая способность присуща далеко не каждому желающему пошаманить. В них говорится и о контактах с соседними этносами в далеком про-

шлом, об охоте, рыболовстве, оленеводстве, отражена и мечта о справедливости наказания провинившегося, о морали и правоучении.

Детские сказки все правоучительны: не будь ленив, лень и нужда — это братья, в мансийском языке они обозначаются одним термином — *сав*, будь внимателен к окружающему тебя, учись на примере других людей и зверей — это твои враги, если ты глуп, это твои друзья, если ты умный...

В сказках для детей говорится о частях тела животных, птиц и человека, отмечается, что их в каждом существе лишь столько, сколько необходимо ему, о чести и справедливости, о могуществе и таинстве явлений природы, об их взаимосвязи и целостности. Язык детских сказок четок, ясен и краток.

Мой народ до 30-х годов XX столетия не умел писать и читать. И он меня до удивления поразил тем, что в изученных мной его сказках отражены все пройденные народом исторические формации до феодализма, какие предлагает нам наука — история. Значит, мой народ, судя по данным его устного творчества, тоже прошел те древние исторические формации и сохранил в своем фольклоре память о них: 1) кровнородственный брак; 2) его строгий запрет — инициатором этого является женщина Мощнэ; 3) усилия женщины создать семью и поиск мужа ею в чужих краях — явный матриархат; 4) переход от матриархата к патриархату — участниками создания семьи на равных правах являются женщина и мужчина; 5) далее наступает эпоха преимущества мужчины — явная эпоха патриархата. Мой народ волновало и то, как возникла плодородная почва на планете Земля. По его мнению, первоосновой жизни на Земле является вода. В ней обитают рыбы, ими питались Жена и Муж, оставившие на Земле первого человека, на ней росла сама земля — плодородная почва. Словом, просто так не сочинена ни одна мансийская сказка, они все имеют глубокий смысл и определенное назначение. Главная наша задача — выявить его и разъяснить широкому кругу читателей, нашим потомкам, специалистам, неносителям языка и культуры.

Г. Гор весьма справедливо отмечает в предисловии к книге «Константин Паиков», что «в поэзии и в изобразительном искусстве существуют явления, на первый взгляд кажущиеся нам простыми, но на самом деле требующие углубленного понимания. К таким внешне будто бы простым, но внутренне сложным явлениям относится фольклор» (5). Будем же изучать фольклор наших народов достойно.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Hunfalvy Pal:* Vogul föld es nep. Pest, 1864. Kalman Bela: Vogul Nepköltesi Gyujtemeny III/2; Munkacsi Bernat: Vogul nepköltesigujtemeny I—IV (I—1892, II—1910, III—1894, IV—1896).

2. Kannisto-Liimola: Wogulische Volksdichtung I Band MSFOu 101(1951), II Band NSFOu 109(1955), III Band, VSFOu 111(1956), IV Band MSFOu 114(1958), V Band, MSFOu 116(1959), VI Band MSFOu 134(1963).

3. *Ромбандеева Е. И.* История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут, 1993.
4. *Ильин И.* Духовный мир сказки // Литература в школе. М., 1992, № 1.
5. Константин Панков. Л., 1973.

Yevdokiya Rombandeeva

Mansi (Vogul) fairy tales and their peculiarities

Mansi (Vogul) folk-lore is very rich and varied. The Finno-Ugric world was convinced in it by Hungarian and Finnish scientists who collected Mansi folk-lore as long ago as at the beginning of the century and published voluminous publications of Mari folk-lore in Hungary with the translation into Hungarian, in Finland with the translation into German.

In Mansi folk-lore data are present about organisation of society in many stages of development: kindred marriage, its interdiction by the initiative of the woman Motshne; matriarchy; transitional period to patriarchy and patriarchy proper.

«Финно-угроведение», 1997, № 1.

Элина Лебедева
Йошкар-Ола

СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАРИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК (СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ)

Структурный анализ пословиц и поговорок марийского языка и соотношение их со свободно организованными предложениями показал, что все они построены по одним и тем же структурным схемам. Основными типами синтаксических структур марийских пословиц и поговорок являются простые и сложные предложения. В марийском языке пословицы и поговорки, имеющие структуру сложного предложения, составляют 35% от общего количества. Среди них структурно оформленных как сложные предложения выявляются все типы сложного предложения: сложносочиненные — 8%, сложноподчиненные — 33%, бессоюзные сложные — 53% и сложные предложения усложненного типа — 6%.

1. На основе структурно-семантических признаков нами выявлены следующие структурно-семантические разряды сложносочиненных пословичных и поговорочных предложений марийского языка, употребительность которых в пословичных и поговорочных конструкциях неодинакова: сложносочиненные предложения с соединительными союзами — 14%, противительными союзами — 62%, сопоставительными союзами — 22%, разделительными союзами — 2%.

Среди пословиц и поговорок со структурой сложносочиненного предложения с соединительными союзами преобладают паремии, в которых части сложного предложения связаны союзной частицей **-ат**: *Ик гана шойыштатат, колымешкет шояче лият* 'Обманешь один раз, и до смерти останешься лжецом'.

Наиболее широко представлены сложносочиненные предложения с противительными союзами **да** и **но**. Выражению противительных отношений между частями сложного предложения способствуют антонимы, а также употребление глаголов в утвердительной и отрицательной формах: *Шкежде изи, да чапше кугу* 'Маленький, да удаленький'; *Олмапум шыпде, но олмажым эн ондак шке кочкаш ит вашке* 'Яблоню посади, но раньше других сам не спеши отведать яблоки'.

В небольшой группе марийских народных изречений со структурой сложносочиненного предложения используется союз **а** для сопоставления

частей сложного предложения: *Апшат таче оксала ышта, а эрла вучымеш тапта* 'Сегодня кузнец работает за деньги, а завтра кует в долг'.

Пословицы и поговорки, имеющие структуру сложносочиненного предложения с разделительными союзами, в марийском языке являются единичными: *Ег пӧртвуйыштӧ коракым ит кӱтӧ, ала ше пӧртвуйыштет ӱгӧ уло* 'Не смотри на крышу чужого дома, может, на своей крыше есть филин'.

2. В марийском языке широко распространены пословицы и поговорки со структурой сложноподчиненного предложения расчлененной структуры: с придаточными места — 4.3%, времени — 0.4%, сравнения — 1.8%, сопоставления — 2.2%, причины — 2.0%, цели — 0.4%, уступки — 11.7%, условия — 62.6%.

Немногочисленны пословицы и поговорки со структурой сложноподчиненного предложения нерасчлененной структуры местоименно-соотносительного типа — 14.6%. В предложениях данного типа связь между предикативными частями осуществляется с помощью соотношения местоимений: **кӧ** 'кто' — **тудо** 'тот', **мо** 'что' — **тудо** 'тот', **могай** 'какой' — **тугай** 'такой': *Кӧ шуко кычалеш, тудо шагал муэш* 'Кто много ищет, тот мало находит', *Мо нелыш ышталтеш, тудо шергыш аклалтеш* 'Что трудно достается, то дорого ценится', *Илышыже могай, мурыжат тугай* 'Какова жизнь, такова и песня'.

В сложноподчиненных пословичных и поговорочных предложениях с придаточными места придаточная часть соединяется с главной при помощи соотносительных слов, которые образуют следующие соотносительные пары: **кушто** 'где' — **тушто** 'там', **кушко** 'куда' — **тушко** 'туда', **кудо велке** 'в какую сторону' — **тудо велке** 'в ту сторону', **кушеч** 'откуда' — **тушеч** 'оттуда', например: *Кушто вичкыж, тушто кӱрлеш* 'Где тонко, там и рвется'. *Имыже кушко, шӱртыжат тушкак кая* 'Куда иголка, туда и нитка'. *Торта кудо велке важык, терат тудо велке сӱмырла* 'В какую сторону оглобля гнута, сани в ту же сторону падают'. *Мардеж кушеч пуалеш, йӱржат тушечак толеш* 'Откуда ветер подует, оттуда и дождь придет'.

В марийских пословицах и поговорках со структурой сложноподчиненного предложения с придаточными времени связь между предикативными частями осуществляется при помощи соотносительных слов **кунам** 'когда' — **тунам** 'тогда': *Кунам пӱет велыш пыта, тунам пӱкшым конден пуат* 'Когда зубы выпадут, тогда орехи принесут'.

В пословичных и поговорочных предложениях со структурой сложноподчиненного предложения с придаточными сравнения придаточная часть соединяется с главной при помощи соотносительных слов **кузе** 'как' — **туге** 'так': *Опчыл ораваже кузе пӧрдеш, шеҥгелжат тугак пӧрдеш* 'Как крутятся передние колеса, так крутятся и задние колеса'.

В пословицах и поговорках марийского языка, организованных по структуре сложноподчиненного предложения с придаточными сравнения, предикативные части соединяются при помощи соотносительных слов **мыняр** 'сколько, насколько, чем' — **тунар** 'столько, настолько, тем', на-

пример, *Еҥлан мыняр сайым ыштет, тунар осал лият* 'Сколько людям добра сделаешь, настолько плохим будешь'.

В марийском языке известно несколько пословиц и поговорок, построенных по структуре сложноподчиненного предложения с придаточным причины, в которых придаточная и главная части соединяются при помощи союзного слова **маныш** 'из-за, по причине', например: *Шкемыш уке маныш, ешыплан ит азырле* 'Не зарься на чужое из-за того, что своего нет'.

Пословичные и поговорочные сложноподчиненные предложения с придаточными цели, в которых предикативные части соединяются при помощи союзного слова **манын** 'чтобы, с целью', единичны, например: *Осал деч утлаш манын, вуйым пире умшаш огыт пыште* 'Чтобы избежать опасности, голову не кладут в волчью пасть'.

В сложноподчиненных пословичных и поговорочных предложениях с придаточными уступительными предикативная часть присоединяется к главной при помощи союзов **гынат** 'хотя, несмотря', а также соотносительных слов **кеч-мыняр, кеч, керек** 'хоть, хотя' — **садак, садыгак, садиктак** 'все равно', например: *Имне ныл йолан гынат, шӱртня* 'Хотя лошадь и с четырьмя ногами, спотыкается'. *Ушкаллан керек омытам чиктс, садак имне огеш лий* 'Корове хоть хомут надень, все равно лошадью не станет'.

В марийском языке пословицы и поговорки со структурой сложноподчиненного предложения с придаточными условными являются самыми многочисленными среди паремий со структурой сложного предложения. Среди них преобладают конструкции с придаточными, выражающими реальные условия. Значение реального условия выражается союзом **гын** 'если', находящимся в придаточной части, например: *Кайыкше весе гын, мурыжат весе* 'Если птица другая, то и песня другая'.

Марийские народные изречения, образованные по структуре сложноподчиненного предложения с придаточными условными ирреального значения, представлены несколькими примерами: *Кушш кумвочшашым палет ыле гын, ондак тӧшакым шарен ямдылет ыле* 'Если бы знать, где упасть, то постелил бы перину'.

3. Более половины всех марийских пословиц и поговорок, имеющих структуру сложного предложения, представлены бессоюзными сложными предложениями. По характеру отношений между частями бессоюзного сложного предложения выделяются следующие группы однородного состава: противопоставления — 35%, сопоставления — 24%, соответствия — 7%, перечисления — 5%, неоднородного состава: причинно-следственные — 15%, условно-следственные — 12%, изъяснительные — 1%, присоединительные — 1%.

Среди них самыми многочисленными являются пословичные и поговорочные конструкции со структурой бессоюзного сложного предложения, части которых имеют значение противопоставления. Для выражения значения противопоставления между частями бессоюзного сложного предложения используются такие лексико-грамматические средства, как анто-

нимы и контрастная лексика, т. е. слова, по своему значению противопоставленные друг другу в составе той или иной пословицы, а также употребление глаголов в отрицательной и утвердительной формах, например: *Пӱсӧ йылме — пӧлек, кужу йылме — омыта* 'Острый язык — подарок, длинный язык — хомут', *Йӱштӧ шомак чоным сусырта, поро мут эмла* 'Сказанное с холодцем душу ранит, доброе слово лечит', *Тер ок пойо, имне ноя* 'Телега не устает, лошадь устает'.

Большой группой представлены марийские паремии со структурой бессоюзного сложного предложения, части которых сопоставляются по своим значениям, например: *Шӧртньӧ ок рӱдаш, шинчымаш ок шогеш* 'Золото не ржавеет, знание не стареет'.

В марийских пословицах и поговорках со структурой бессоюзного сложного предложения со значением соответствия часто для выражения данного значения используются такие лексико-грамматические средства, как повторы одних и тех же слов в разных частях, например: *Жап весе — муро весе* 'Время другое — песня другая'.

Среди пословичных и поговорочных конструкций, организованных по структуре бессоюзного сложного предложения со значением перечисления, выделяются две группы: 1) со значением одновременности перечисляемых событий, например: *Иктыже шымат ок ыште, весыже тудлан полша* 'Один ничего не делает, другой ему помогает' и 2) со значением последовательности характеризуемых событий, например: *Опчыч кочушмеч, вара мӱгинде* 'Сначала редька, затем пряник'.

Марийские народные изречения, имеющие структуру бессоюзного сложного предложения неоднородного состава, не характеризуются лексико-грамматическим параллелизмом. Части бессоюзных сложных предложений данного типа имеют различную структурную организацию, например: *Икапаште пушыш кок вуйжым ит руалте: агурыш шуггалтат* 'Не хватайся сразу за оба конца лодки: окажешься в омуте'.

В марийском языке имеется группа пословиц и поговорок со структурой бессоюзного сложного предложения, в которых одна из частей указывает на условие, при котором может совершиться действие в другой части, например: *Ӱжара дене кыпелат — шӧртньым муат* 'С зарей встанешь — золото найдешь'.

В пословицах и поговорках, в структурном плане представляющих собой бессоюзные сложные предложения с изъяснительным значением, сказуемое выражено глаголом восприятия речи, мысли, чувства, например: *Шке вуетым воштончыш гыч ужат: шерме але уке* 'Свою голову увидишь в зеркале: причесана или нет'.

Несколько народных изречений построено по структуре бессоюзного сложного предложения, в которых вторая часть содержит дополнение, уточнение, оценку, например: *Тӱняште эн кугу пояпык — паша, айдемым паша чапландара* 'На свете самое большое богатство — труд, человек славен трудом'.

4. Марийские пословицы и поговорки, имеющие структуру сложного предложения усложненного типа, относятся к числу малораспространенных конструкций.

Пословичные и поговорочные конструкции данной группы состоят из нескольких предикативных частей, которые представляют собой эквиваленты двусоставных и односоставных предложений. Между этими частями существует союзная или бессоюзная связи. Варианты видов связи могут быть различными, но подчинение и бессоюзная связь используются значительно чаще.

Наиболее распространенными являются четырехкомпонентные конструкции, состоящие из двух частей, каждая из которых, в свою очередь, включает в себя по две предикативные части, соединенные однотипной связью. Среди пословиц и поговорок данной группы преобладают конструкции, состоящие из двух сложноподчиненных предложений, соединенных друг с другом бессоюзной связью. Наиболее часто составными частями этих конструкций являются сложноподчиненные предложения с условными придаточными, например: *Игечыже весе гын, кайыкшат весе, кайыкше весе гын, мурыжат весе* 'Если время другое, то и птицы другие, если птицы другие, то и песни другие'.

Среди конструкций данного типа преобладают те, которые характеризуются основными чертами других типов сложного предложения. Таковыми являются пословицы и поговорки, представленные четырехкомпонентными конструкциями с характерным лексико-грамматическим параллелизмом и трехкомпонентные конструкции, в которых две последующие предикативные части дополняют, поясняют, уточняют или объясняют значение первой.

Таким образом, пословицы и поговорки со структурой сложного предложения, как правило, состоят из двух, тесно связанных в смысловом плане, частей, которые представляют собой эквиваленты простого двусоставного или односоставного предложения. В качестве составных частей сложного предложения нередко выступают обобщенно-личные предложения, что объясняется как грамматическими особенностями данного типа предложений, так и обобщающим характером этих народных изречений. Части сложных предложений состоят, главным образом, из двух или трех компонентов.

Характерной чертой пословиц и поговорок со структурой сложного предложения является их структурная однотипность, т. е. лексико-грамматический параллелизм построения их частей.

Пословицам и поговоркам свойственно использование в качестве частей сложного предложения неполных и эллиптических построений, что обусловлено стремлением народных изречений к краткости.

В целом марийские пословицы и поговорки в структурном плане представляют собой лаконичные формулы с совершенной синтаксической организацией.

Elina Lebedeva

Sructural characteristics of Mari proverbs and sayings (compound sentence)

Proverbs and ayings with the sructure of a compound sentence consist as a rule of two semantically connected parts, which are equivalents of a simple two member or one member sentence. Generalized personal sentences often appear as constituents of a compound sentence, what can be explained by the grammatical peculiarities of the given type of sentences as well as the general character of the folk sayings. The parts of compound sentences consist mainly of two or three components. The common feature of proverbs and sayings with the structure of a compound sentence is their structural uniformity, that is lexical-gramatical parallel line of their parts. It is peculiar to proverbs and sayings to use incomplete and elliptical constructions as parts of compound sentences what is conditioned by tendency for making them concise ones.

«Финно-угроведение», 1997, № 1.

Марина Федина
Сыктывкар

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ БЕЗЛИЧНЫХ ОБОРОТОВ В СОВРЕМЕННОМ КОМИ ЯЗЫКЕ

Язык есть отображение реальной действительности, но оно не есть прямое отображение, а опосредованное сознанием и психологией говорящего. Язык — это явление динамическое, вечно развивающееся, и многие языковые факты объясняются не только лингвистическими, но и историческими, и психологическими причинами. По выражению выдающегося русского ученого-лингвиста А. А. Потебни, «язык есть средство понимать самого себя; понимать себя можно в разной мере; чего я в себе не замечаю, то для меня не существует и, конечно, не будет мною выражено в слове» (1, с. 110). С этой точки зрения большой научный интерес представляют безличные глаголы, их семантика, происхождение и функционирование.

В современном коми языке в основном выделяются четыре сферы семантики у безличных глаголов: 1. стихийные явления природы (состояние окружающей среды): *югдö* 'светает', *зэрö* 'дождит', *лыӧъялö* 'снежит', *рӧмдö* 'темнеет, наступают сумерки' и т. д.; 2. состояние организма, внутреннего мира и психики человека: *менö кыпӧ* 'меня знобит', *менö шогӧдö* 'меня печалит / тошнит' и т. д.; 3. сфера модальности: *колö* 'надо', *быть колö* 'необходимо' и т. д.; 4. значение наличия: *овлö сідз, мый...* 'бывает так, что' и т. п. С точки зрения эволюции первые две группы безличных глаголов являются древнейшими по сравнению с двумя последними и представляют для нас большой интерес.

По вопросу происхождения глагольной безличности есть несколько теорий. Одна из них представлена Е. М. Галкиной-Федорук: «Глагол выражает процесс в его становлении, движении, состоянии. Становление и движение в основе своей динамичны. Состояние — нединамичная фаза процесса, оно более статично. Поэтому и группа глаголов, выражающих состояние, стала оформляться и формально отличаться от других видов глагола. И так как состояние, как более статическая фаза, не связано с процессом движения, то оно (состояние) перестает мыслиться в связи с движущей силой, т. е. действованием. Вследствие этого глаголы вышеуказанной группы перестали нуждаться в сочетании с лицом деятеля, что по-

влекло за собой исчезновение у них форм 1 и 2 лица как живых лиц-деятелей. Глаголы состояния, не будучи динамичными в своей основе, не могут распространять свое действие на объект, и, следовательно, становятся непереходными. Состояние, не связанное с субъектом как движущей силой и непереходящее на объект, становится независимым. Тогда и глаголы, обозначающие состояние, независящие от субъекта-подлежащего, являются безличными» (2, с. 285). Это очень авторитетное мнение, но нам хотелось бы представить другой взгляд на проблему возникновения безличности в коми языке.

В основе любого безличного оборота лежит его личный, субъектный эквивалент. Но переход от первоосновы к современному состоянию для каждой семантической группы безличных глаголов своеобразен, как и причины данного перехода.

В современном коми языке очень много безличных глаголов, выражающих состояние человека, явления его организма и психики, например: *Васяӧс кыпӟіс* (Рочев) 'Васю знобило'; *Мыйла шогӧдіс, Домна ачыс эз куж висьтавны* (Федоров) 'Что опечалило (ее), Домна сама не могла сказать'. В оборотах типа *Менӧ кыпӟӧ* 'Меня знобит' когда-то был субъект, который производил действие, указанное предикатом, над объектом, выраженным обычно существительным или местоимением в форме родительного падежда. Этот субъект, по нашему мнению, восходит к верованиям древних коми. Как известно, почти все народы Сибири и Севера, в том числе и коми, исповедовали сначала тотемизм, затем шаманство и, наконец, христианство. Тотемистическое верование заключалось в том, что каждый отдельный род поклонялся своему божеству (рыбе, птице или животному), который, по их убеждению, покровительствовал им и направлял их действия. При этом, «как правило, этих животных не называли настоящим названием, а имели для употребления в разговоре описательное» (3, с. 26). При переходе в шаманство «пермяне признавали ортов — это были духи не с точно известными свойствами, имевшие таинственное влияние на людей и беседовавшие только с камом (шаманом), когда сей последний беснovался. Кам народу не открывал ничего о духах, объявлял ему только результат своего религиозного беснования словами да или нет» (4, с. 67). Веря в силу произнесенного слова, способного вызвать действие духов, предпочиталось называть их иносказательно. Затем в результате христианизации получился сложный комплекс языческо-христианских верований и обычаев, в которых уживались и переплетались верховный христианский бог и языческие орты. Даже бога древние коми называли иносказательно, описательно — *ен*, от слова *ӟн* (сильный, могучий, всемогущий). По всей видимости, говоря о своих не всегда понятных и объяснимых, а иногда и нежелательных, неприятных ощущениях и состояниях, наши предки допускали, точнее, были уверены, что ими управляют высшие силы, напуская на них то или другое состояние. Языковые обороты такого типа до сих пор сохранились в диалектах современного коми

языка. Так, выражение состояния удушья (напр., приступ одышки, астмы и др.) может происходить следующим образом: скр. *Дед личкӧ*, вв. *дед личке* 'домовой душит' (букв. 'домовой давит'). Логичным будет распространение данного оборота субъектом этого состояния, выраженном существительным или местоимением в форме родительного падежа: *дед менӧ (тэнӧ, кодӧскӧ) личкӧ* 'домовой душит меня (тебя, кого-то)'. В литературном коми языке предложения такого рода со значением состояния уже не встречаются, но очень распространены безличные предложения без указания действующего лица. Например: *Талун вывті нин ёна сьӧлӧмам бытшкӧ* 'Сегодня уж очень сильно сердце щемит' (букв. 'Сегодня уж очень сильно в сердце колет'); *Кисьтӧма став яй пасьталаыс* 'Сыпь высыпала по всему телу' (букв. 'Высыпало по всему телу'); *Менӧ очсӧдлӧ, кӧть и узьны ог на кӧсйы* 'Мне зевается, хотя спать еще не хочу' (букв. 'Меня заставляет зевать, хотя спать еще не хочу'). Особенностью этой семантической группы безличных глаголов является большое количество глаголов с понудительным суффиксом *-ӧд*, который «восходит к финно-угорскому форманту *-*tt*» (5, с. 182). Например: *Менӧ шогӧдӧ* 'Меня печалит / тошнит' (букв. 'Меня заставляет печалиться, тошнить') сравн. с субъектным предложением *Ме шогся / шогала*. Во всех диалектах коми языка безличные глаголы с понудительным суффиксом *-ӧд* очень распространены, напр.: печ., скр. *сутшиктӧдлыны*, нв., уд. *сутшыктӧдлыны*, вв. *сутшиктэдліні*, иж. *сытшыктэдлыны*, вым. *сутшйӧдлыны*, лл. *вытшыктӧдлыны*, нв. *тшутшыктӧдлыны*, нв. *тшутшыптӧдлыны*, иж. *тшытшыктэдлыны* 'икаться' сравните с формой без суффикса *-ӧд*, которая не является безличной: скр. *сутшиктывны*, вв. *сутшиктілні*, сс. *сутшиктыны*, вс., вым. *сутшыктыны*, вым. *сутшъёны* 'икать'. *Менӧ сутшиктӧдлӧ* 'Мне икается' (букв. 'Меня заставляет икать') и *Ме сутшиктала* 'Я икаю'. Примечательно, что в коми варианте данного предложения объект состояния выражается родительным падежом, которого требует глагол «заставлять», в отличие от русского варианта, где объект показывается дательным падежом. Вероятно, такого рода обороты раньше были субъектными предложениями типа *Менӧ енмыс (орт) очсӧдлӧ* 'Меня бог (дух) заставляет зевать'; ибо если в предложении присутствует понудительное действие и объект этого принуждения, то логически должен быть и субъект, который понуждает совершить данное действие. Впоследствии по ряду причин субъект был опущен. Говоря о причинах утери подлежащего в предложениях, выражающих состояние субъекта, А. А. Потебня отмечает: «Устранение мифического субъекта или, по крайней мере, его определенности может происходить: а) частью потому, что при веровании в силу слова известных враждебных человеку демонических существ не следует называть...; б) частью потому, что действующее лицо при таинственных действиях, как внутренних (болезненные ощущения), так и внешних..., представляется до исследования неизвестным..; в) самая эта неизвестность есть нередко следствие критической мысли, заподозривающей или отри-

цающей существование мифической субстанции, превращения ее действия в явление» (14, с. 123).

Базой для безличных предложений, выражающих явления окружающей среды и состояние природы, также являются субъектные обороты. Но в данном случае вовсе не обязательно в качестве действующей субстанции предполагать какое-то мифическое существо. Хотя диалектные данные свидетельствуют о наличии божественной, всевышней действующей субстанции в выражении природных явлений, например: лл., скр. *енмыс зэрӧ*, вв. *енмис зэре* — 'идет дождь' (букв. 'бог дождит'). А в ижемском диалекте довольно часто употребляются словосочетания и предложения типа *Енмыс тай небось абу Климко Ваӈь, экудз ыллисэ пожъялэ* 'Бог-то небось не Климко Иван, вон как улицу (окружающую среду) поливает' (о сильном, проливном дожде). Здесь также наглядно видна активная роль всевышних сил. Но более распространенным, по всей видимости, был другой способ преобразования субъектных глаголов в безличные. В следующих примерах безличные глаголы однотипны, они имеют очень много общих черт: Со и *рӧмдӧ*, кад нин сідзкӧ, Гортлань тэрыбмӧдны ӧд (В. Попов) 'Вот и темнеет, уже пора к дому прибавлять ход'; Талун асывсяньыс *пургитӧ* 'Сегодня с утра пуржит'; *Югдӧ* нин 'Уже светает'; Тымалӧм бӧрад ӧд пыр *зэрӧ* 'После грозы всегда бывает дождь (букв. 'всегда дождит')'. Такие безличные конструкции образовались из сочетания однокорневых подлежащего и сказуемого, типа *Зэр зэрӧ* 'Дождь дождит'; *Лым лымъялӧ* 'Снег снежит'. Небольшое количество данных предложений зафиксировано в словарях коми языка: *Гымыштіс гым* 'Загремел гром' (6, с. 180); *Йӧлӧгаыс йӧлге лет* 'Раздается эхо'. Не ко всякому глаголу в современном коми языке можно подобрать соответствующее однокоренное существительное, но, как правило, они встречаются в несколько видоизмененной форме в диалектах коми языка и в родственных, других финно-угорских языках. Так, к примеру, с глаголами *рӧмдӧ* и *югдӧ* сочетались древне-коми слова *рӧм* и *юг*, подобие которых можно найти в диалектных формах вс. *пемыд рӧм*, уд. *рӧмпом*, *югарӧма* 'сумерки, сумрачно', а с глаголом *пемдӧ* сочетался *пем*, образованное от **piLmз*, 'темный, темно', ср. фин. *pimeä*, эст. *pime* (7, с. 408). Они встречаются в литературном коми языке в прилагательных и безлично-предикативных словах с непродуктивным ныне суффиксом *-ыд*: *пемыд* 'темный, темно'; *югыд* 'светло, светлый'; *рӧмыд* 'сумрачный, сумрачно' и т. д. Следы таких образований до сих пор сохранились в коми языке, но действие мыслится уже как самостоятельное, безличное, а субъект превращается в объект действия, выраженный существительным в творительном падеже. Например: *Луныр сільгис-зэрис кӧдзыд зэрӧн* (Тима Вень) 'Целый день шел холодный дождь (букв. Целый день дождило холодным дождем)'. При стремлении языка к лаконичности, четкости и образности выражения мысли происходит изменение данного тавтологичного до некоторой степени речевого оборота. Как говорил А. А. Потебня, «язык ничего не выражает

вполне. Он всегда выставляет лишь один признак, важнейший или представляемый таким» (8, с. 258). Важнейшим признаком в предложениях рода *Зэр зэрӧ* является действие, т. е. процессуальное состояние, тем более что в самом названии действия уже заключено название субъекта. И поэтому, как правило, субъект действия устраняется.

Почти во всех финно-угорских языках отмечается наличие предложений, обозначающих явления природы, в которых сказуемое и подлежащее по своей форме идентичны или были таковыми. Так, исследователь финского языка Л. Хакулинен отмечает, что «в первоначальных формах таких предложений, как ULkona tuulee 'на улице дует (ветер)' или Hän sen tekee 'он это сделает' не было сказуемого, которое по своей форме отличалось бы от имени, означавшего tuuleva 'дующий (ветер)' или tekevä 'делающий'» (9, с. 66). В современном литературном марийском языке, в отличие от коми, «широкое распространение имеет этимологическая фигура модели типа: *Лум лумеш / Лым лымеш* 'Снег идет' (букв.: 'Снег снежит')..., при которой и подлежащее, и сказуемое выражены словами одного корня» (10, с. 91). В венгерском языке безличных глаголов и оборотов намного меньше, чем в русском языке, но и здесь «при некоторых безличных глаголах можно поставить подлежащее, например, у глаголов *esik* 'идет дождь', *oLvad* 'тает': *Esik esö karikára Kossuth Lajos szent sirjára* (из народной песни) 'Идет дождь (букв. дождь дождит), падая пузырьками на святую могилу Лайоша Кошута' (11, с. 221). В мансийском языке предложения типа *SatumLi* 'Становиться темнее' (*satum* — 'полумрак, мрачный') (сравните с коми *Пемдӧ* 'Темнеет') вообще рассматриваются как полные или личные, потому что «здесь слово, обозначающее субъект действия, обязательно эллиптируется в целях избежания тавтологии. Во всех этих случаях в функции деятеля подразумевается предмет (явление), название которого заложено в семантике глагола-сказуемого» (12, с. 35). Рассматриваемые предложения имеют место во многих языках мира. В частности, одной из своеобразных черт индоевропейских языков является то, «что часто именное и глагольное предложения совмещаются, контаминируются ('Гром гремит'; 'Мороз морозит', лат. Nix ninguit; литов. Sniegas sninga 'Снег снежит' и т. д.) по принципу так называемой этимологической фигуры» (13, с. 273).

Таким образом, исходя из положения «Личность древнее безличности» (14, с. 373), можно с уверенностью сказать, что в основе большинства безличных оборотов лежат их личные субъектные эквиваленты. Воссоздание древних субъектных или двусоставных, двучленных предложений необходимо соотносить с историей, психологией и мышлением народа, ибо, как говорил И. А. Кураtов, «язык зырянский изучать — значит изучать зырянский народ, его образ мыслей и взглядов на мир и жизнь, его образование и вообще его отличительный народный оттенок» (4, с. 72). Переход от личных форм к безличным позволило говорящему более эмоционально, точно и ярко выражать свои чувства и ощущения. В совре-

менном коми языке очень широко и многообразно распространено выражение безличности и оно очень выразительно, с тончайшими оттенками значения, которое во многих случаях непереводимо на другие языки.

Сокращения

Диалекты: *скр.*— присыктывкарский, *вв.*— верхневычегодский, *печ.*— печорский, *нв.*— нижневычегодский, *уд.*— удорский, сс.— среднесысольский, *вс.*— верхнесысольский, *иж.*— ижемский, *вым.*— вымский, *лл.*— лузско-летский.

Языки: *фин.*— финский, *эст.*— эстонский.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Потебня А. А.* Мысль и язык. Полное собрание сочинений. Т. 1. Киев, 1926.
2. *Галкина-Федорук Е. М.* Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958.
3. *Хомич Л. В.* Представления ненцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.
4. *Куратов И. А.* Лингвистические работы. Т. 2. Сыктывкар, 1939.
5. Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.
6. Коми-русский словарь (Под ред. проф. В. И. Лыткина). М. , 1961.
7. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.
8. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.
9. *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. Ч. 1. М., 1953.
10. *Коведяева Е. И.* Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания. М., 1976.
11. *Майтинская К. Е.* Венгерский язык. Т. 1. М., 1955.
12. *Ромбандеева Е. И.* Синтаксис мансийского (вогульского) языка. М., 1979.
13. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
14. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968.

Marina Fedina

To the question about appearance of some impersonal constructions in modern Komi

Initiating from the thesis "Personality is more anciant than impersonality" one can say with certainty that as the base of most impersonal phrases their personal subjective equivalents serve. Restoration of anciant subjective or two member sentences must be regarded to history,psychology and thought of a nation for as I. A. Kuratov said "The Zyryan language to study means Zyryan people to study, their way of thinking and view of world and life, their education and their peculiar folk feature". Transition from personal forms to impersonal ones allowed a speaker to express his feeling and sensation more emotionally, precisely and brightly. Expresion of impersonality is widely used in modern Komi and it is very expressive with subtle shades of meaning, which in most cases can't be transleted into other languages.

«Финно-угроведение», 1997, № 1.

ПЕРСОНАЛИИ

Иван Плосков
Сыктывкар

О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. СТАРЦЕВА (КОМИ ЭТНОГРАФА И ФОЛЬКЛОРИСТА)

Имя Г. А. Старцева сейчас, по сути, возвращается в коми науку, его деятельность получает определенную оценку (1, с. 55, 63, 243—254).

Коми ученый Г. А. Старцев, получивший университетское образование (в 1924 г.), был учеником профессоров В. П. Богораза, Л. Я. Штернберга, А. А. Спицына, Е. В. Тарле (2, л. 1). Он сложился как специалист-этнограф, финно-угровед, в основном в Ленинградском университете, в Ленинградском педагогическом институте им. А. Герцена. В 1927 г. Г. Старцев был командирован в Финляндию и Германию. Вернувшись в Ленинград, он продолжал заниматься «сравнительной этнографией финно-угорских народов», исследуя более глубоко не только культуру коми, но и других восточных финно-угров (2, л. 1-2).

Много времени Г. А. Старцев уделял педагогической деятельности (еще в 1925 г. он был оставлен в вузе «в качестве младшего ассистента» «при этнографическом отделении», позже Старцев состоял в должности преподавателя «истории и литературы коми» и зав. кафедрой в педагогическом институте им. А. Герцена, а также преподавал в Коми пединституте). Интересы Г. А. Старцева были достаточно широки. Он разрабатывал различные вопросы в области истории и этнографии коми, изучал фольклор и языки финно-угорских народов, писал литературоведческие статьи (3, л. 13—14). Старцев разрабатывал вопросы методики преподавания соответствующих дисциплин и программы по изучению коми культуры (4, л. 5, 12—38).

В Центральном госархиве Республики Коми хранятся различные рукописные работы ученого. Здесь хранится рукопись «Коми фольклор (его изучение и значение, жанры, детский фольклор, как и что изучать)», выполненная (как отмечено) к 8 января 1933 г. Упоминаемая рукопись была опубликована (отдельным изданием) в Сыктывкаре в 1933 г. Среди архивных рукописей имеются его «Программа по изучению родного края», отдельные программы по коми фольклору (3, л. 5).

Как отмечается в архивных документах, Г. А. Старцев, еще будучи в

Ленинграде, выезжал в научные командировки с целью сбора материалов по этнографии, а также по языку к коми-зырянам — в 1922, 1924, 1926, 1928 годах, к ненцам — в 1925, 1926 годах, к обско-угорским народам — в 1925 году, к карелам — в 1923 году и т. д. (2, л. 1).

В архиве Российской АН (в Санкт-Петербурге) хранятся научные отчеты Г. А. Старцева; в одном из отчетов 1930 года, в частности, отмечается, в связи с поездкой к коми: «... С 30/VI по 4/VII я производил записи в Устьвымском районе. Записи шли по программе, сост. ... Быковским и касаются... пережитков магии, табуации... Наряду с этими записями я собрал и фольклорные тексты (до 40 ед.), главным образом образцы детского фольклора, на которые я и другие собиратели в прошлые годы мало обращали внимания. Кроме того, ... я сделал 20 фотоснимков (быт, культура, типы)...»; «... в Дни (от 7 до 12 июля) ... съездил с научной целью, и притом только в порядке разведки, в Усть-куломский район. Этот район я посетил впервые. Однако знание языка, литературные сведения... дали возможность и в этом... районе собрать ... ценный материал по фольклору... Из того края я имею 24 фотоснимка (отражение быта, типы людей ... и пр.)...» (5, л. 1—2). Г. А. Старцев также исследовал традиции, культуру регионов обитания коми-пермяков. В Петербургском архиве, в частности, хранятся рукописи Старцева — «Из мира колдовства коми-пермяков» (6).

В Сыктывкарском архиве в одной из рукописей имеется следующая запись Г. А. Старцева, свидетельствующая о создании (в 1930 годах) достаточно большого коми фольклорного сборника, а также, в связи с этим, трудностях работы в те годы:

«Данный фольклорный сборник составлен из материалов, записанных слушателями Педтехникума и Пединститута под моим и т. Булышева А. Н. (студента Пединститута) руководством в 1932—35 гг.», и далее: «...Большой помехой, что замечено при расшифровке текстов, явилось то обстоятельство, что учащиеся и студенты при записях... пользуются тремя алфавитами — русским, молодцовским и латинизированным. Только очень внимательное изучение текста и знание живого языка могло облегчить понимание записанного. И все же специалиста-лингвиста приходится предостеречь, что нами достигнута лишь относительная диалектологическая точность языка.

При составлении сборника мы исходим из следующих положений: материалы должны отвечать 1) эпохе, нашей общественно-политической направленности, 2) диалектологической точности, 3) жанровому и поджанровому охвату и 4) композиционно-художественным особенностям.

Из-за слабой изученности коми фольклора эти намерения осуществлены лишь отчасти.

Каждое произведение имеет географический паспорт бытования. В сборнике это достигнуто наиболее полно.

В сборник вошло 1000 разных произведений устного творчества...

С изданием этого... сборника коми фольклора, нам кажется, наступает некоторый перелом и стимул к дальнейшему углубленному собиранию и изучению устного творчества коми...» (2, л. 24). Как отмечается Г. А. Старцевым, сборник фольклора предполагалось издать на коми языке, без перевода на русский язык, но также «без увязки с международной классификацией фольклорных сюжетов (сказки, мифы, легенды и пр.)», без указания соответствующих аналогий (2, л. 24).

В 1930-е годы и позже указанный сборник, составленный Г. А. Старцевым, к сожалению, не вышел из печати. В архивных записях Старцева, в частности, без точных указаний, отмечается, что в это время была прекращена работа над его какой-то «наполовину набранной книгой», т. е. ее прекратили печатать (2, л. 11). Возможно, речь шла об указанном фольклорном сборнике. Рукопись, очевидно, утеряна.

В 1932 г. была Г. А. Старцевым составлена программа «Этнография народа коми» (на 1933 учебный год) (7, л. 12—20).

Из отдельных изданий Г. А. Старцева можно отметить выпущенную в соавторстве с А. Сухановой «Ичӧт школаын во гӧгӧрса удж» (Устьсысольск, 1923) — методику комплексной работы в школе 1 ступени на коми-зырянском языке; очерк «Финно-угорские народы», выпущенный в соавторстве с Н. Поппе (Ленинград, 1927); «Остяки» (Ленинград, 1928); «Важӧн и ӧні (Прежде и теперь). Очерк по истории и этнографии коми народа» (Устьсысольск, 1929); «Самоеды (ненча)» (Москва, 1930) и др.

Г. А. Старцев публиковался в журналах «Коми му» (Зырянский край), «Культура фронт», в «Записках Общества изучения Коми края» и т. д. Он был в числе рецензентов коми литературных произведений, написанных на основе коми фольклора. Фольклор, народная культура коми, коми литература были постоянно в поле его зрения.

Будучи в Сыктывкаре (работая в Коми пединституте и в Областном музее), Г. А. Старцев не терял связей с учеными из центральных вузов, научных учреждений. Об этом, в частности, свидетельствует его переписка с известным фольклористом Ю. М. Соколовым. Профессор Соколов писал в письме Старцеву, датированном 12 мая 1935 г., о научных изданиях (приведу фрагмент): «...С литературой ... хуже. Мой новый курс еще не вышел — я не успел еще закончить, хотя в программах уже он упоминается... Старый курс мой и брата Бор. Матв. давным-давно разошелся и стал библ. редкостью.

«Худ. фольклор» изредка встречался у букинистов. Я Вашу заявку передам в магазин писателей (ул. Горького, лавка Союза Сов. Писателей), но не надеюсь, чтобы скоро журнал рассылали.

Если что подходящее подвернется, скажу, чтобы Вам выслали. Надо Вам или самому приехать в Москву за литературой (походить по магазинам), либо кого-нибудь из понимающих людей прислать.

Пож. (Пожалуйста — *авт.*), сообщите мне (как зам. председателя фолькл. секции Союза Советских Писателей и как одному из организа-

торов фолькл. тома в издании «Людей пятилетки»), что у Вас в Области (Коми — *авт.*) делается сейчас по собиранию, изучению, изданию и преподаванию фольклора.

Буду стараться оказать Вам помощь, в чем сумею.

Ваш Юрий Соколов.

Москва, ... Историч. музей... Проф. Юр. Матв. Соколов» (2, л. 21—22).

Г. А. Старцев в рамках коми фольклористики 1920—1930 годов выделял ряд направлений — «этнографическое направление в изучении коми фольклора», «лингвистическое направление в изучении коми фольклора» и прочие (4, л. 5). Им, в частности, составлялась история изучения коми фольклора, определялась роль русских, финских, венгерских ученых в изучении коми культуры, выделялись и исследовались традиции в исследовательской работе (в XIX — нач. XX вв.).

Исследователи, в частности, особо не выделяя его ряд «описательных» работ, дают следующую оценку его научной деятельности:

«... Ценность его (Г. Старцева — *авт.*) лучших работ — книг «Самоеды» и «Остяки» в том, что они одними из первых в советской этнографии дали довольно подробное описание этих народов. Многие из приводимых сведений, собранных в экспедициях, полученных из бесед со студентами, представляют интерес и в настоящее время»,— и далее: «...Нельзя не отметить и то, что Старцевым написан первый в советское время очерк по этнографии коми. Нужда в такой книге была велика, если учесть, что до революции по этнографии коми на русском языке была издана всего одна обобщающая работа — «Зыряне и зырянский край» Клавдия Попова в 1874 году. Не случайно Старцев использовал свою книгу как учебное пособие, когда ... читал лекции в Коми педагогическом институте» (1, с. 248—249).

Уже отмечалось о научно-методической, преподавательской деятельности Г. А. Старцева. Также упоминается его организаторская и собирательская деятельность, в частности, в период работы в Сыктывкарском историко-краеведческом музее (1, с. 250-251; 8, с. 13, 25).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Рогачев М. Б.* Забытое имя // Они любили край родной. Сост. И. Жеребцов. Сыктывкар, 1993.
2. ЦГА Республики Коми, ф. 961, оп. 1, д. 1.
3. ЦГА Республики Коми, ф. 961, оп. 1, д. 3.
4. ЦГА Республики Коми, ф. 961, оп. 1, д. 8.
5. Архив Российской АН (Санкт-Петербург), ф. 135, оп. 2, д. 261.
6. Архив Российской АН (Санкт-Петербург), ф. 250, оп. 5, д. 75.
7. ЦГА Республики Коми, ф. 961, оп. 1, д. 7.
8. Научный поиск продолжается. Сост. И. Жеребцов, Ю. Шабаев. Сыктывкар, 1995.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: Н. Н. АГАФОНОВА, А. М. БЕЛАВИН, Н. Б. КРЫЛАСОВА. Страницы истории земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века (учебное пособие). Пермь: Книжный мир, 1996. 176 с.; ил.

Книга трех пермских авторов — историка Н. Н. Агафоновой, археолога А. М. Белавина и этнографа Н. Б. Крыласовой — вышла в свет в серии «Страницы истории земли Пермской», предпринятой издательством «Книжный мир» по заказу Администрации Пермской области, и рекомендована в качестве учебника для средней школы. Она адресована также всем тем, кто интересуется историей, археологией, этнографией Прикамья. Авторы не стремились рассказать о всех периодах жизни человека в Верхнем Прикамье, сознавая непосильность выполнения этой задачи в одной книге, поэтому не случайно ими выбран очерковый стиль повествования.

В этих очерках в сжатой, но доступной форме повествуется о первоначальном заселении края в каменном веке, формировании коренного финно-угорского населения Прикамья, появлении здесь татар и башкир и приходе русских. В книге отражены взаимоотношения древних пермяков — страны Вису — с Волжской Булгарией и Русью, говорится о возникновении одного из последних русских удельных княжеств — Перми Великой, сложении уникальной феодальной вотчины России — вотчины именитых людей Строгановых, сибирском походе Ермака. Мы узнаем, откуда пошло выражение «пермяки — солёны уши», связанное с историей уральского солеварения, познакомимся со становлением на Западном Урале горнорудной и металлургической промышленности, побываем в крестьянской горнице. Авторы постарались заострить внимание на наиболее ярких страницах истории этого самобытного края, уделив особое внимание средневековью. Книга с любовью сопровождена прекрасно выполненными, информативными и доходчивыми иллюстрациями.

Написать хорошую научно-популярную книгу — задача, пожалуй, более сложная, чем создание сугубо научного труда, и опыт показывает, что не каждому она по плечу. Прежде всего, вследствие высоких требований к сочинениям такого рода: их авторы должны быть действительно специалистами в своей области знания; эти книги, рассчитанные на мас-

сового читателя, должны быть достоверны с точки зрения подачи материалов, фактов, событий; в них должны найти отражение новейшие достижения науки, переданные ясным, выверенным и доступным языком; столь же безукоризненны должны быть стиль, композиция и оформление работы. При несоблюдении этих условий лучше не браться за перо и не дискредитировать сам жанр научно-популярных изданий.

В последние годы в Волго-Уралье издается все больше научно-популярных книг и учебных пособий, и это хорошая примета нашего времени. Среди них немало интересных и полезных работ [1—8], но немало и откровенно недоброкачественной литературы [9—11]. Книга Агафоновой, Белавина и Крыласовой является, несомненно, и полезной, и интересной и, надеемся, станет хорошим учебным пособием по родиноведению и выполнит свою важнейшую задачу — подтолкнет школьников и всех интересующихся археологией, историей и этнографией земли Пермской к самостоятельному осмыслению полученных знаний. Этому должны способствовать вопросы и рекомендуемая литература, заключающие каждую главу.

Особенно удачны, на наш взгляд, главы 3—8, вводная и заключительная части, а также приложения. Эти разделы являются, как правило, подлинными авторскими текстами: базой для них стали собственные научные разработки авторов, а также специальная литература, что позволило ввести в краеведческий материал значительное количество новой информации, отсутствующей в уже имеющихся учебниках. В то же время в предисловии хотелось бы увидеть более четкие современные определения археологии, истории и этнографии. Здесь сделана попытка охарактеризовать археологические методы исследований, но даже не названы методы собственно исторической науки и этнографии (этнологии). Содержание ряда вспомогательных исторических дисциплин раскрыто в тексте (нумизматика, геральдика), а об отмеченной там же генеалогии нужно смотреть в «Словаре незнакомых слов». Думается, у многих школьников исчезнет желание заниматься историей, после того как в предисловии ими будет прочитано следующее: «А рабочее место историка — письменный стол, заваленный пыльными архивными бумагами» (с. 6) и «У историка рабочее место — стол в архиве» (с. 11). Предисловию недостает и четкого пояснения о границах региона: «обыденное представление» о Верхнем Прикамье отличается от определения географов. Авторы оперируют понятиями «Верхнее Прикамье», «Прикамье», «Пермская область», «Пермский край», «Земля Пермская», «Западный Урал», и вряд ли все они являются синонимами. Нет четкости и с хронологическими рамками: в подзаголовке книги указано «с древнейших времен до начала XVIII в.», в самом же тексте речь не только о XVIII в., но немало свидетельств и по XIX в.

А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова показали себя знатоками древностей, истории и культуры Пермского края в IV—XIV вв. Повествование об эпохе великого переселения народов и его роли в судьбах населения

Прикамья вводит юного читателя в мир раннего средневековья. Характеристика ломоватовской, неволинской и родановской культур, отождествляемых с пермскими народами, отражает новейшие достижения археологической науки. С любовью и уважением к культуре предков вводят нас авторы в богатый духовный мир населения Прикамья в эпоху средневековья, оживляя своеобразные образы пермского звериного стиля и реконструируя пантеон языческих богов прапермян. А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова знакомят читателя с последними результатами своих научных изысканий. В ином свете, чем в прежней литературе, раскрыта тема «Волжская Булгария и Верхнее Прикамье», приоткрывшая глубокие и прочные связи пермских народов и волжских булгар.

В то же время в повествование вкрались ошибки и неточности. Так, при характеристике Кунгурской лесостепи (с. 45) ее древность определяется II тыс. н. э., хотя по контексту просится другая дата — II тыс. до н. э. В IX—X вв. ломоватовские племена вряд ли могли поселиться вокруг булгарского города Джуке-Тау (с. 49); правильнее — в районе будущего города. Обряд почитания предка-медведя в виде так называемого медвежьего праздника был распространен у угорских народов Восточного Урала еще в начале XX в. [12], а не до конца XV в. Напомним, что В. Н. Чернецов в конце 50-х годов снял документальный фильм о медвежьем празднике у манси [13, с.8]. Говоря об установлении торгово-обменных связей Прикамья с Ираном в VII—IX вв. (с. 56), необходима оговорка: прямой транзит товаров вряд ли был возможен без посредников. Вряд ли правомерно рассматривать миграции родановцев в Северное Приуралье и Нижнее Приобье как уход от конфликтов на основной территории расселения (с. 62). Освоение нового жизненного пространства могло быть обусловлено ростом народонаселения, поисками лучших угодий для охоты и рыбной ловли, необходимостью создания торговых факторий и форпостов. Весьма проблематично связывать появление пашенного земледелия в Приуралье с носителями азелинской культуры (с. 63). Археологические исследования последних десятилетий показали, что начало пашенного земледелия связано в крае с именьковской культурой, население которой освоило черноземы Закамья и способствовало появлению в азелинской и мазунинской среде новых — более совершенных — земледельческих орудий. Неверно называть родановское бронзолитейное ремесло частью ювелирного искусства (с. 65): связь здесь обратная. Что же касается утверждения об использовании родановцами литья в односторонние литейные формы, то речь идет о двусторонних формах, но с негативом лишь на одной матрице. Не соответствует действительности и утверждение о снабжении прикамскими бронзолитейщиками слитками олова булгарских ювелиров (с. 66). Медными — вполне возможно, однако на Урале не известно никаких следов добычи олова ни в древности, ни в средневековье. И все же, несмотря на эти замечания, главы 3—4 являются несомненно удачными и заслуживают высокой оценки.

Столь же высокой оценки заслуживают и главы 5—8, повествующие, прежде всего, о «культуре повседневности» населения Пермского края в XVII—XIX вв., однако и они требуют некоторой редакторской правки. Н. Н. Агафоновой следует обратить внимание на выделенные ею несколько этапов в формировании народного жилища в Прикамье (с. 141) и несоответствие этой посылки с дальнейшим изложением. Выражения «украшать... бранным ткачеством» (с. 150), «популярностью... пользовались изделия из сдобного хлеба» (с. 147) и «от конца бревна вырубали чашу, в нее вкладывали ряд бревен — венец...» (с. 142) искажают фактическое существо дела.

Больше всего нареканий вызывают главы 1—2, написанные А. М. Белавиным. Предмет разговора в этих разделах лежит вне сферы прямых научных интересов автора, поэтому естественно, что предложенные нам тексты являются переложением, пересказом чьих-то других текстов и идей. В таких случаях необходима особая тщательность и деликатность, что, к сожалению, Белавину удалось не в полной мере, несмотря на старания. Приходится сожалеть, что с рукописью этих глав не были ознакомлены специалисты-первобытники. Книга бы от этого только выиграла.

Сначала о некоторых замечаниях общего характера. Автор вводит читателя в заблуждение рассуждениями о т. н. «неолитической революции» и производящей экономике (с. 24—26). К таежному Прикамью, сохранявшему в неолите и т. н. энеолите (или квазиэнеолите) традиционный уклад комплексного охотничье-рыболовческого хозяйства, «неолитическая революция» имеет весьма косвенное отношение. Этот термин применим, прежде всего, к культурам ранних земледельцев и скотоводов южной половины Евразии, в которых доминантой жизнедеятельности стала именно производящая экономика. Нет никаких серийных данных о разведении одомашненной свиньи в таежных неолитических культурах (см. рис. 9). Единичные кости диких или домашних свиней морфологически не берутся различить даже специалисты. Другое дело, если бы эти остатки сопровождались хотя бы костями крупного рогатого скота, тогда бы появились основания для таких далеких выводов, как это имело место при изучении памятников культуры накольчатой керамики в Марийском Поволжье [14]. А. М. Белавин в отличие от В. В. Никитина оперирует не фактами, а предположениями, но им не место в литературе, рассчитанной на широкого читателя.

Спорен тезис и о том, что в ананьинскую эпоху главной формой производящего хозяйства было разведение лошадей (с. 34). По данным палеозоолога А. Г. Петренко [15, с. 127—129], роль лошади в мясном питании ананьинского населения была действительно заметной, но не основной: крупный рогатый скот и свинья суммарно преобладают. Нет ни археологических, ни аналитических фактов для вывода о первоначальной обработке в Прикамье самородной меди в начале эпохи раннего металла (с. 30). Неясно, к каким источникам восходит утверждение о том, что берега Верхней Камы сложены медистым песчаником (с. 30). Гнездо-

вые скопления последних в осадочных отложениях пермского периода действительно охватывают обширные пространства в бассейнах Камы, Белой и среднего течения р. Урал, и А. М. Белавин является первым, кто в этом усомнился.

Один из авторов рецензии достаточно близко знаком с проблемой сейминско-турбинского феномена [16], и ему оставалось только удивляться изложенному на с. 32—33. Кто те «многие исследователи», утверждающие о том, что турбинское племя представляло собой переселенцев из Прибайкалья и Алтая? С этими регионами связаны слагаемые изначального импульса этого транскультурного феномена, но не сама миграция. Не надо искать в книге Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых и даты достижения турбинцами берегов Балтики — XI—X вв. до н. э. Её там попросту нет. Как нет и утверждения о распространении турбинцами технологии получения меди и бронзы, техники металлообработки и производящего хозяйства в виде коневодства. Напротив, в книге неоднократно обращалось внимание на своеобразный стереотип поведения сейминско-турбинских популяций: они охотно включают в свою культуру многие чужеродные для себя элементы иных культур, в то же время стараются ничего или фактически ничего из своих основных достижений (оружие, сплавы, технология) во время этих контактов другим не передавать. Пройдет два-три столетия, пока лесные народы Северной Евразии воспримут технологию сейминско-турбинского производства. К чему писать о том, что О. Н. Бадер считал турбинцев финно-уграми, ведь в понятие турбинской культуры он вкладывал совсем другое содержание.

Ряд фактов, изложенных А. М. Белавиным, даже не требуют проверки: они недостоверны. Приведем лишь некоторые из них. Украшающая Пермский музей статуэтка бога Амона поступила сюда в 1918 г. и, действительно, происходит с Конецгорского селища. А. В. Шмидт посвятил ей специальную статью [16]. Но раскопки А. В. Збруевой (с. 35—36) не имеют к этой находке никакого отношения. Известная стела с изображением воина из Ананьинского могильника не могла стоять над самым богатым погребением этого некрополя (с. 36), поскольку К. И. Невоструев, приобретший стелу для Исторического музея, увидел ее впервые во дворе крестьянина д. Ананьино [17, с. 89]. В. Н. Марков вообще видит в ней подделку. Вряд ли заслуживает Геродот чести называть тиссагетов скифским племенем (с. 37). Достаточно обратиться к первоисточнику. Остается бездоказательной фразой утверждение А. М. Белавина об импорте серебряных изделий из Ирана в Прикамье в раннем железном веке. Таких изделий попросту нет. А. М. Белавин имел, по-видимому, в виду обломок ахеменидской чаши из Зуевского могильника [18, табл. III, 2], но она отнюдь не серебряная, а бронзовая.

Некоторые посылки, термины и факты требуют исправления в последующих изданиях книги. Таковы термины «камская археологическая культура» эпохи мезолита и «камская неолитическая культура» эпохи нео-

лита (с. 24), утверждение о связи плоскодонной посуды с появлением мебели, полок в жилищах наших предков (с. 31). Вряд ли удачно выражение «сытая оседлая жизнь» (с. 25) применительно к неолиту. Оседлая — да, но у каждой эпохи свои критерии сытости. Функция ушек у кельтов, наконечников копий бронзового и раннего железного веков вряд ли была сугубо утилитарной — для крепления (с. 32—33). Есть немало этнографических и эпических данных, свидетельствующих о другом: ушки служили для привязывания каких-либо символических знаков, фетишей, оберегов и т. п. Топоры-кельты крепились не только на цельноизогнутой коленчатой рукояти (с. 32), но и составной, как свидетельствуют археологические данные [19]. Территория ананьинской общности, несмотря на обширность, не могла существовать в нескольких климатических и ландшафтных зонах (с. 25). Существовать могло общество, популяция, но не территория. С распадом ананьинской общности связан распад единства не древней финской языковой общности (с. 38), а правильнее — волжско-пермской. Изображение налобного венчика (рис. 15) не имеет отношения к ананьинским древностям Прикамья — это украшение из средневолжского Старшего Ахмыловского могильника. И последнее замечание касается упоминания имен тех или иных исследователей, с которыми познакомились читатели: все они достойны упоминания. Тем более вызывает удивление частый словесный «камуфляж» — «некоторые исследователи», словно А. М. Белавин стыдится назвать имена выдающихся российских археологов С. А. Семенова, Е. Н. Черных, А. Х. Халикова и др. (с. 26, 31, 37).

Подводя итоги, необходимо приветствовать инициативу Администрации Пермской области, задумавшей серию «Страницы истории земли Пермской». Рецензируемая книга достойно ее открывает и, уверены, будет хорошим учебным пособием. Как видим, она не лишена недостатков, упущений, и мы считали своим профессиональным долгом указать на них, надеясь, что последующие издания книги от этого только выиграют.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Халиков А. Х.* Кто мы — булгары или татары? Кем без — болгарлармы, татарлармы? Казань — Казан, 1992.

2. *Напольских В. В.* Как Вукузе стал создателем суши: Удмуртский миф о сотворении земли и древнейшая история народов Евразии: (Научно-популярное сочинение). Ижевск, 1993.

3. *Иванова М. Г.* Истоки удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 1994.

4. *Иванов В. А.* Откуда ты, мой предок: (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). СПб.: ТОО «Грань» — УНЦ РАН, 1994.

5. Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург: Волот, 1995.

6. *Морозов В. М., Пархимович С. Г., Шашков А. Т.* Очерки истории Коды. Екатеринбург: Волот, 1995.

7. *Матвеева Н. П., Матвеев А. В., Зах А. В.* Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям. Тюмень, 1994.

8. *Сусой Е. Г.* Из глубины веков. Тюмень, 1994.
9. *Патрушев В. С.* Финно-угры России (II тыс. до н. э.— II тыс. н. э.). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992.
10. Археология Южного Урала (курс лекций). Стерлитамак, 1992.
11. Древние народы и города Поволжья: (Научно-популярное издание). Пенза, 1995.
12. *Чернецов В. Н.* Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем // Congressus secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Helsinki 23—28. VIII.1965. Pars II. Acta ethnologica. Helsinki, 1968.
13. *Лукина Н. В.* Предисловие // [Чернецов В. Н.] Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1987.
14. *Никитин В. В.* Каменный век Марийского края // ТМАЭ. 1996. Т. III.
15. *Петренко А. Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984.
16. *Шмидт А. В.* Древний Восток и Русский Север // Новый Восток. 1926. № 4.
17. *Марков В. Н.* Некоторые результаты исследования каменной стелы с изображением из Ананьинского могильника // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.
18. *Худяков М. Г.* Зуевский могильник // МГАИМК. 1933. Вып. 2.
19. *Патрушев В. С.* Кельты Старшего Ахмыловского могильника и их функциональное назначение // КСИА. 1971. Вып. 126.

Энесса Истомина, Нина Кокорина, Сергей Кузьминых
Москва

«Финно-угроведение», 1997, № 1.

Рец.: МИННИЯХМЕТОВА Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. Диссертация, представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности «этнология (этнография)»

В июне 1996 года в Уфе была защищена кандидатская диссертация Татьяны Гильмиахметовны Миннияхметовой «Календарные обряды закамских удмуртов».

Целью диссертационного исследования Т. Г. Миннияхметовой является изучение традиционных календарных обрядов и празднеств удмуртов Закамья (живущих в Башкирии и в Куединском районе Пермской области). Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XIX и XX век. Диссертант ставит перед собой задачи описания и анализа сохранившихся календарных обрядов и праздников, восстановления традиционного календаря закамских удмуртов, исследования семантики названий дней недели, месяцев, времен года, других природно-временных циклов; выявления следов влияния христианства и ислама на календарно-обрядовую жизнь закамских удмуртов; исследования масштабов и особенностей современного бытования обрядов среди закамских удмуртов и тенденций их развития.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. Введение содержит изложение целей и задач исследования, методики, историографический обзор. В I главе представлена структура закамско-удмуртского народного календаря в целом. Во II главе рассматривается комплекс обрядов, объединяемых автором под названием «летний цикл». III глава содержит описания обрядов «зимнего цикла». В IV главе анализируются термины, обозначающие отрезки времени различной протяженности, и дается перечень всех наименований месяцев, бытующих у закамских удмуртов. В заключении делаются небольшие выводы аналитического характера. Приложение представляет из себя таблицу, наглядно иллюстрирующую закамско-удмуртский ритуальный и фенологический календарь. Структура диссертации, таким образом, соответствует сформулированным во Введении целям работы и стандартным требованиям по оформлению диссертационных исследований.

Хотя, как это явствует из данной во Введении обстоятельной историографической сводки (следует отметить ее полноту), календарная обрядность удмуртов Башкирии и юга Пермской области так или иначе освеща-

лась в работах многих исследователей, на сегодняшний день не существует обобщающей работы по этой теме. Более того, с сожалением приходится констатировать, что нет сколько-нибудь серьезной, надежной и обстоятельной сводки по народному календарю и календарной обрядности удмуртов каких-либо других групп и — тем более — по удмуртам в целом. Следовательно, перед нами — первый опыт такого рода труда. Очень хорошо, что он посвящен описанию традиций одной локальной группы удмуртов (хотя и весьма крупной) — как показывает опыт, традиционные календарно-обрядовые циклы у разных групп удмуртов сильно различаются, и едва ли возможно говорить о существовании общеудмуртской традиции, представляющей собой нечто цельное, и, соответственно, не ясно, в чем состоят особенности, определяющие своеобразие удмуртской традиции среди календарных традиций соседних народов Восточной Европы. Поэтому следует приветствовать попытку автора описать традиции одной группы без преждевременных попыток «реконструкции» (точнее было бы сказать — «конструирования») некоей «общеудмуртской» традиции — тем самым может быть заложен первый кирпич в построение тезауруса традиционной удмуртской календарной обрядности в целом. Забегая вперед, скажу, что Т. Г. Минниахметовой удалось успешно решить эту задачу. Таким образом, научная актуальность и ценность диссертации не подлежат сомнению.

Содержание глав I—IV — подробное, основанное большей частью на полевых сборах автора (что определяет его научную новизну и оригинальность) описание календарных обрядов закамских удмуртов, их традиционной системы времяисчисления, фенологического календаря — является добротным систематическим сводом материалов, ранее не публиковавшихся или (в меньшей своей части) опубликованных в различных малодоступных изданиях. Т. Г. Минниахметовой, которая сама является носителем описываемой ею традиции, владеет закамскими удмуртскими диалектами, имеет большой опыт полевой работы среди удмуртов Башкирии и Пермской области, удалось систематизировать и представить читателю обширный и интереснейший корпус информации. Важно и отрадно, что она при этом остается в рамках этнографии в исконном и верном смысле термина, не пытаясь — за редкими и вполне простительными исключениями — пускаться в модные ныне пространные и бессмысленные рассуждения о «мифопоэтическом опыте тысячелетий», «экологии духа», «архаичных элементах картины мира», «дуальных оппозициях» и т. п. Содержимое глав I—IV следовало бы рекомендовать к скорейшей публикации, впрочем, автор в подобных рекомендациях не нуждается: солидный список печатных работ (13 названий статей и тезисов) в автореферате свидетельствует, что собираемые ею данные не оседают на полках архивов.

Менее удачна аналитическая часть работы. Здесь есть, видимо, необходимость сделать некоторые комментарии.

В первой главе диссертации имеется весьма разумное высказывание: *«главная же особенность закамских удмуртов, по всей вероятности, заклю-*

чается в том, что они, в массе своей, не были даже формально крещены. Благодаря этому, их духовную культуру можно рассматривать как результат особого развития дохристианской духовной культуры удмуртов» [с. 26]. Такая формулировка является весьма корректной и позволяет, в принципе, отойти от существующих и весьма распространенных стереотипов, согласно которым религиозно-мифологические системы некрещеных групп удмуртов (равно и марийцев и т. д.), объединяемые собирательным термином *язычество*, непременно представляют собой исключительно архаичные комплексы, сохраняющиеся в неизменном виде со времен допотопных (не случайно на страницах научной (!) литературы сплошь и рядом встречаются такие, например, дикие словосочетания как *финно-угорское язычество* — применительно не к реконструируемым элементам духовной культуры носителей финно-угорского праязыка, живших 5 и более тысяч лет назад, а к современным религиозным системам народов Восточной Европы!).

Такой подход делает честь автору. Жаль, однако, что ей не удалось придерживаться его последовательно, и в заключительной части диссертации мы находим уже иного рода пассажи: *«степень проникновения инородного влияния зависела не только от активности носителя другой культуры, но в первую очередь от самобытности и устойчивости своей культуры. Чем прочнее сохранялись в ней традиции язычества, тем ограниченнее было воздействие другой культуры»* [с. 161]. Здесь уже налицо восприятие *язычества* (см. выше) как явления, принципиально противостоящего всякому *«воздействию другой культуры»*, постулируется дилемма: либо язычество, либо влияние извне.

Естественно, на базе такого подхода выстраивается следующая цепочка рассуждений: поскольку закамские удмурты не крещены и не обращены в ислам — они *язычники*, поскольку они сохранили язычество — их духовная культура испытала минимальное влияние извне, поскольку их духовная культура, таким образом, архаична вообще, то и *«календарная обрядность закамских удмуртов почти не содержит инокультурных напластований, она сохранила в основе национальную специфику»* [с. 161]. Трудно было бы что-либо возразить по поводу столь скользкого определения как *«национальная специфика»*, но, к счастью (а также — и к чести и во спасение доброго имени автора, которая остается этнографом в лучшем смысле этого слова, и избегает общих мест и обтекаемых формулировок, предпочитая конкретику), этот вывод ниже уточняется применительно к христианству и исламу: *«следы влияния христианства на обрядовую сторону закамско-удмуртской культуры ощущаются редко и не повсеместно. Видимо, это объясняется тем, что с приходом в Закамье влияние этой религии удмурты уже не испытывали»* [с. 161]; *«ислам на закамских удмуртов в прослеживаемой достоверными источниками исторической ретроспективе оказал незначительное влияние, особенно на традиционно-обрядовую сферу культуры»* [с. 162].

В таком виде сделанный автором вывод прямо противоречит приводимому в диссертации материалу. В основе своей обстоятельно описан-

ный в рассматриваемой работе годовой обрядовый цикл закамских удмуртов (речь идет, подчеркну, именно о цикле, о способе годовой календарной организации обрядовой жизни, а не об особенностях конкретной ритуальной практики) является народно-христианским, на что указывает хотя бы простое перечисление основных точек этого цикла в сопоставлении с датами русского православного календаря: «старый» Новый год [с. 114] — Масленица [с. 118] — Великий день / Пасха и пасхальная неделя с Великим четвергом и пр. [с. 33] — Троица и Семик, «Земля-именинница» [с. 72]. Здесь совпадает буквально все — от приуроченности к определенной дате, счёта дней (см. еще ниже) до названий (чаще всего удмуртские названия представляют собой кальки с русского, иногда — прямые заимствования) и даже — хотя и не столь ярко и повсеместно — вплоть до подробностей обрядовых действ (см., например, описание обрядов выгона скота на пастбище на стр. 58—59, полностью совпадающих с обрядами Егорьева дня у русских).

Тем более очевидным становится народно-христианский характер рассматриваемой традиции, когда речь заходит о календаре: собственно говоря, закамские удмурты пользуются в своей календарной обрядовой практике нормальным юлианским календарем, все расхождения с которым объяснимы тем обстоятельством, что, не будучи формально крещены, они не посещали церковь (чаще всего таковой и не имелось в округе — тем более, если речь идет о советском времени), не читали церковной литературы и, естественно, не могли следовать православному календарю в точности, вследствие чего были выработаны свои способы счета дней, с сохранением в общем виде используемых в православии принципов (семь недель после первого в году новолуния — Масленица, семь недель после нее — Великий День, еще через семь недель — Троица, Семик, «Земля-именинница»).

Следует, впрочем, сказать, что Т. Г. Минниахметова в тексте диссертации отмечает использование юлианского календаря закамскими удмуртами и сходство их системы установления дат праздников с православной (*«старый юлианский календарь учитывается и не забывается»* [с. 27], см. также с. 30 и др.). Ее попытка называть народный календарь закамских удмуртов не *юлианским*, а *лунным* [с. 29 и др.] не может быть признана удачной: как пишет она сама в четвертой главе, удмуртский *«месяц состоял из неопределенного количества дней»* [с. 133]. Говорить о существовании *лунного календаря* при отсутствии в традиции представления о его основе — *лунном месяце* (то есть — определенном количестве суток, соответствующем полному лунному циклу) никак нельзя (см. ниже о возможном влиянии мусульманского лунного календаря на систему счета дней закамских удмуртов).

Примерно так же обстоит дело и с влиянием ислама. Безусловно мусульманское происхождение имеют представления закамских удмуртов о неделе [с. 29, 34, 128-], на что указывает, во-первых, происхождение удм. *ария* «неделя» < чуваш. *эрне* «неделя» < перс. *ādīne* «пятница», во-вторых

— почитание пятницы как праздничного, главного на неделе дня (закамск. удм. *ария пунал* «пятница», букв. «недельный день» является калькой с названия пятницы в тюркских языках Поволжья: тат. *атна көн*, чув. *эрне кун* и т. д. и соответствует исконному значению перс. *ādīne* «пятница».

На стр. 131 имеется невнятное упоминание о *«переходе на семидневную неделю под влиянием христианства»*. Что здесь имеется в виду, автор не пояснила, если она всерьез предполагает былое существование у закамских удмуртов *шесемидневной* (пятидневной — ?) *недели* (в пределах Евразии, насколько мне известно, это был бы уникальный феномен), это следовало бы хоть как-то обосновать. Почитание пятницы как главного дня в данном случае ничего не значит: мусульманская неделя, естественно, тоже семидневная.

Весьма вероятно, что влиянием мусульманского лунного календаря объясняется отсчет недель от Нового года до Масленицы и далее от первого новолуния в году.

Говоря о происхождении культа *керемета* у удмуртов [с. 89—90] — явно имеющего мусульманское (точнее было бы сказать *«народно-мусульманское»*, по аналогии с *народным христианством*) происхождение — автор приводит нелепую этимологию из работы более чем столетней давности (*«слово это еврейского происхождения и означает местность, огороженную или имеющую деревья — сад»*), между тем происхождение этого слова в языках Поволжья и Приуралья не представляет проблемы, оно происходит, в конечном счете (через тюркское посредство) от араб. *karāmat* «чудо, сверхъестественная сила святого».

Теперь можно было бы ограничиться стандартной фразой о том, что сделанные замечания не умаляют научной ценности диссертации и т. д.— тем более, что это действительно так — тем не менее хочу сказать о другом, а именно: сделанные выше *наблюдения* (так, пожалуй, точнее, чем *замечания*) стали возможны благодаря проделанной Т. Г. Минниахметовой огромной работе по сбору и систематизации интереснейшего материала по календарным обрядам закамских удмуртов, представляющей собой первый опыт такого рода исследования в удмуртоведении. В связи с этим хотелось бы просить автора, переработав, а, может быть, и просто устранив мало значащую часть диссертации, содержащую обсужденные выше выводы, как можно скорее подготовить свой труд к печати, а всех, от кого это может зависеть,— способствовать его публикации. Значимость такой книги выходила бы далеко за рамки науки об удмуртах, поскольку, как я попытался показать выше, в лице традиционного обрядового календаря закамских удмуртов мы имеем одно из звеньев в цепи своеобразнейших феноменов, возникших в результате взаимодействия народно-христианских, мусульманских и локальных «языческих» традиций, протянувшейся от крайнего запада Европы до Урала, и заходящей отчасти и в Сибирь.

Владимир Напольских
Ижевск

Рец.: ГЛУХОВА Н. Н. Структура и стиль текстов марийских заговоров. Йошкар-Ола, 1996.—112 с.

В последние годы значительно возрос интерес к самобытной духовной культуре финно-угорских народов, особенностям их языков. Рецензируемая монография является первой попыткой многоаспектного описания текстов устного народного творчества мари — заговоров.

Оригинальные тексты заговоров хранят в себе разностороннюю информацию исторического, философского, социального, психологического характера. В центре внимания данной работы находится лингвистический аспект текстов.

Работа состоит из предисловия, введения, двух основных разделов и заключения. Структура монографии дает возможность познакомиться с двумя важными компонентами любого текста — его структурой и стилем.

Методы, используемые в книге, позволяют глубоко описать текстовую структуру заговоров, соотношение композиционных частей и их взаимодействие, а также дать подробный анализ стилистических особенностей.

При написании монографии автор исследовал 500 текстов из различных источников, что позволяет с уверенностью говорить о достоверности полученных результатов.

В связи с тем, что рецензируемая монография является первым опытом системного описания фольклорных текстов в марийском языкознании, во введении автор рассматривает необходимые для лингвостилистического анализа основные положения общей теории текста. Внимание уделяется таким характеристикам текста, как композиция, информативность, особенности стиля. Кроме того, предлагается классификация заговоров с учетом их прагматических установок. Автор выделяет 6 групп заговорных текстов.

В первом разделе работы представлено описание основных принципов композиции заговоров, их соотношение в текстах с различными прагматическими установками. При этом автор уделяет большое внимание выявлению специфики фонологического стилистического средства текстов, которое считается ведущим в создании композиционной упорядоченности. В работе к нему относится ритм. Достаточно подробно описываются выразительные средства синтаксического уровня.

В работе апробируется новая оригинальная методика исследования ритма — геометрическая интерпретация, предполагающая графическое представление ритмической структуры текстов.

Во втором разделе работы автор предлагает таксономию маркеров стиля, иллюстрируя их использование многочисленными примерами из заговоров. Анализ стиля не ограничивается простым описанием стилистических приемов, так как в работе используется численный метод количественного анализа стиля. Метод используется для построения круговой секторной диаграммы, которая дает возможность наглядно представить соотношение выразительных и образных средств в изучаемых фольклорных текстах.

В результате исследования автор приходит к заключению о том, что марийские заговоры состоят из отдельных взаимосвязанных частей, богаты различными выразительными и образными средствами, использование которых упорядочено и зависит от прагматической установки каждого текста. Заговор — это единое законченное целое с многофункциональным использованием стилистических средств. Стиль заговоров обусловлен особой системой отобранных и взаимозависимых выразительных средств и образных приемов.

К сожалению, надо также отметить и то, что автор уделяет неодинаковое внимание иллюстрациям композиционных принципов, в связи с чем наблюдается некоторая неравномерность в использовании отрывков-примеров из текстов.

Кроме того, ряду стилистических средств, которые считаются ведущими маркерами стиля жанра заговора (аллитерация, ассонанс, рифма) не уделено достаточно внимания: они рассматриваются лишь в связи с многофункциональным использованием других стилистических приемов.

Было бы неплохо, если в монографии было приложение с текстами, которые сам автор смог записать в полевых экспедициях.

Вышеупомянутые недостатки не умаляют ценности проведенного исследования. Рецензируемая работа позволяет значительно обогатить и углубить наши знания о марийском языке, его жанровых особенностях и богатом стилистическом потенциале.

Михаил Мосин
Саранск

Рец.: SEPPO LALLUKKA. Komipermjakit — perämaan kansa. Syrjätyminen, sulautuminen ja postkommunistinen murros / Venäjän ja Itä-Euroopan instituutti. Helsinki, 1995.—198 s.

В 1995 г. в Институте России и Восточной Европы г. Хельсинки на финском языке вышла монография доктора философии, известного этнолога Сеппо Лаллукки под названием «Коми-пермяки — народ окраинной земли. Периферизация, ассимиляция и посткоммунистический перелом». Любому носителю финского языка название покажется двузначным, т. к. слово *perämaa* означает в одном случае «окраинная дальняя земля», в другом случае оно рассматривается как историческое название восточно-европейских земель, откуда, по мнению многих историков языка, произошел и традиционно наиболее древний этноним коми *Пермь*, а также в дальнейшем географическое наименование. Уже в самом названии коренится положение о коми-пермяках как народе Пермского края, далекой, окраинной земли. Как пишет автор в предисловии, обратиться к исследованию коми-пермяков его побудили новые возможности для зарубежных исследователей, открывшиеся в последнем десятилетии. Далее он пишет, что эта книга не родилась бы без тесных контактов с российскими коллегами, прежде всего с этнографами Института языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН, главным образом с Ю. П. Шабаевым. Благодарность выражает также кудымкарским коллегам В. Дерябину, А. Коньшину, Г. Мальцеву и Л. Никитиной, вместе с которыми летом 1992 г. были проведены исследования на территории Коми-Пермяцкого автономного округа.

Рассматриваемая монография состоит из 6 разновеликих частей, ссылочного аппарата, списка использованной литературы и указателя имен, упоминаемых в тексте работы.

Первая часть носит характер экскурса в тему исследования, даны общие сведения о коми-пермяках, их численности по переписи 1989 г. (152100 человек), об округе как низшей единице в иерархии национально-государственных образований в бывшем СССР. Отмечено, что у современных коми-пермяков, как и у многих других народов Российской Федерации, наблюдается множественная самоидентификация: и как коми-пермяков, и как россиян или даже как русских. Это положение сложилось как в силу причин исторического характера, так и как результат разрушительной политики в отношении культуры и языка коми-пермяков. В целом дан-

ная часть работы очень важна для финноязычного читателя, который имеет достаточно смутные представления об изучаемом дальнеродственном восточном народе — коми-пермяках.

Вторая глава монографии имеет обобщающе-теоретический характер и называется «Родина, периферия национальных меньшинств и политизация этничности». В ней рассмотрены вопросы определения родины, этнотерритории в советской политической литературе и очерчены особенности советского федерализма, который сохраняется также в российском федерализме, т. е. иерархия национально-государственных образований осталась прежней. Далее автор прослеживает основные черты периферии, к которым относит 1) зависимость от центра во всех жизненно важных отношениях, 2) экономическая отсталость, однобокость развития экономики и ее сырьедобывающая направленность, 3) культурная маргинальность, ее несамостоятельность и слабость. К этому добавляется также географическая удаленность и особый периферийный или провинциальный идентитет. Коми-пермяцкий округ, по мнению С. Лаллукки, по всем особенностям подходит по типу периферий к внешней колонии, по классификации западноевропейских этнологов С. Роккана и Д. Урвина. Затем расшифрована модель внутреннего колониализма, по теории М. Гоктера, применительно к Коми-пермяцкому округу внутри Пермской области и шире, внутри Российской Федерации. Главу завершает обзор о политизации проблем периферий проживания национальных меньшинств как современной тенденции развития во многих странах Европы. Обсуждены факторы, обуславливающие национальную и региональную мобилизацию, которая происходит и в России как следствие и результат посткоммунистического перелома.

3 глава целиком посвящена истории коми-пермяков и соответствующего региона и имеет название «Узлы истории подчинения». Необходимо отметить, что в финноязычной литературе это первый опыт подробного изложения истории коми-пермяков от легенд о чуди до наших дней. Автор проработал всю наличную опубликованную историко-этнографическую и лингвистическую литературу и построил свое изложение в 3 частях. В первом разделе «от Перми Великой до Коми края в Пермской губернии» описаны исторические события и процессы, предшествовавшие созданию округа: присоединение к Московскому княжеству, колонизация земель и присоединение Сибири, рост вотчин графа Строганова и развитие крепостничества, развитие сырьедобывающей промышленности в крае и становление его как окраины индустриального Урала. Автор констатирует, что Коми-Пермяцкий край много столетий был окраинной периферией, что вызвало его сильную отсталость. Специальный подраздел посвящен стереотипам в оценке русскими коми-пермяков как народа низшей расы, что отражено в дореволюционной краеведческой литературе. Второй подраздел называется «Автономный округ — внутренняя советская колония». В ней изложены события, предшествовавшие созданию ок-

руга, усилия коми-зырян и пермяков по объединению в одну административную единицу, кратко охарактеризовано формирование экономики округа и трудности в лесной отрасли и сельском хозяйстве, переживаемые сегодня. Впечатляет параграф, посвященный процессу периферизации округа, который повлек за собой и ухудшение бытовых условий проживания в нем. Все это подтверждено многими числовыми данными. Экономический кризис повлек за собой и рост алкоголизации населения, самоубийств и уровня смертности среди коми-пермяков. Третий подраздел имеет заголовок «Язык и культура. Обрусение, комизация, маргинализация». В ней даны подробные сведения о первых памятниках коми-пермяцкой письменности, о вкладе школы Н. Ильминского в воспитание коми-пермяцкого учительства во 2 половине XIX в. Интересно, что типовые буквари для школ на коми-пермяцком языке появились на рубеже веков, т. е. раньше, чем на зырянском языке. 20-е годы для культуры округа автор называет периодом расцвета, что вполне объективно. Показана роль коми-зырянской культуры в оказании помощи и поддержке первым коми-пермяцким писателям в издании учебников и художественной литературы, в языковом строительстве и т. д. На конкретных данных показаны далее процессы отката (сокращение числа национальных школ, числа учащихся, занимающихся по национальной программе). Эту главу заключает раздел о печатном слове на коми-пермяцком языке, где рассмотрены процессы развития книгопечатания, изменения тиражей книг в разные периоды. Подчеркнуто почти полное отсутствие периодики на коми-пермяцком языке. Лишь 5 лет назад начал выходить детский журнал «Силькан». Единственная окружная газета «Парма» выходит на русском языке, эпизодически публикуя отдельные странички по коми. Тем не менее определенные изменения есть и в этом деле: начали подготавливать теле- и радиопередачи на коми-пермяцком языке. Однако в целом уровень функционирования коми-пермяцкого языка очень низкий, что показал автор на многочисленных примерах и в мастерски созданных графиках и диаграммах.

Четвертая глава под названием «Регион, население и язык» состоит также из трех частей. Первый подраздел посвящен демографическому исследованию населения округа в целом, безотносительно к национальному составу жителей. Выявлены типы населенных пунктов, их величина и концентрация. Так, из всего населения округа 60% сосредоточено в южной ее части, на 1/4 площади края. Далее рассмотрены миграционные процессы. Если в 50-е годы население округа росло за счет притока рабочей силы в лесные поселки, то за 1959—89 гг. население сократилось на 33%, в то время как число жителей области в целом возросло. Жители округа выезжали в основном в города Пермской области, где есть лучшие условия для жизни. Теперь население округа составляет около 160000 человек, на рубеже 50—60 гг. было 230000 человек. Половозрастная структура населения округа перекошена, соотношение женского и мужского

населения в разных возрастах асимметричное, что также является следствием многих демографических потерь (выездом женщин 20—29 и 30—39 лет за пределы округа и т. д.). В последние десятилетия наметилась тенденция и к старению населения, сократилась рождаемость и увеличилась смертность, особенно мужская. Второй подраздел 4 главы посвящен анализу региональной основы коми-пермяцкого идентитета. На основе данных переписей населения разных лет и других статистических данных автор прослеживает изменения в количестве коми-пермяков. Этот этнос пережил множество глобальных трагедий: голод, войны, коллективизацию, из-за чего количество коми-пермяков в округе постоянно сокращалось, а рост общего их количества замедлился почти до нулевого, главным образом по причине ассимиляции. Далее автор подробно освещает такие вопросы, как национальный состав жителей округа, межэтнические границы, концентрация коми-пермяков в разных районах, а также описаны наиболее значительные группы коми-пермяцкой диаспоры (язьвинцы, зюзьдинцы, группы коми-пермяков в Перми, Березниках, Чердыни). Подробнейшим образом раскрыта половозрастная структура коми-пермяков округа, анализ проведен по когортам (группам по возрасту), построены демографические пирамиды, позволяющие наглядно сравнить половозрастную структуру коми-пермяков с подобными показателями у населения области. В целом методика и ход анализа материала те же, что и были в более ранней монографии С. Лаллукки о восточных финно-угорских меньшинствах, изданной в Хельсинки в 1990 г. На основе анализа распространенности смешанных браков и предыдущего рассмотрения коми-пермяков по когортам автор выявляет уровень ассимиляции в период с 1959 по 1989 г. Третий подраздел 4 главы «Разрушительное двуязычие» раскрывает исторические связи коми-пермяцкого и русского языков, языковые навыки и предпочтения населения округа, данные о которых получены в результате массового опроса летом 1992 г. Анализ проведен также по когортам, выявлены языковые комбинации четырех групп коми-пермяков: национальных монолингвов, не ассимилированных билингвов и ассимилированных билингвов и ассимилированных монолингвов, назвавших себя коми-пермяками. Выявлено употребление коми языка в городе и на селе в разных сферах общения. В заключении к главе автор говорит, что несмотря на слабую урбанизацию края и абсолютное большинство коми-пермяцкого населения в округе, будущее коми языка под угрозой, язык диаспор находится еще в гораздо худших условиях. Ассимиляция активно идет в городах и поселках городского типа и райцентрах, особенно в северной части округа. Вторая тревожная тема — молодежь, точнее ее отторжение от родного языка, что связано с переходом на русский язык как язык социального и профессионального роста, язык более высокой культуры. Коми-пермяцкий язык удерживает твердые позиции лишь в обширном сельском регионе на юге округа, вокруг столицы Кудымкара.

Пятая глава носит название «Проблемы периферии национального меньшинства в открытых дискуссиях начала 90-х гг.», где автор дает картину общественной полемики по различным вопросам на основе публикаций в окружной газете «Парма». Вначале обсужден вопрос о росте общественной активности и этнорегиональной мобилизации вообще в Российской Федерации и финно-угорских регионах в частности. Дан обстоятельный обзор важнейшим публикациям, рассматривающим статус округа, политическую обстановку и экономику края, проблемы природопользования. Читатель обнаружит и полемику по поводу плана строительства атомной электростанции на территории округа. Проблемы языка и культуры обсуждались на страницах газеты и на многих собраниях, конференциях общества «Югӧр», однако, как утверждает автор, вопросы языка не были в округе предметом всеобщего внимания и подробного обсуждения.

Шестая часть содержит выводы и заключение по монографии в целом. Автор подчеркивает, что вся сложность этнического развития коми-пермяков имеет определенные исторические причины и напрямую связана с периферизацией округа со всеми вытекающими отсюда последствиями. Из-за удаленности, окраинности и всеобщей зависимости от одного центра округ можно характеризовать как внешнюю периферию. По уровню ассимиляции коми-пермяки схожи с мордвой и российскими карелами, в округе ни само население, ни руководство не обеспокоены вопросами сохранения языка. Коми-пермяки обладают неуверенным, шатким идентитетом в городских условиях. Этнорегиональная мобилизация находится на стадии зарождения. Выход из кризиса, по мнению автора, прямо зависит от общего положения в Российской Федерации. Одним из ключевых моментов может быть изменение связей округа, налаживание тесных связей с Республикой Коми и развитие торговли, информационного обмена с ней, т. е. нарушение односторонней зависимости от областного центра. Однозначно, что возможное выправление кризисного положения потребует много времени.

Работа С. Лаллукки является основательнейшим трудом в области исследования коми-пермяков, оно закрывает брешь в этом плане. Желательно также, чтобы эта книга увидела бы свет также и в переводе на русский язык, что сделало бы ее доступной и в Коми-Пермяцком автономном округе, да и в целом в России.

Евгений Цыпанов
Сыктывкар

Рец.: ЛАСЛО В. МОЛНАР. Русско-венгерские культурные связи (1750—1815 гг.) Йошкар-Ола: Стезя, 1994. 194 с.

Ласло Молнар — ведущий научный сотрудник Института всеобщего образования в Будапеште, известный венгерский историк, автор более 200 научных работ. В течение многих лет он занимался изучением русско-венгерских культурных связей (1750—1815 гг.). Итогом его большой работы стал выход книги, посвященной данной проблеме.

Монография Ласло Молнара — это без преувеличения большое событие в современной исторической науке. По существу монография известного венгерского историка — это первая крупная работа по истории русско-венгерских культурных контактов в 1750—1815 гг.

Автор проделал огромную работу по сбору и систематизации документов, связанных с историей культурных связей Венгрии и России. Сложность такой работы состояла в том, что документы по этой теме разбросаны по архивам ряда стран: Венгрии, Австрии, Сербии, России.

Монография Молнара состоит из введения, пяти глав, заключения, примечаний, списка использованных источников и литературы.

В вводной части книги автор обстоятельно знакомит читателя с источниками и литературой по данной теме, изданными на венгерском, латинском, русском, немецком языках.

Источники занимают особое место в работе Молнара, они весьма разнообразны по содержанию, и особенно важно, что многие из них впервые введены в научный оборот. Среди них: документы и заметки о деятельности венгерских медиков в России: Ф. Керестури, И. С. Орлаи, Х. Пекена; неизвестный проект сербского педагога Ф. И. Янковича о создании в России школы восточных языков и др.

Вторая глава работы Ласло Молнара освещает малоизвестные страницы деятельности венгерских врачей в России. Один из них Керестей (Христиан) Пекен был секретарем Петербургской Медицинской коллегии и автором первой книги по фармакологии России. Пекен сыграл большую роль в пропаганде борьбы с оспой в России. В 1766 году он выпустил книгу: «Способ, как сельским обывателям пользовать себя в оспе». В этой книге он подробно описывал методы лечения оспы в домашних условиях. Ласло Молнар, анализируя деятельность венгерских врачей в России, отмечает, «что в области культурных связей России и Венгрии самыми плодотворными были медицинские связи...» (с. 55).

В третьей главе автор обстоятельно освещает деятельность известного сербского педагога Ф. И. Янковича. Данная глава заслуживает большого внимания, т. к. в исторической литературе о Янковиче известно крайне мало. Собранный Молнаром материал о Янковиче несомненно обогащает наши знания о вкладе этого педагога в методику обучения чтению, письму, истории, в организацию школьного дела в России в период проведения школьной реформы 1786 года. Янкович прибыл в Россию в 1782 году по приглашению Екатерины II и находился здесь до самой смерти. Умер он в 1814 году.

Ласло Молнар отмечает большие заслуги Янковича на поприще народного образования в России. Так, Янкович был первым, кто предложил в школе свои методические принципы, состоящие из 5 пунктов: 1) совместная работа; 2) совместное чтение; 3) изображение инициалами; 4) применение таблиц; 5) опрос (с. 75—76).

«Эти методические принципы сыграли большую положительную роль в преобразовании русского школьного дела последних десятилетий XVIII в.»,— отмечает автор. По наблюдениям Л. Молнара, Янкович был автором 50 учебников, созданных специально для русских школ (с. 78—79).

В четвертой главе Молнар обращает внимание на впечатления русских путешественников, побывавших в Венгрии в разное время. Среди них В. Г. Барский, прибывший в Венгрию в 1724 году, А. И. Тургенев, совершивший поездку в Венгрию в 1804 году, и другие.

Записки русских авторов, побывавших в Венгрии, имеют важное значение для понимания политических событий, происходивших в тот период, традиций быта венгров. Более того,— замечает Ласло Молнар,— они описывают такие явления, которые венгерские источники часто даже не упоминают. Эти описания важны еще и потому, что иностранцы часто видят происходящее иначе, чем местное население (с. 104). В данной главе автор касается одного из интереснейших вопросов русско-венгерского культурного сотрудничества. Это распространение русских книг в Венгрии. По мнению Ласло Молнара, сейчас невозможно определить количество книг, привезенных из России в Венгрию в XVIII веке. Однако автор полагает, что речь идет о сотнях книг (с. 106). Особое значение приобрели русские книги среди сербского населения Венгрии, способствуя развитию национальной интеллигенции и проникновению идей просветительства в эти регионы (с. 108). Автор привел убедительные доказательства того, что большой успех имели работы М. В. Ломоносова, достаточно широко распространенные в Венгрии. Среди них «Краткий российский летописец с родословием», труды по электричеству, сочинения в стихах и в прозе (с. 112—113).

Последняя глава книги Молнара касается освещения русской культуры венгерской прессой на рубеже XVIII и XIX веков. В конце XVIII века венгерская пресса была представлена 18 газетами, почти половина из них была на венгерском языке. Венгерская печать обращала внимание на на-

учные достижения русских ученых в исследовании родственности языков и прародины венгров. В этом плане заслуживает внимания деятельность венгерского священника Яноша Молнара (1757—1818 гг.).

Янош Молнар хорошо знал труды известного русского ученого и путешественника И. И. Лепехина. В своей рукописи он знакомил венгерских читателей с новыми данными исследований И. И. Лепехина. Его внимание привлекли и данные о мордовской, чувашской и татарской народностях. Характерно, что он первым опубликовал в Венгрии текст на мордовском языке (молитву к солнцу) с надеждой найти в лексиконе народов Поволжья венгерские слова (с. 121).

В книге приведены интересные сведения и из венгерских газет о реформах Александра I в области высшего образования. В частности, сообщалось о плане создания университета в Дерпте (Тарту), о планах создания новых университетов (в том числе и Казанского).

«В общем и целом,— замечает автор монографии Ласло Молнар,— около 120 статей на венгерском языке были посвящены культурной жизни России в 1780—1815 годах», однако уровень информации венгерских читателей о России был в то время сравнительно не высок (с. 130).

Выход монографии Ласло Молнара несомненно является большим событием в современной исторической науке. Она, на мой взгляд, в значительной мере расширяет наши представления о русско-венгерских культурных связях.

Олег Левенштейн
Йошкар-Ола

ХРОНИКА

МЕРОПРИЯТИЯ В ДНИ РОДСТВЕННЫХ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ В ХЕЛЬСИНКИ

С 14 по 18 октября 1996 года состоялся *второй этап научных курсов финского языка и этнографии* для музейных работников из финно-угорских регионов России. Первый семинар состоялся в 1995 году (16—31 августа). Руководитель курсов — председатель Общсства М. А. Кастрена **Илдико Лехтинен**. Интенсивный курс финского языка провела **Паула Кокконен**. Участники курсов прослушали лекции по этнографии и музееведению в Хельсинкском университете и Музейном Ведомстве Финляндии.

С 19 по 20 октября в Хельсинки состоялся семинар *«Языки малых народов в многокультурном мире»*. В нем приняли участие не только финские исследователи, но и представители удмуртов, манси, хантов, саамов, карел, вепсов, коми-пермяков, юкагиров. Основной темой семинара было обсуждение проблемы спасения языков, находящихся под угрозой исчезновения.

Семинар организовали комитет ЮНЕСКО, отделение фольклористики Хельсинкского университета и Общество М. А. Кастрена. Семинар открыла председатель Общества М. А. Кастрена, доктор философии **Илдико Лехтинен** и ознакомила с задачами семинара, решение которых имеет большое значение для сохранения культур малочисленных народов.

С приветственной речью к участникам семинара обратился представитель ЮНЕСКО **Калерво Сиикала**, который в своем выступлении подчеркнул, что сохранение культур и языков малых народов является большой проблемой. Язык — символ идентитета. Значительную роль в сохранении идентитета играет традиционная культура, а также искусство, средства массовой информации. В качестве примера он привел саамов.

Следующим выступающим также был представитель ЮНЕСКО **Августин Гатера** из Франции. В его выступлении прозвучало, что деятельность ЮНЕСКО очень разнообразна и в этой деятельности большое место занимает языковая проблема. Язык — первая сфера социального общения. Язык — история, опыт того или иного этноса. Он высказал мнение о необходимости определенных мер по сохранению языков малочисленных народов.

С характеристикой положения удмуртского языка и перспективах его развития выступила председатель комитета по делам национальностей при правительстве Удмуртии **Светлана Смирнова**.

Интересным и содержательным было выступление известного профессора-лингвиста и полиглота **Стивена А. Вурма**. Он высказал интересную точку зрения по проблеме языков малочисленных народов. Часто члены доминантных культур в метрополиях стремятся уничтожить языки малых народов под видом их сохранения. Они мало задумываются над тем, что многоязычие распространено во многих странах, стабильное двуязычие распространено также во многих странах. Например, в Новой Гвинее, где много маленьких племен, представитель каждого из них владеет не менее чем десятью языками и свободно на них говорит. Они очень удивляются тому, что где-то не владеют большим количеством языков, а только одним. Для них это явление непонятно. Нет никаких причин забыть свой родной язык для того, чтобы выучить другой. Человек, владеющий многими языками, получает много информации. Ученые установили, что словарный запас одноязычного индивида — 20 тыс. слов, двуязычного — 40 тыс. слов. Вещи, написанные многоязычным человеком, более интересны и глобальны. Люди двуязычные гораздо более терпимы к другим культурам и более подготовлены к их восприятию и признают право думать по-другому. Многоязычные быстрее воспринимают и другие языки. Почему те, кто не знает много языков, не стремятся сохранить другие языки? Потому что они считают, что мир не будет таким сложным. Каждый язык по-своему необычен, оригинален и красив. Язык является символом идентитета и самоуважения. В настоящий период стало очень популярно изучать языки малых этносов. Так, в Японии с удовольствием учат язык айнов.

Следующим было выступление **Нины Зайцевой** из Петрозаводска о возрождении вепсского языка и культуры. Она высказала мнение, что двуязычие — не признак ассимиляции, как считалось раньше, а признак того, что народ приспосабливается и выживает. Что касается вепсского языка и культуры, то здесь есть свои трудности. Нет единой национальной политики, так как вепсы проживают в различных областях, а язык долго был «музейным», поэтому сложно идет подготовка учебно-методической литературы по вепсскому языку. Но есть и положительные сдвиги — вепсы постепенно начинают интересоваться своей культурой и историей.

Сложности с функционированием родного языка имеются и у коми-пермяков, что отметил в своем выступлении **Герман Мальцев**. В Коми-Пермяцком округе падает престиж родного языка у коренного населения, так как сильно влияние русского языка, в округе низкая инфраструктура, он является сырьевым придатком. К настоящему времени в округе исчезло более 100 деревень. К сожалению, нет единой программы по сохранению коми-пермяцкого языка. Однако с проведением в округе ряда финно-угорских мероприятий у коренного населения возрос интерес к своей культуре.

Историю развития языковых прав изложила в своем докладе **Тувс Скутнабб-Кангас**. Языковые права — самые важные права человека. История показывает, что часто пренебрегали языками малых народов. Но ни одно государство не должно отнимать право у малых этносов говорить на своем языке. Очень важными в этом плане являются международные соглашения о языках. Ответным выступлением по этой проблеме было выступление саамского исследователя **Саймуля Айкио**, который говорил о языковых проблемах саамского этноса и рассказал о различных ситуациях, связанных с преподаванием родного языка в саамских школах.

Интерес у участников семинара вызвал доклад финского профессора-лингвиста **Юхи Янхунена**, который высказал свою точку зрения на проблемы малых языков. На каждой территории есть элитная нация, которая стремится доминировать во всех сферах жизни. Федеративная идея объединения народов наиболее удачная, федерация может сыграть положительную роль в улучшении положения малых народов. Но нужно быть реалистом в отношении малых языков. Конечно же, всем народам нужно дать возможность организовать свои государства, но на практике это невозможно. Положение языка зависит от того, в какой сфере функционирует тот или иной язык. Нет причин делать ударение на двуязыковом воспитании, скорее всего нужно первоочередное внимание обращать на функциональные права языка.

Тамара Мерова охарактеризовала положение мансийского языка. Мансийские дети поступают в школы, где мансийский язык вообще мало используется, обучение идет только на русском языке. У манси утрачивается свой язык даже на бытовом уровне. В последнее время делаются попытки возрождения языка: подготовлено пособие по изучению мансийского языка в детских садах.

Вторая часть семинара была посвящена проблеме традиционной культуры как основы построения идентитета. «Традиция и этнический идентитет» — тема выступления профессора **Анны-Леены Сикала**. Объединенная Европа пробудила интерес народов к своему происхождению. Откуда мы, кто мы? — это центральный вопрос во всех культурах при создании идентитета. Этническое самосознание формируется во взаимодействии с другими этносами. Идентитет связан и с традициями. Они являются подлинными, если отражают подлинную культуру, но и сами они тоже не являются неизменными, они меняются.

Нина Лавонен в своем выступлении подчеркнула, что карельская народная традиция повлияла на литературный финский язык. Однако то, что касается языка карел в Карельской республике, то дело обстоит сложно.

Профессор **Семен Горохов**, юкагир их Якутского отделения РАН, остановился на социально-экономических и культурных предпосылках выживания юкагиров. Количество юкагиров в настоящее время резко сокращается. В XVII веке юкагиров было 10 тысяч человек, в настоящее время — только около одной тысячи, из них 700 человек живут в Якутии. Юка-

гирский язык практически утрачен, только 20 человек могут свободно объясняться на родном языке. Докладчик проанализировал сложное положение юкагирского народа и подчеркнул, что нужны срочные, интенсивные меры по спасению народа от полного исчезновения.

О сложном положении других северных народов рассказала **Александра Конева** — деятель культуры из Ямало-Ненецкого округа. Она считает, что спасение этих народов в их объединении, в совместных действиях. Положительным явлением стало издание в округе коми-ижемского букваря.

Этнограф **Татьяна Молданова** из Ханты-Мансийска проанализировала положение хантов в Тюменской области. Положение этноса резко ухудшилось в связи с тем, что Тюменская область стала центром нефтяного освоения Севера. Объективным условием сохранения языка является сохранение традиционного образа жизни, в частности — оленеводства. Исследовательница рассказала о тех мерах, которые предпринимаются для спасения самобытной культуры и языка хантов. Так, например, в летний период для детей проводятся этнографические стойбища, создано 4 фольклорных ансамбля, готовятся национальные кадры с высшим образованием.

В обсуждении докладов и выступлений в конце семинара приняли участие Илдико Лехтинен, Райя Бартенс, Анна-Леена Сиикала, М. В. Мосин и др.

Семинар завершился фольклорным представлением самодеятельных актеров из Ханты-Мансийска, которые продемонстрировали «Медвежий праздник».

Дни родственных финно-угорских народов в Хельсинки завершились 20 октября показом видеофильмов и концертной программой.

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СТРУКТУРА И РАЗВИТИЕ ВОЛЖСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ»

7—10 октября 1996 г. в г. Йошкар-Оле прошла Международная научная конференция «Структура и развитие волжско-финских языков», созванная Марийским государственным университетом и Научным центром финно-угроведения при Марийском НИИ языка, литературы и истории имени В. М. Васильева. Проведение конференции поддержано Правительством Республики Марий Эл.

Научный симпозиум, посвященный проблемам волжско-финских языков, впервые проведен в г. Турку (Финляндия) 1—2 сентября 1993 г. согласно программе сотрудничества кафедр финно-угорских языков Туркуского, Марийского университетов, а также кафедр эрзянского и мокшанского языков Мордовского университета имени Н. П. Огарева. Международное сотрудничество между кафедрами возглавляет неофициальный координационный совет по изучению волжско-финских языков, созданный по инициативе проф. Алхо Алхониеми (Финляндия). Совет работает в следующем составе: с финской стороны — проф. А. Алхониеми (председатель), доктор философии С. Сааринен, лиценсиат Й. Луутонен, исследователь А. Мойсио, с марийской стороны — проф. Ю. В. Андуганов, с мордовской стороны — проф. М. В. Мосин. За период сотрудничества ученых трех вузов создан ряд двуязычных словарей: 1. Moisio A. Marilais-suomalainen sanakirja.— Марла-финнла мутер.— Turku, 1992.—426 s; 2. Мойсио А. Марла-финнла мутер.— Йошкар-Ола, 1994.—432 с.; 3. Moisio A. Suomalais-marilainen sanakirja.— Turku, 1995.— 620 s.; 4. Эрзянь-финнень валкс.— Саранск, 1996.—207 с. В настоящее время готовится к изданию «Мокшень-финнонь валкс». Кроме финских лингвистов А. Мойсио и Я. Ниеми, активное участие в подготовке указанных лексикографических работ приняли: с марийской стороны — проф. И. С. Галкин и доц. В. Н. Васильев, с мордовской стороны — проф. М. В. Мосин, проф. А. П. Феоктистов, доц. Н. А. Агафонова и аспирантка В. К. Маркина.

Цель данной конференции — дальнейшее развитие международного сотрудничества по изучению актуальных проблем волжско-финских языков и активизации исследовательских работ, а также предоставления дополнительной возможности для обмена мнениями специалистов-языковедов и принятия необходимых решений по назревшим вопросам организации научно-исследовательских работ.

На конференции планировалось заслушать и обсудить 74 доклада и сообщения, однако многие из предполагаемых участников конференции, к сожалению, не смогли приехать в Йошкар-Олу, поэтому часть докладов была представлена лишь в виде тезисов.

В работе конференции участвовали лингвисты из 8 городов России (Йошкар-Олы, Саранска, Санкт-Петербурга, Елабуги, Ижевска, Омска, Сыктывкара, Томска), 2 городов Финляндии (Турку, Ювяскюля), 1 города Японии (Осака). При анализе количественного показателя участников сразу же бросается в глаза то, что самой многочисленной была принимающая сторона — Йошкар-Ола — 25 докладчиков. Далее количественные характеристики следующие: Саранск — 6, Турку — 3, Томск — 3, остальные — по одному.

Примечательно, что краткое содержание большинства докладов, благодаря стараниям организаторов конференции, было опубликовано в сборнике «Тезисы докладов Международной научной конференции «Структура и развитие волжско-финских языков» (Йошкар-Ола, 1996.— 116 с.), который вручался участникам по их прибытии. Однако из 60 докладов, опубликованных в форме тезисов, 18 остались не заслушанными из-за неприбытия их авторов на конференцию.

В рамках конференции проводились семинар-совещание по компьютерному исследованию финно-угорских языков в России и семинар на тему: «Фонетический фонд финно-угорских языков» при кафедре иностранных языков Марийского государственного университета под руководством проф. З. Г. Зориной.

Работа конференции проходила по двум секциям (1 — «секция грамматики», 2 — «секция фонетики и лексикологии»).

На двух пленарных заседаниях обсуждались следующие доклады: *Д. Е. Казанцев, Ю. В. Андуганов, Л. П. Васикова* (Йошкар-Ола) «Современное состояние марийского языкознания и перспективы его развития»; *М. В. Мосин* (Саранск) «Мордовское языкознание: современное состояние и перспективы»; *Сиркка Сааринен* (Турку) «Структура и развитие волжско-финских языков»; *З. Г. Зорина* (Йошкар-Ола) «Методология лингвистического исследования и Фонетический фонд финно-угорских языков»; *А. Н. Куклин* (Йошкар-Ола) «Системность и несистемность в топонимии волжско-финских языков». К сожалению, не заслушанным остался доклад доктора филологических наук *Э. И. Вяари* (Тарту) «Судьба ливского народа и языка» из-за его отсутствия на конференции по объективным причинам.

Отметим некоторые из докладов, поскольку остановиться на каждом не представляется возможным.

Так, в докладе *Сиркки Сааринен* отмечалось, что марийский и мордовские языки называются волжскими и считаются близкородственными, однако в настоящее время для них не постулируется общий волжский праязык. Они начали самостоятельно развиваться из прафинноволжской языковой общности.

На самом деле общий словарный состав марийского и мордовских языков является небольшим, в ограниченном количестве встречается ряд морфологических явлений, свойственных как марийскому, так и мордовским языкам. На лексическом и морфологическом уровнях, как подчеркивает Сиркка Сааринен, мордовские языки больше тяготеют к прибалтийско-финским языкам, нежели к марийскому.

Возникновение различий в волжских языках было обусловлено интенсивными контактами с нефинно-угорскими языками. Так, тюркские языки Поволжья оказали сильное влияние на марийский язык. Прежде всего необходимо отметить, что они содействовали консервации первоначального уральского порядка слов в марийских предложениях (субъект — объект — глагол). В синтаксисе мордовских языков прослеживается русское влияние на порядок слов.

Как справедливо подчеркивает Сиркка Сааринен, волжские языки являются агглютинативными, однако в грамматике мордовских языков обнаруживаются черты, характерные синтетическим языкам. В области морфологии, например, инновационные признаки проявляются в парадигме указательного склонения, в реализации форм объективного спряжения и др.

Согласно Сиркке Сааринен, наименование «волжский» указывает скорее всего на место этих языков внутри финно-угорской семьи, нежели на их типологическое сходство.

З. Г. Зорина (Йошкар-Ола) в докладе «Методология лингвистического исследования и Фонетический фонд финно-угорских языков» высказала мнение, что Машинный фонд финно-угорских языков мыслится как сложная, разветвленная и глобальная автоматизированная система, способная решать как информационно-поисковые, так и исследовательские филологические задачи в области финно-угроведения.

В качестве методологической основы построения Машинного фонда финно-угорских языков она выдвигает следующие тезисы:

1. Будет ли Фонд создаваться и функционировать как архив-банк готовых сведений о финно-угорских языках или это будет исследовательская лаборатория, обеспечивающая производство новых знаний, новых данных о языке? При этом подчеркивается, что архив-банк будет иметь дело всего лишь с картотекой (с хорошо систематизированной гиперкартотекой). Ей представляется, что Фонд должен как бы обладать «пониманием» синхронных и диахронных языковых процессов, показывать в динамике отношения единиц, уровней, подсистем. Исходя из этого, она констатирует, что Фонд должен быть исследовательской «лабораторией», банком научных знаний о языке.

2. В основе способа хранения информации лежит своеобразное досье на каждый язык. Причем информация должна охватывать все уровни языка. Поэтому в архитектуре Фонда предусматривается взаимодействие нескольких автономных подфондов.

3. Фонд должен быть творческой исследовательской лабораторией. Говоря о системе Машинного фонда, З. Г. Зорина уточняет, что она может быть рассмотрена с нескольких точек зрения: организационной, пользовательской, информационной, технологической, вычислительно-лингвистической и т. д.

СЕКЦИЯ ГРАММАТИКИ

На этой секции было заслушано и обсуждено 20 докладов, посвященных вопросам морфологии, синтаксиса и диалектологии. Здесь представляется небезынтересным остановиться на характеристике некоторых докладов хотя бы в самых общих чертах.

Так, *А. Алхопиеми* (Турку), анализируя особенности употребления инессива в марийском языке, пришел к выводу, что местный падеж выступает иногда в нехарактерных для него функциях, выражая часть совокупных предметов (βizə̑tə̑stə̑ iktə̑(ź̑ə̑)m mə̑lanem puš̆t "Они мне из пяти дали один"), целостность, из которой познается количество предметов (lū put lekteš̆ ik orβa γültäš̆tə̑ź̑ə̑ 'из одного воза снопов получается десять пудов (зерна)'), косвенный и прямой объекты, из которых что-то теряется, берется или убирается (šoš̆ə̑m lum kaja pasuš̆to 'весной снег сходит с полей'; purla kit parńaš̆tə̑ tuδə̑ luktə̑n naleš̆ šerγaš̆ə̑m 'он с пальца правой руки снимает кольцо').

И. С. Галкин (Йошкар-Ола), при ответе на вопрос «Была ли форма будущего времени в финно-угорском праязыке?» исходит из убеждения в том, что финно-угорский праязык знал уже все три времени: настоящее — с показателем **-k*, прошедшее — с показателем *-i*, *-s* и будущее — без грамматической формы, выражавшееся синтаксическим путем при помощи вспомогательного глагола «становиться, делаться», например, мар. *лияш* 'становиться, делаться', фин. *lienee* 'вероятно, может быть, по-видимому', венг. *lenni* 'становиться, делаться', саам. *l'ie* 'быть'.

Г. М. Тужаров (Йошкар-Ола) сосредоточил свое внимание на вопросе «Имеет ли марийское *вес ийын* статус наречия?». В итоге анализа семантических, морфолого-синтаксических и орфографических особенностей словоформ *вес ийын* 'в следующем году' он пришел к выводу, что их нельзя квалифицировать как наречие.

Вполне очевидно, что *ийын* — имя существительное, а *вес* — местоимение. Однако рассматриваемые словоформы амбивалентно могут выступать и как наречия: *Кечын мемнан деке толеш* 'Ежедневно приходит к нам'.

М. В. Ямбулатова (Йошкар-Ола) заострила внимание на механизмах образования рефлексивных и реципрокно-рефлексивных глаголов в марийском языке.

Анализу специальных форм, служащих средством выражения модальных значений в морфологической системе глагола, посвящен доклад

Т. Койзуми (Осака) «On the Development of Non-confirmed Moods in Volga-Finnic». — «О развитии неподтвержденных наклонений в волжско-финских языках».

Е. Сергеева (Йошкар-Ола) затронула вопросы диахронической диалектологии, в частности, историю формирования и развития шарангского, тоншаевского и яранско-кикнурского говоров марийского языка.

Среди исторических предпосылок, обусловивших возникновение специфических черт указанных говоров, по ее мнению, являются как внешнелингвистические факторы, так и особенности их самостоятельного развития при территориальной оторванности от основных диалектов.

В финно-угроведении, как и вообще в уралистике, область синтаксиса является наименее изученной. Отрадно при этом отметить, что значительная часть докладов на этой конференции была посвящена проблемам синтаксиса. В частности, аспирантами Марийского госуниверситета затронуты такие темы, как «Некоторые синтаксические особенности в сфере словосочетания восточного наречия марийского языка» (Л. Я. Александрова), «О синтаксическом способе выражения множества предметов в марийском языке» (В. Г. Гаврилова), «Формальная устроенность вопросительных предложений в марийском языке» (А. В. Валиев), «Об оптативном предложении в марийском языке» (Э. В. Иванова), «Место обстоятельства времени в повествовательном предложении марийского языка» (А. И. Москвичев), «Просодическая основа выделения обособленных членов предложения знаками препинания» (С. К. Элембаева). Научным руководителем перечисленных тем аспирантов является проф. Ю. В. Андуганов.

Значительный интерес по этой проблематике представляют доклады, рассматривающие причины синтаксической эволюции определенных конструкций, например, «О пояснительных конструкциях в современном марийском языке» (Г. Н. Валитов), «Из истории сложноподчиненных предложений нерасчлененной структуры в марийском языке» (Л. А. Абукаева).

Метод сопоставлений, широко применяемый в последние годы в работах по марийскому синтаксису, не оставляет в стороне и проблемы историко-генетического порядка, в частности, вопрос об общей исторической основе синтаксиса волжско-финских языков.

А. Мойсио (Турку) в своем докладе «Западная грамматика конституентов» отметил, что при исследовании родственных языков выявлено много общих явлений. Однако, как он полагает, невозможно сравнивать языки, если наши «измерительные приборы», или же методы описания, различные. Так, финно-угорские языки на территории России описаны методом русской лингвистики; в Финляндии они описываются с помощью системы, взятой из Запада. По его мнению, двоякий подход к вопросам синтаксиса препятствует единому решению проблем синтаксиса в финно-угорских языках. Исходя из всего сказанного, А. Мойсио заключает, что наша задача состоит в том, чтобы создать единый состав терминологии и описать наши языки единым способом.

Как явствует исследовательская практика лингвистов, двоякий подход характерен и к вопросам других уровней финно-угорских языков.

СЕКЦИЯ ФОНЕТИКИ И ЛЕКСИКОЛОГИИ

На этой секции было заслушано и обсуждено всего 26 докладов и сообщений по фонетике, лексикологии, ономастике. Все они представляют большой интерес не только для лингвистов-финно-угроведов, преподавателей вузов, учителей школ, студентов-филологов, но и для тех, кто интересуется вопросами современного состояния волжско-финских языков и перспективами их развития, кому дороги судьбы родного языка.

Необходимо вкратце остановиться на основных положениях некоторых докладов. Так, в докладе «Есть ли в финском языке класс звонких смычных согласных?» *Ярва Веса* (Ювяскюля) рассуждает о судьбе звукотипов *b, d, g*.

Затрагивая вопрос об их примате, Ярва Веса констатирует, что в финском языке они установились относительно поздно под влиянием чужих языков. По его наблюдениям, звонкие смычные *b, d, g* весьма регулярно встречаются в новых заимствованиях.

О. Ф. Сурдяева (Саранск) в докладе «Частотность фонем в мордовском (мокшанском) литературном языке» на основе статистического анализа научного текста, состоящего из 9821 фонемы, охарактеризовала встречаемость гласных и согласных фонем в различных позициях в зависимости от ударения.

Так, среди гласных самыми употребительными являются фонемы *и* (транскрипционное обозначение — *ь*), *а*. На 9821 фонему встречаемость *ь* составила 1102 раза, из них в ударной позиции — 0, предударной — 202, заударной — 900 раз. Частотность фонемы *а* равна 1032, т. е. соответственно, в ударной позиции — 341, предударной — 266, заударной — 425.

Из согласных фонем чаще встречается заднеязычный глухой *к* и фрикативный *с*. В анализируемом тексте частотность первой фонемы составила 540, из них в предударной позиции — 207, заударной — 333; встречаемость второй фонемы — 492, т. е. соответственно, в предударной позиции — 138, заударной — 354.

В докладе *Ж. М. Сабанцевой* (Йошкар-Ола) «Определение частотности гласных и согласных фонем в публицистическом тексте на лугомарийском языке» подведены итоги фоностатистических исследований текста объемом в 9456 фонем. Автором выявлено, что высокой частотностью характеризуются гласные фонемы **<а, е>**, встречаемость которых соответственно составляет 992 и 795.

Частотность согласных фонем распределяется следующим образом: t — 653, n — 623, k — 532, ʃ — 499, m — 453, l — 423, r — 387, d — 236, j — 229, p — 202, ʧ — 188, s — 184, β — 166, γ — 126, l′ — 97, z — 89, f — 53, ŋ — 50, ń — 48 и др.

Для сопоставления фоностатистических данных волжско-финских языков определенный интерес представляют сведения о частотности фонем ближайших в географическом отношении родственных языков.

Так, *Г. В. Пугегова* в докладе «Фоностатистические характеристики согласных фонем в литературном коми языке» подводит итоги исследования частотной нагрузки согласных в художественном тексте Г. Юшкова «Рӧдвуж пас», где общий объем выборки составляет 10000 фонем. По ее мнению, наибольшей частотностью обладают фонемы s, k, n, v, t, l, d; менее употребительными являются m, r, ś, j, p, b, ń, ć, g, z, квалифицируемые как среднее подмножество; наименьшей частотностью отличаются, š, ž, ľ, ź, č, ǯ, ť, z′, d′, а такие фонемы, как f, h, c, š′ совсем не характерны для коми языка, они встречаются лишь в русизмах, причем их частотность в заимствованных словах коми языка составляет 0,069%.

Какие можно сделать выводы для экспериментальной фонетики, проанализировав доклады по фоностатистическим данным финно-угорских языков?

Задача синхронической фонетики и фонологии заключается не в том, чтобы определить частотность согласных и гласных фонем на одном лишь тексте (научном, художественном, публицистическом) и делать на основе этого обобщающие выводы; задача квантитативного метода нацелена в первую очередь на определение среднеарифметических данных встречаемости фонем в определенном количестве текстов. Причем от количества текстов возрастает относительная истина (статистическая точность) данных. Констатировать об абсолютной истине невозможно, ибо некоторые функциональные стили лишены какой бы то ни было стилистической замкнутости, их, как правило, отличает разнообразие индивидуально-авторских средств. Разумеется, в таких своеобразных комбинациях и в функциональных преобразованиях лишь с натяжкой можно определить частотность фонем.

Что касается звуковой передачи слов, то следует придерживаться единой финно-угорской транскрипции. К сожалению, в докладах наблюдается эклектизм транскрипционных знаков: финно-угорской, МФА и Ленинградской фонологической школы. Ясно, что финно-угорская транскрипция более удачна в отношении передачи характерных признаков звуков, аллофоны которых не квалифицируются как отдельные фонемы.

Несомненный интерес представляют доклады, посвященные вопросам лексикологии и лексикографии. Так, в докладе *А. П. Кочеваткиной* (Саранск) проведен детальный семантический анализ терминов родства и свойства в мордовских и марийском языках. История же изучения терминов родства и свойства в марийском языке рассмотрена *Е. М. Андриановой* (Йошкар-Ола). Характеристике особенностей взаимодействия глаголов различных лексико-семантических групп в эрзянском языке посвящен доклад *В. П. Цыпкайкиной* (Саранск). *Л. И. Барцева* (Йошкар-

Ола) сумела довольно четко и ясно проанализировать эволюцию устойчивых сочетаний на метонимической основе в марийском языке. *О. А. Сергеев* (Йошкар-Ола) окинул взором иллюстрацию в рукописных словарях марийского языка XVIII—XIX веков.

Вопросам упорядочения и уточнения географической терминологии посвящен доклад *М. Митрофановой* (Саранск). Переходя к обзору тем по волжско-финской ономастике, следует отметить, что в этой области знания до сих пор остается еще очень много «белых пятен». И здесь, очевидно, окажется правомерным отметить, что нужны исследования синхронические и диахронические, региональные и сопоставительные по всем ее аспектам. Уже исходя из этого обстоятельства, доклады *Н. Казаевой* (Саранск) «Гидронимы общефинно-угорского происхождения на территории Мордовии», *Л. Ш. Арсланова* (Елабуга) «Ugro-samojedische Elemente in der Toponymie, Bezirke Menzelinski und Tukajewski, Tatarstan» «Угро-самодийские элементы в топонимии Мензелинского и Тукаевского районов Татарстана», *О. П. Терентьевой* (Йошкар-Ола) «Финно-угорские элементы в гидронимиконе Республики Марий Эл» следует оценивать как весьма актуальные.

Интересными по обсуждаемой проблеме и своему содержанию были многие другие доклады.

Конференция, обсудив некоторые теоретические и практические вопросы развития, изучения, преподавания волжско-финских языков, отметила, что наряду с заметными положительными явлениями в этих областях имеются существенные недостатки и нерешенные проблемы. Несмотря на то, что финно-угроведение добилось определенных успехов в теоретическом осмыслении вопросов лексикологии, фонетики и фонологии, морфологии и синтаксиса, диалектологии и истории языков, ряд важных теоретических проблем все еще не получил должного разрешения. В марийском и мордовском языкознаниях все еще наблюдается некоторый отрыв от практических вопросов функционирования и развития языков. Назрела необходимость подготовки к переизданию научной грамматики марийского и мордовских языков с учетом новейших достижений лингвистической науки и экспериментальных данных, нуждается в существенном упорядочении терминология, особенно общественно-политическая, в неудовлетворительном состоянии находится словотворчество и переводческое дело, ждет глубокого научного осмысления проблема общенационального марийского литературного языка, который имеет две нормы. Нуждается в значительном улучшении язык средств массовой информации.

Конференция предоставила прекрасную возможность для обмена мнениями и получения информации об исследовательских работах по актуальным вопросам волжско-финских языков в разных исследовательских центрах России и странах зарубежья.

Для всестороннего изучения и обсуждения фундаментальных и част-

ных проблем волжско-финских языков секция фонетики и лексикологии предложила оргкомитету предстоящей конференции создать следующие секции: секция 1-ая — грамматики, диалектологии и диалектографии; секция 2-ая — ономастики, семасиологии, лексикологии и лексикографии; секция 3-я — языковой интерференции и контрастивной лингвистики; секция 4-ая — грамматики, фонетики и фонологии; секция 5-ая — стилистики, языка художественной литературы и периодической печати, методики преподавания языков.

Участники конференции решили провести третью Международную научную конференцию «Структура и развитие волжско-финских языков» в Мордовском государственном университете имени Н. П. Огарева.

И в заключение необходимо выразить признательность устроителям конференции, в результате трудоемкой работы которых этот форум финно-угроведов удался как в плане создания рабочей атмосферы, так и организации культурных мероприятий.

Сокращения: *венг.*— венгерский язык; *мар.*— марийский язык; *саам.*—саамский язык; *фин.*— финский язык.

Анатолий Куклин, Олег Сергеев
Йошкар-Ола

ФИННО-УГОРСКАЯ ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ И НАУЧНОЙ ЖИЗНИ ЗА 1996 ГОД

Январь,
г. Саранск,
Мордовия

В Республике Мордовия 1996 год объявлен годом культуры финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-угрия».

12—18 февраля,
Финляндия

Ансамбль гусляров «Кӱсле» и танцевальная группа «Чолга шӱдыр» музыкально-художественной школы-интерната № 1 г. Йошкар-Олы выезжала с гастрольными поездками по восьми городам Финляндии.

28 февраля,
г. Петрозаводск

Торжественное открытие Года Финляндии в Карелии.

22—24 марта,
г. Нефтекамск,
Республика Башкортостан

Второй межрегиональный фестиваль культуры и искусства финно-угорских народов «Самоцветы Прикамья». Участвовали творческие коллективы Марий Эл, Мордовии, Татарстана, Удмуртии, Ханты-Мансийского и Коми-Пермяцкого округов, Эстонии.

28—29 марта,
г. Йошкар-Ола,
Республика Марий Эл

Встреча министров образования, начальников управления образования Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Ханты-Мансийского автономного округа. Принято Соглашение о сотрудничестве и необходимости создания Международной Ассоциации образования финно-угорских народов.

9—11 апреля,
г. Будапешт,
Венгрия

Заседание Международного консультативного комитета финно-угорских народов и Венгерского национального Оргкомитета по вопросу подготовки и проведения Второго Всемирного конгресса финно-угорских народов.

24 апреля,
Тарту,
Эстония

В университете прошла презентация книги финской писательницы Леены Лаулайянен «Марийцы: песенный и языческий народ».

24—27 апреля, г. Тарту	Гастроли марийского Театра юного зрителя.
16—18 мая, г. Саранск	Праздник финно-угорской молодежи России «Каргонь ки» («Журавлиная дорога»). Выступали молодежные самодеятельные артисты Мордовии, Марий Эл, Удмуртии, Ханты-Мансийска. Молодежная Ассоциация финно-угорских народов организовала научно-практическую конференцию «Молодежь и традиционная культура».
27 мая, г. Таллинн	Презентация учебника эрзянского языка Валдека Палла для эстонцев.
Май, г. Москва	В Центре венгерской науки, культуры и информации организована этнографическая выставка финно-угорских народов.
Май, г. Петрозаводск	Второй Международный фестиваль «Кантеле». В рамках фестиваля состоялся творческий семинар по проблемам сохранения и развития национального музыкального искусства.
г. Саранск	Летние курсы финского языка и культуры.
4—6 июня, г. Сыктывкар, Республика Коми	Международный семинар библиотечных работников и сотрудников музеев финно-угорских народов Эстонии, Финляндии, Удмуртии, Коми, Мордовии.
7—13 июня, г. Нурмес, Финляндия	Традиционный финно-угорский международный театральный фестиваль.
11 июня, г. Москва	Заседание Международного консультативного комитета финно-угорских народов по подготовке ко Второму Всемирному конгрессу.
25—27 июля, г. Будапешт	Дни Ханты-Мансийского округа.
16—20 августа, г. Будапешт	Всемирный конгресс финно-угорских народов. Участвовало более 300 делегатов. Впервые участвовали делегации саамского народа и ингерманландских финнов, представители ливов, води. Работа велась на пленарном заседании и шести секциях (политическая, экономическая, культурная и культовая, информатики, здравоохранения и демографии, молодежная). Перед

	участниками выступил Президент Венгрии Арпад Генц. Издана венгерскими учеными книга «Финно-угорский мир».
20 августа, Венгрия	Празднование 1100-летия «Обретения родины».
28—31 августа, г. Лохусалу, Эстония	Четвертая международная конференция финно-угорских писателей «Мосты», посвященная проблемам перевода. Состоялась презентация книги эстонского поэта Арво Валтона «Утренняя заря», где опубликованы стихи коми, марийских и удмуртских поэтов в переводе на эстонский язык.
9—15 сентября, г. Йошкар-Ола	Шестой финно-угорский детский лагерь.
Сентябрь, г. Хельсинки	Второй этап научно-практического семинара музейных работников финно-угорских регионов.
Сентябрь — ноябрь, г. Лааппенранта, Финляндия	В галерее Мане организована персональная выставка «По незримому следу» мордовского художника А. Алешкина. Выставленные работы посвящены мифам и легендам финно-угорских народов.
7—10 октября, г. Йошкар-Ола	Международная научная конференция «Структура и развитие волжско-финских языков». Заслушано 80 докладов ученых из Коми, Мордовии, Марий Эл, Удмуртии, Татарстана, г. Томска, Финляндии, Японии.
14—15 октября, во всех регионах	Дни родственных финно-угорских народов. В Республике Марий Эл прошли под девизом «Школьникам о финно-уграх». В Эстонии состоялся фольклорный фестиваль финно-угорских народов «Народная песня как носитель национального идентитета и как объект культурного обмена».
14—18 октября, г. Хельсинки	Научные курсы финского языка и этнографии.
19—20 октября, г. Хельсинки	Семинар «Языки малых народов в многокультурном мире». С сообщениями выступали представители саамов, карелов, вепсов, коми-пермяков, юкагиров, ненцев, коми.

4—6 ноября,
г. Саранск

Первые международные эрьзинские чтения, посвященные 120-летию со дня рождения скульптора Степана Эрьзи, в рамках Года Эрьзи, объявленного решением ЮНЕСКО.

11—13 ноября,
г. Глазов,
Удмуртия

Научно-практическая студенческая конференция «История и культура финно-угорских народов» (104 участника из Удмуртии, Коми, Перми, Марий Эл, Татарии, Нижнего Новгорода, Эстонии).

15 ноября,
г. Йошкар-Ола

Научная конференция «Финские ученые о культуре и языке марийского народа» в Марийском научно-исследовательском институте им. В. М. Васильева.

16-22 ноября,
г. Хельсинки

Совещание директоров книжных издательств Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии по изданию книги «Финляндия вчера и сегодня».

26—27 ноября,
г. Сыктывкар,
Республика Коми

Научно-практическая конференция «Этнология пермских народов».

27 декабря,
г. Йошкар-Ола

В Институте образования прошла презентация книги финской писательницы Леены Лаулаяйнен «Марийцы: песенный и языческий народ».

В Венгрии вышел первый номер ежемесячника Всемирного союза венгров «Вилаглап». В Будапеште работала выставка «Культура родственных финно-угорских народов».

В Петрозаводске начал печататься перевод карело-финского эпоса «Калевала» в новой редакции поэтом А. Мишиным и Э. Киуру, старшим научным сотрудником Института языка, литературы и истории Карельского филиала Российской Академии наук.

В Ханты-Мансийске вышел первый номер литературно-художественного журнала «Эриктур» («Поющее дерево») угро-ямальской писательской организации.

Игорь Садовин
Йошкар-Ола

ПАМЯТИ ВОЛЬФГАНГА ФЕЕНКЕРА

25.02.1996 года скончался доктор филологии, профессор финно-угристики (уралистики), президент общества Урало-алтаика Вольфганг Феенкер, долгие годы работавший в университете Гамбурга.

Вольфганг Феенкер родился 4 января 1940 года в г. Люнебурге (Германия). С 1959 по 1966 год он учился в университете Гамбурга, где изучал финно-угристику, славистику, фонетику, а также посещал семинары по балтистике, румынской филологии и восточно-европейской истории.

В 1966 году В. Феенкер успешно защитил диссертацию на тему: «Вопросы финно-угорского субстрата в русском языке». В том же году он стал научным ассистентом финно-угорского семинара. В 1969—1970 гг. В. Феенкер стал доцентом, а в 1977 году его назначили профессором финно-угристики. Следует заметить, что уже тогда Вольфганг Феенкер стал руководителем финно-угорского семинара, судьбу которого он определил на долгие годы.

После создания по его инициативе центра для хунгарологии в финно-угорском семинаре, он стал и его директором. Многосторонняя деятельность профессора В. Феенкера не ограничивалась только университетом Гамбурга и финно-угорским семинаром. Еще в начале 70-х годов он установил многочисленные международные связи научного характера. К ним следует отнести участие проф. В. Феенкера в обществе Урало-алтаика. С 1979 по 1994 гг. он был администратором-президентом, а затем назначен на должность и президента этого общества.

Все эти годы проф. В. Феенкер плодотворно работал. Результатом его огромной научной деятельности было издание 45 томов трудов общества Урало-алтаика. Именно эти труды явились главным достижением общества Урало-алтаика. Профессор В. Феенкер был разносторонним специалистом и особенно много занимался изучением финно-угорских языков. Он был автором работ по эстонскому, финскому, венгерскому языкам. С особым увлечением он исследовал центральные финно-угорские языки, такие как: коми, марийский, мордовский, удмуртский, а также языки манси, ханты. Кроме этого, он занимался кетским (енисейско-остяцким) языком, гилякским, юкагирским языками. И в этой области он достиг значительных успехов.

Профессор Вольфганг Феенкер был человеком необыкновенно скромным, очень доступным для сотрудников, студентов, преподавателей. Ни один вопрос студентов он не оставлял без внимания и ответа, он всегда искал решение каждой проблемы. Большой талант, жизнерадостность, скромность профессора Феенкера останутся в памяти всех тех, кто его знал.

Олег Левенштейн
Йошкар-Ола

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Мосин Михаил Васильевич — профессор, доктор филологических наук, декан филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Тулуз Ева — преподаватель Тартуского университета.

Берецки Габор — доктор филологии, профессор Будапештского университета.

Арсланов Леонид Шайсултанович — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой татарского языка и литературы Елабужского педагогического института.

Курс Отт — профессор Института географии Тартуского университета.

Куклин Анатолий Николаевич — кандидат филологических наук, доцент Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской.

Тужаров Геннадий Матвеевич — кандидат филологических наук, доцент Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской.

Москвина Лидия Павловна — старший научный сотрудник Марийского филиала Института национальных проблем образования Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации.

Ромбандеева Евдокия Ивановна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института обско-угорских народов.

Лебедева Элина Николаевна — преподаватель кафедры общего и марийского языкознания Марийского государственного педагогического института им. Н. К. Крупской.

Федина Марина Серафимовна — ассистент кафедры коми и финно-угорского языкознания Сыктывкарского государственного университета..

Плосков Иван Александрович — научный сотрудник отдела этнографии и фольклора Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Истомина Эпесса Георгиевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Кокорина Нина Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН.

Кузьминых Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН.

Напольских Владимир Владимирович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Удмуртского НИИ языка, литературы и истории УрО РАН.

Цыпанов Евгений Александрович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

Левенштейн Олег Генрихович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Марийского государственного университета.

Молотова Тамара Лаврентьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии Марийского НИИ языка, литературы и истории им В. М. Васильева.

Сергеев Олег Арсентьевич — кандидат филологических наук, заместитель декана историко-филологического факультета Марийского государственного университета.

Садовин Игорь Геннадьевич — помощник председателя Госсобрания Республики Марий Эл.

CONTENTS

ARTICLES

M. Mosin. Mordvinian linguistics: present state and prospectives of development 3
E. Tuluz. Historical significance of translation in development of Finno-Ugric literatures 18
G. Beretski. Some problems by translation of Finno-Ugric literature 28
L. Arslanov. Signs of the Mari people's stay on area eastward the Kama River 33
O. Kurs. Indigenuos ethnic minorities in Finland, Sweden and Norway 50
A. Kuklin. Systematics and unsystematics in toponymy of Volgo-Finnic 69

REPORTS

G. Tuzharov. Has the Mari "ves ijyn" the status of an adverb? 77
L. Moskvina. Some issues of Mari women's education at the end of the XIX th — the beginning of the XX th centuries 82
Y. Rombandeeva. Mansi (Vogul) fairy tales and their peculiarities 89
E. Lebedeva. Structural characteristics of Mari proverbs and sayings 95
M. Fedina. To the question about appearance of some impersonal constructions in modern Komi 101

PERSONS

I. Ploskov. About the scientific work of G. Startsev 107

REVIEW AND RECENSIONS

E. Istomina, N. Kokorina, S. Kuzminykh. Rev: N. N. Agafonova, A. M. Belavin, N. B. Krylasova. Pages of Permic land history. Perm, 1996 111
V. Napoljskikh. Rev.: Minniyakhmetova T. G. Calendar rituals of Udmurts living on the territory of the Kama River. Thesis submited for Degree of Dr. of History. Speciality "Ethnology (Ethnography)" 118
M. Mosin. Rev: Glukhova N. N. Structure and style of Mari incantations. Yoshkar-Ola, 1996. 112 p. 123
E. Tsypanov. Rev: Seppo Lallukka. Komipermjakit — perämaan kansa Syrjätyminen sulautuminen ja postkommunistinen murros/ Venäjän ja Itä Europan instituutti. Helsinki. 1995. 198 s. 125
O. Levenstein. Rev: Laslo V. Molnar. Russian-Hungarian cultural ties (1750 - 1815). Yoshkar-Ola, Stezja, 1994. 194 p. 130

CHRONICLE

T. Molotova. Arrangements during Finno-Ugric people's days in Helsinki 133
A. Kuklin, O. Sergeev. International scientific conference "Structure and development of Volgo-Finnic" 137
I. Sadovin. Finno-Ugric chronicle for 1996 146
O. Levenstein. In Memory of Wolfgang Veenker 150

Information about authors 151

«Финно-угроведение», 1997, № 1.
Научный журнал.
Основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации № 012258

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, д. 44.
Телефон: 55-37-34

Редактор *Т. А. Товашова*
Обложка художника *Ю. П. Клюкина*
Английский текст *Ж. М. Сабанцевой*

Журнал набран и сверстан
издательским центром МПИК

Сдано в набор 12.03.97. Подписано в печать 23.05.97. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,5. ИЦ.6. Заказ 104. Тираж 500 экз.

Марийский полиграфическо-издательский комбинат
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112

Издание журнала финансируется Министерством науки и технической политики Российской Федерации, Правительством Республики Марий Эл, Комитетом по делам национальностей Правительства Удмуртской республики